

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
МГУ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ

XX Международный симпозиум
по психолингвистике и теории коммуникации
«РОССИЙСКАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

27–28 мая 2022 г.

Москва

**Филологический факультет
МГУ им. М.В. Ломоносова
Российский университет дружбы народов
Московская международная академия**

**XX Международный симпозиум
по психолингвистике и теории коммуникации
«РОССИЙСКАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»**

**27–28 мая 2022 г.
Москва**

УДК 81.23
ББК 81.0
Р

Российская психоллингвистика: итоги и перспективы. Материалы XX Международного симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации, Москва, 27–28 мая 2022 г. – М.: Из-во РУДН, 2022. – 198 с.

Материалы XX Международного симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации «Российская психоллингвистика: итоги и перспективы», посвященной анализу функционирования языка в деятельности и общении, показывают сложность, многоаспектность проблемы и необходимость разнообразия подходов к ее решению, основывающихся на идее об их неперменной междисциплинарности.

Для специалистов в области теории языка, психоллингвистики, методов экспериментальных исследований языка, всех, интересующихся современным состоянием отечественной лингвистики и психоллингвистики.

ISBN 978-5-209-11267-9

© Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2022

© Российский университет дружбы народов, 2022

© Московская международная академия, 2022

© Авторы, 2022

Состав организационного комитета

Синячкин В.П., зав. кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка РУДН (Москва, Россия) – **председатель оргкомитета**;

Должикова А.В., директор института русского языка РУДН (Москва, Россия) – **заместитель председателя оргкомитета**;

Уфимцева Н.В., доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия);

Балясникова О.В., доцент Института иностранных языков и межкультурной коммуникации Сеченовского университета (Москва, Россия);

Жукова Л.С., Институт иностранных языков и межкультурной коммуникации Сеченовского университета (Москва, Россия);

Журавлев И.В., старший научный сотрудник Института языкознания РАН (Москва, Россия);

Красных В.В., профессор филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия);

Марковина И.Ю., директор Института иностранных языков и межкультурной коммуникации Сеченовского университета (Москва, Россия);

Пильгун М.А., ведущий научный сотрудник РГСУ (Москва, Россия);

Полянская А.Г., ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка РУДН (Москва, Россия);

Маховиков Д.В., доцент кафедры лингвистики и переводоведения МГИМО (Москва, Россия) – **ответственный секретарь оргкомитета**.

Состав программного комитета

Тарасов Е.Ф., доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия) – **председатель программного комитета**;

Должикова А.В., директор института русского языка РУДН (Москва, Россия) – **заместитель председателя программного комитета**;

Липгарт А.А., декан филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия) – **заместитель председателя программного комитета**;

Уфимцева Н.В., доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия) – **заместитель председателя программного комитета**;

Ахутина Т.В., главный научный сотрудник Лаборатории нейропсихологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, заведующая Лабораторией исследования трудностей обучения Московского городского психолого-педагогического университета (Москва, Россия);

Бубнова И.А., зав. кафедрой зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук Московского городского педагогического университета (Москва, Россия);

Бутакова Л.О., зав. кафедрой русского языка, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия);

Гуц Е.Н., профессор кафедры русского языка факультета филологии и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия);

Гридина Т.А., зав. кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета, председатель Уральского психолингвистического общества (Екатеринбург, Россия);

Дмитрюк Н.В., профессор Южно-Казахстанского государственного педагогического университета (Шымкент, Казахстан);

Кирилина А.В., профессор МО РФ (Москва, Россия);

Клименко А.П., профессор Минского государственного лингвистического университета (Минск, Белоруссия);

Красных В.В., профессор филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия);

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор (Вьетнам);

Мягкова Е.Ю., профессор кафедры теории языка и перевода ТГУ (Тверь, Россия);

Пешкова Н.П., зав. кафедрой иностранных языков естественных факультетов, Башкирский государственный университет (Уфа, Россия);

Пищальникова В.А., профессор МГЛУ (Москва, Россия);

Сергиева Н.С., профессор Сыктывкарского госуниверситета (Сыктывкар, Россия);

Сидорова М.Ю., профессор филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия);

Стернин И.А., директор Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета, председатель Воронежской психолингвистической ассоциации, член Международной ассоциации прикладной психолингвистики (Воронеж, Россия);

Теркулов В.И., зав. кафедрой русского языка Донецкого университета (Донецкая Народная Республика);

Ушакова Т.Н., академик РАО, главный научный сотрудник Института психологии РАН (Москва, Россия);

Харченко Е.В., зав. кафедрой русского языка как иностранного, директор центра дополнительного образования «Подготовительное отделение для иностранных граждан» (Челябинск, Россия);

Чулкина Н.Л., профессор филологического факультета РУДН (Москва, Россия);

Шапошникова И.В., главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири Института филологии СО РАН, профессор Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия

Тарасов Е.Ф. (Москва)

Деятельностный и коммуникативный подход к анализу речевых действий 15

Пленарные доклады

Кирилина А.В. (Москва)

Инновации в институционализации и научной интерпретации гендера
(на примере Германии) 7

Красных В.В. (Москва)

Базовая метафора и психологическая структура значения слова 18

Нестерова Н.М. (Пермь)

Перевод как герменевтическая задача 20

Пешкова Н.П. (Уфа)

Восприятие и понимание текста: новые тенденции речевой
коммуникации 21

Пищальникова В.А. (Москва)

Сущностные характеристики цифрового текста 23

Уфимцева Н.В. (Москва)

Архетипы культуры и структура языкового сознания 25

Чернейко Л.О. (Москва)

Невербальный семантический дифференциал: истоки метода и его роль
в изучении восприятия культурно значимых феноменов 26

Шапошникова И.В. (Новосибирск)

Векторы смысловых акцентуаций русской языковой личности сквозь
призму ассоциативной грамматики 28

Секция 1

Языковое и неязыковое сознание

Акованцева Н.В. (Воронеж)

Сопоставительный анализ семантики лексемы «отдых» по результатам
свободного ассоциативного эксперимента и субъективной дефиниции
семантики слова 30

Антонян К.В. (Москва)

Образы в эмоционально-образной психотерапии и языковой узус 31

Борисова Е.Г. (Москва)

Ментальный код: инвентарь и правила работы 32

Бутакова Л.О. (Омск)

Языковая способность, языковое сознание носителей языка: трендовое
исследование 33

Григорьева А.С. (Новосибирск)

Ассоциативно-вербальные сети глаголов обладания на материале
немецкого языка и языка немцев-меннонитов Plautdietsch 35

Гуц Е.Н. (Омск), Плотникова Д.В. (Нур-Султан) Ассоциативная структура инициальной аббревиатуры: экспериментальное исследование	36
Ковшиова М.Л. (Москва) Страх и его концептуализация в устойчивых выражениях русского языка: экспериментальное исследование	37
Козельская Н.А. (Воронеж) К проблеме дифференциации паронимов в языковом сознании	38
Левицкий А.Э. (Москва) Человеческое мышление и вопросы языковой динамики	39
Лемяскина Н.А., Бушманова В.В. (Воронеж) «День Победы» в языковом сознании младшего школьника	41
Литвинчук И.Н. (Симферополь) Ассоциативное поле «образование» в компаративном аспекте	42
Лифанова С.С. (Москва) Карикатура как когнитивная модель реальности	43
Маклакова Е.А., Литвинова Ю.А. (Воронеж) Методика описания синонимических рядов на основе ассоциатов свободного и направленного ассоциативных экспериментов	44
Отабоева М.Б. (Ташкент) Глаголы зрительного восприятия в русском языке	46
Палкин А.Д. (Москва) Ассоциативный эксперимент: к обсуждению метода	48
Панова О.Б. (Томск) Эволюционный подход к исследованию языка (философия и когнитивные науки)	50
Песина С.А. (Магнитогорск) Антропоморфизм языкового сознания	51
Пыхтина А.Ю. (Москва) Психологически реальное значение слова «дипломат» по результатам экспериментального исследования	52
Сивова Т.В. (Гродно) Ассоциативный эксперимент в описании цветовой концептосферы русского языка: цвет мха	53
Фатхутдинова В.Г. (Казань) Семантика перцептивных прилагательных: психолингвистический аспект	54
Цзинь Тао (Москва) Относительность семантики: кризис или возможности для лингвистики?	55
Яковлев А.А. (Санкт-Петербург) Методология исследований ментального лексикона и языкового сознания	56

Секция 2

Проблемы ментального лексикона

- Вацунина И.В. (Москва)**
Роль информационного тезауруса в смысловом восприятии иноязычного текста 58
- Власкина Т.Ю. (Ростов-на-Дону)**
Ключевые слова тезауруса по современному Донбассу: «обстрел» 59
- Золотова Н.О. (Тверь)**
Термин как достояние индивида: динамика эмоционально-оценочного значения 60
- Лебедева С.В., Дмитриева Е.В. (Курск)**
Некоторые особенности функционирования компьютерной терминологии в индивидуальном лексиконе студентов гуманитарного и технического профилей 61
- Модина В.В. (Санкт-Петербург)**
Эффект частотности при восприятии возвратных глаголов в русском языке 62
- Розенфельд М.Я. (Воронеж)**
Психолингвистические методы исследования ключевых слов поэтического текста как способ изучения ментального лексикона автор 63
- Семёнова М.А. (Москва)**
Решение задач после восприятия семантического прайминга 64

Секция 3

Производство и смысловое восприятие текста

- Боронин А.А. (Мытищи)**
Гетерономия гипертекста и лингвистическая лимология 66
- Гридина Т.А. (Екатеринбург)**
Речепорождающий потенциал словоформы: экспериментальные данные 67
- Иванова Е.Г., Скворцов А.А., Микадзе Ю.В. (Москва)**
Адаптивные стратегии при письме у пациентов с афазией 68
- Каганов А.Ш. (Москва)**
Лабораторный эксперимент как инструмент получения образцов голоса и речи фигуранта криминалистической экспертизы звукозаписей 69
- Карих Т.В. (Иркутск)**
Смысловое восприятие речи в парадигме текстовой деятельности 71
- Котельникова А.Н. (Пермь)**
Встречный текст как метод исследования механизмов понимания иноязычного текста 72
- Масленникова Е.М. (Тверь)**
Границы интерпретирующего диапазона текста и читательская проекция 73
- Матвеев М.О., Покатилов В.В. (Москва)**
Экспериментальное исследование гипертекста в психолингвистике 75

<i>Солнцева Г.Н. (Москва)</i>	
Ситуационная обусловленность и рефлексивный механизм понимания <i>Янь Кай (КНР)</i>	76
К вопросу о понимании художественного текста в свете этнопсихолингвистики и лингвокультурологии	77

Секция 4

Психолингвистические проблемы речевого общения и речевого воздействия

<i>Крючкова О.Ю. (Саратов)</i>	
Междиомная интерференция в речи диалектоносителей	79
<i>Миринова Н.И. (Москва)</i>	
Особенности эмоциональной реакции на текст-конфликтоген в интернет-комментариях	80
<i>Николаева Н.Н. (Москва)</i>	
Коммуникативно-прагматические аспекты доверия в корпоративном дискурсе	81
<i>Новосёллова О.В. (Тверь)</i>	
Коммуникативная ситуация угрозы в ментальном пространстве носителей английского языка	82
<i>Романов А.А., Романова Л.А. (Тверь)</i>	
Габитусные практики в дискурсивной интеракции	83
<i>Рязанова Т.Б., Дядченко И.Н. (Москва)</i>	
Образно-символический строй проповеди свт. Серафима (Звездинского) в контексте диалогической направленности его гомилетического наследия	85
<i>Садикова В.А. (Химки)</i>	
О лакунарности в языкознании	87
<i>Сигал К.Я. (Москва)</i>	
Эмоциональная акцентуация и силлепсис	88
<i>Соснова М.Л. (Москва)</i>	
Гуманистический и эвристический потенциал креативных приемов	89
<i>Тараканова Е.К. (Новомосковск)</i>	
Особенности коммуникативного поведения фрустрирующей языковой личности	90
<i>Циомо Е.Е., Иванова Е.Г. (Москва)</i>	
Нарушения невербальной коммуникации в виде распознавания и воспроизведения пантомимы при афазии	92
<i>Чижова Л.А. (Москва)</i>	
Кризис культуры в информационном обществе: психолингвистический портрет участника речевого акта	93

Секция 5

Проблемы этнопсихолингвистики

<i>Арестова О.Н. (Москва)</i>	
Культурная специфика запоминания и речевого воспроизведения сюжетного материала	95

<i>Л. Ван, Х. Ли (Москва)</i>	
Сравнительно-историческое исследование литературы и культуры Китая и России	96
<i>Гайсина А.Р. (Челябинск)</i>	
Региональное сознание русских и татар: противопоставление образов друг и враг	97
<i>Доган М.Г. (Москва)</i>	
Лингвокультурная специфика образа Москвы в стихотворения турецкого поэта Назыма Хикмета Рана	98
<i>Забирова А.И. (Москва)</i>	
Мультикультурный контекст современной русскоязычной прозы	99
<i>Звягинцева В.В. (Курск)</i>	
К вопросу о психолингвистических проблемах перевода безэквивалентных терминов	100
<i>Малахова С.И. (Москва)</i>	
Проблемы исследования межкультурного общения в глобальном мире	101
<i>Николаева Е.В. (Москва)</i>	
Психолингвистические особенности национальных версий рекламных текстов международных модных брендов	102
<i>Носиров Л.Х. (Ташкент)</i>	
О лингвокультуремах тематической группы «Напитки» (на материале русского и узбекского языков)	103
<i>Проклов Р.И. (Москва)</i>	
Фреймовый анализ лексики с этнокультурным компонентом (на материале бразильского романа «Сфинкс»)	104
<i>Синяева С.И. (Курск)</i>	
Текст сказки как средство национально-культурной репрезентации категории «Пространство»	105
<i>Markovina I. Yu., Matyushin A.A., I. Lenart (Moscow), H. Pham (Vietnam)</i>	
Russian-Vietnamese Dialogue: How Do We See Each Other?	106

Секция 6

Би-, поли-, транслингвизм: теоретический анализ и практика

<i>Антипова А.С., Денисова Г.В., Рабесон (М.Д. Москва)</i>	
Формирование профессиональных понятий и освоение лексики специальных областей на примере психологии	109
<i>Велишаева Э.С. (Ташкент)</i>	
Роль сленга в освоении русского языка учащимися узбекоязычной аудитории: психолингвистический аспект	110
<i>Джусупов М. (Ташкент)</i>	
Билингвизм и бикультурность психообразов языковых единиц в процессе межкультурной коммуникации	111
<i>Ибрагимова А.Б. (Ташкент)</i>	
Статика и динамика языка (теоретические и практические аспекты)	112

Мустафина Л.Р., Ханова А.Ф. (Набережные Челны) Объективные и субъективные методы оценки языковой компетенции билингвов	113
Падерина Т.С. (Иркутск) К вопросу о языковой репрезентации концептосферы «свой — чужой» в художественных произведениях русско-немецких билингвов	114
Сергиева Н.С. (Сыктывкар) Практика индивидуального письменного билингвизма как механизм трансязычия	115
Ханова А.Ф. (Набережные Челны) Гипероним «родной язык»: противоречия и проблемы	116
Хохолова И.С., Васильева А.П. (Якутск) Проблемы несбалансированного двуязычия у Саха (на материале якутского ассоциативного словаря)	118
Чеснокова О.Б. (Москва) Методика определения сбалансированности письменного билингвизма у детей школьного возраста	119

Секция 7

Аксиологическое языковое сознание: проблемы анализа Арынбаева Р.А., Дмитриук Н.В. (Шымкент) Иерархия семейно-родственных ценностей казахов и русских: ассоциативные аспекты	121
Богданова Л.И. (Москва) Трансформация ценностей и ее текстовая реализация	122
Владимирова Т.Е. (Москва) Мифопоэтические представления восточных славян: аксиологический подход	123
Выговская Д.Г. (Челябинск) Безопасность и защищенность в условиях меняющейся реальности: психолингвистический подход	124
Ильина В.А. (Москва) Аффективно-когнитивные антиценности в ментальном лексиконе	125
Мочалова Ю.В. (Москва) Роль родного языка в нравственном воспитании личности	126

Секция 8

Ассоциативная лексикография. Эвристический потенциал ассоциативных словарей Коновалова Н.И. (Екатеринбург) Ассоциативный словарь как инструмент исследования вербальной памяти говорящих	128
Короткевич И.И. (Минск) Влияние социокультурных факторов на языковое сознание белорусов (на материале «Славянского ассоциативного словаря»)	129

Низамутинова Т.М. (Красноярск) Ассоциативное поле «культура» в языковом сознании школьников Красноярска	130
Степанчук Н.Н. (Донецк) Тематический ассоциативно-контекстный индивидуальный словарь как основа текстовой картины мира интенционального когнитивного агента	131
Филиппович А.Ю., Черкасова Г.А. (Москва) Анализ гендерных различий ассоциаций в «Крымском ассоциативном словаре»	131
Харченко Е.В. (Челябинск) Маркеры территории в ассоциативных словарях	134
Чернышова Е.Б. (Борисоглебск) Построение параметрической модели динамики оценки в русском языковом сознании на материале ассоциативных словарей	135

Секция 9

Новые методы анализа речевых практик

Антипова А.С., Денисова Г.В., Рабесон М.Д. (Москва) Исследование семантического сдвига с применением современных технологий отбора и анализа текстовой информации	137
Валуйцева И.И. (Мытищи) Норма и нормальность	138
Захаркина К.П., Филиппович Ю.Н. (Москва) Информационная технология анализа результатов ассоциативных экспериментов	139
Радина Н.К. (Нижний Новгород) Инструменты анализа медиафрейминга: контекстуальная идеологема	140
Репина Е.А. (Москва) Психолингвистический анализ сетевой протестной коммуникации	141
Рогожникова Т.М. (Уфа) Технологии анализа вербальных моделей	142

Секция 10

Русское языковое сознание: динамика и вариативность (конец XX – начало XXI вв.)

Козлова К.А. (Магнитогорск) Реалии как лингвокультурное наследие региона	144
Коновалова Е.А. (Симферополь) Представление о Крымском мосте в языковом сознании крымчан	145
Полянская А.Г. (Москва) Ассоциативный эксперимент как метод исследования религиозной составляющей языкового сознания	146
Разумкова А.В. (Калуга) Влияние пандемии коронавирусной инфекции на динамику ассоциативного значения слова «больница»	147

Суровцева Е.В. (Москва)

Грех в русской языковой картине мира (на материале корпуса «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии»)	149
--	-----

Секция 11

Экология языкового сознания и родного языка

Ионова С.В. (Москва)

Аспекты экологических исследований в лингвистике: от языка к сознанию человека	150
--	-----

Кысылбаикова М.И. (Якутск)

Экология языкового сознания носителей якутского языка	151
---	-----

Мельник О.Ю. (Москва)

Использование немотивированных англицизмов в СМИ как угроза экологии русского языка	152
---	-----

Миньяр-Белоручева А.П., Сергиенко П.И. (Москва)

Экология языка при переводе PR-текстов	150
--	-----

Шапошников В.Н. (Москва)

Аксиологический потенциал языковых единиц: динамика системы и границы нормы	154
---	-----

Секция 12

Психолингвистические аспекты преподавания русского языка

Абаева М.К., Валиева С.Б. (Алматы)

Особенности функционирования фразеологизмов в произведениях детских писателей	156
---	-----

Василевич А.П. (Москва)

Проблема выявления лингвистических и языковых способностей	157
--	-----

Гао Гуоцуй (Чанчунь)

Исследование эффективности педагогического дискурса преподавателей РКИ на занятиях в вузах	158
--	-----

Дронов В.В., Синячкин В.П., Шляхов В.И. (Москва)

Гипертекстуальность словаря-учебника «Мир диких зверей и домашних животных в русском языковом сознании»	159
---	-----

Ерастова Д.А. (Москва)

Фразеология в сознании современного подростка	160
---	-----

Ковалёва А.В. (Москва)

Художественная картина мира в контексте преподавания русского языка и литературы	161
--	-----

Кривошапова Н.В. (Тирасполь)

Интегративные возможности уроков русского языка и литературы в малокомплектных классах: психолингвистический аспект	162
---	-----

Кулик А.Д. (Москва)	
Обучение устному реферированию с использованием графов иностранных студентов-нефилологов как альтернатива обучению записи лекций и воспроизведению учебно-научного текста	163
Нажмиддинова М.М. (Ташкент)	
Психолингвистические основы обучения фонетике русского языка	164
Синячкин В.П., Токарева Н.А. (Москва)	
Психолингвистический подход к преподаванию РКИ (на материале корнеизолирующих языков)	165
Тошқулова Г.Н. (Ташкент)	
Разновидности сочетаний согласных в аспекте обучения русскому произношению узбекских студентов	167
Тряпельников А.В., Яхненко В.В. (Москва)	
Русский язык как родной (к обоснованию подхода)	169
Яйич Новоградец М.В. (Загреб)	
Психолингвистические исследования овладения русским языком в хорватской лингводидактике	171

Круглый стол

«Функциональная неграмотность как психолингвистический феномен»

Бубнова И.А. (Москва)	
Визуализация образовательного процесса и функциональная неграмотность	173
Кружилина Т.В. (Курск)	
Функциональная неграмотность: вопросы или ответы?	174
Степыкин Н.И. (Курск)	
Моделирование речевого действия как средство диагностики функциональной неграмотности (по материалам проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости»)	175

Круглый стол

«Гендер как инструмент изменения модели человека в третьем тысячелетии»

Аликина А.В. (Нижний Новгород)	
Гендерная стереотипизация в российском дискурсе трудоустройства	178
Галочкин А.Е. (Нижний Новгород)	
Гендерный аспект в миграционном медиадискурсе правого популизма	179
Гаранович М.В. (Пермь)	
Гибридизация юридических терминов законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» в языковом сознании носителей русского языка	180

Гриценко Е.С. (Нижний Новгород), Лалетина А.О. (США)	
Гендер, этничность и аутентичность в контексте глобального и национального	181
Зинина А.М. (Нижний Новгород)	
Динамика гендерных репрезентаций в интернет-общении (на материале китайского языка)	182
Товкес М.Ю. (Нижний Новгород)	
Прототипическая организация концептов мужчина / женщина	183
Черных О.Ю. (Москва)	
Особенности формирования гендерной идентичности в современном англоязычном педагогическом дискурсе	184
Круглый стол	
«Исследование проблем полиглоти: теоретический анализ и практика»	
Алешкевич-Суслов Я.В. (Москва)	
Самонаблюдение полиглота с помощью электронных таблиц: фактор времени	186
Бигулати В.Л. (Бланес)	
Роль методики гиперинтенсива в использовании языковых онлайн-платформ для развития разговорного навыка	187
Бигулов А.К. (Владикавказ)	
Гиперинтенсив параллельного изучения пяти романских языков	188
Брицына Н.М. (Москва)	
Феномен метафоризации в эпоху инклюзивности и разнообразия: вклад в полиглотические исследования	189
Виротайнен А.В., Коваленко Н.С., Комаров Д.С. (Москва)	
Образ полиглота глазами студентов МГИМО	191
Дрик Ю.С. (Красноярск)	
Сравнение традиционного подхода и методики гиперинтенсива в изучении иностранных языков	192
Ивушкина Т.А. (Москва)	
Журнал Linguistics & Polyglot Studies как новая платформа для научных дискуссий в области полиглоти	193
Казаков Г.А. (Москва)	
Полиглотия, машинный перевод и искусственный интеллект: общие принципы	194
Никуличева Д.Б. (Москва)	
Гиперинтенсивное вхождение в разговорную практику: опыт применения стратегии полиглота Алана Бигулова	195

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ И КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

*Е. Ф. Тарасов (Москва)
Российский новый университет
eft35@mail.ru*

В существующей практике анализа речевого общения (РО) используется модель коммуникативного акта (КА), в которой коммуниканты отображаются как одиночный продуцент речи и ее одиночный реципиент. Такая редукционистская модель, заимствованная из описательной лингвистики, не отображает реальное РО в современном социуме, где, вероятно, в подавляющем большинстве КА общающиеся функционируют как коллективный продуцент речи и как коллективный реципиент.

Любой коммуникант, который озвучивает текст, созданный другими авторами, или продуцирует свой оригинальный текст, опирающийся на иные авторизованные тексты, ставит под вопрос содержательную индивидуальность своей речи. В аналогичной ситуации потери индивидуальности своего смыслового восприятия чужой речи находится и реципиент, обсуждающий результаты своего восприятия с реципиентами того же самого речевого сообщения.

В связи с необходимостью различать единичного и множественного (коллективного) продуцента и реципиента встает проблема влияния РО со своими копродуцентами и кореципиентами на процесс продуцирования и смыслового восприятия речи единичными коммуникантами.

Анализ такого сложного объекта, как РО, разворачивающегося только в структуре совместной деятельности (СД), требует сочетания как деятельностного, так и коммуникативного подхода.

В рамках деятельностного подхода КА может быть понят как взаимное управление коммуникантами поведением друг друга, в котором каждый из них в своем образе ситуации речевого общения выступает субъектом, полагая партнера по общению объектом. Иначе говоря, деятельностная схема КА позволяет трактовать его как знаковое воздействие коммуникантами на поведение друг друга.

Деятельностная схема полагает каждого коммуниканта субъектом не только по отношению друг к другу, но и к общему для них объекту СД, в которой они выступают сотрудниками и которая является для них единственной причиной развертывания РО и осмысливания содержания их речевых действий.

Деятельностная схема не только вводит в объектную область РО собственно СД, детерминирующую РО и вызывающую его к жизни, но и легитимирует введение в анализ содержания речевых действий предмета-мотива деятельности, обеспечивающего эмотивное осмысливание языковых знаков. Именно СД как социальная инфраструктура обуславливает не только этнокультурное содержание, ассоциированное с телами языковых знаков, но и все содержания образа мира носителей конкретной этнической культуры.

Таким образом, деятельностный подход к анализу РО создает познавательные выгоды, которые состоят в том, что локализация РО в структуре СД обуславливает возможность осмысливать содержание языковых знаков, соотнося его с конкретными мотивами СД в конкретном историческом времени этноса. Кроме того, этот подход позволяет использовать эмоции как инструменты анализа наряду с сознанием как

характеристиками системной организации любого поведения [Александров, 2008; Damasio, 2000].

Коммуникативный подход позволяет сделать более адекватным представление о коммуникантах, введя понятие коллективного продуцента и коллективного реципиента, поставив проблему влияния общения с копродуцентами и кореципиентами на их речевое поведение [Андрющенко, 1983]. Этот же подход позволяет отказаться от ложного представления, что информация передается при опосредовании общения языковыми знаками, заменив его представлением, что информация конструируется реципиентом из его собственных знаний в процессе восприятия речевого сообщения, состоящего только из тел языковых знаков [Чертов, 1993].

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что РО, погруженное в СД, является сложным объектом анализа, вызывающим необходимость

1. различать единичных и множественных коммуникантов;
2. анализировать РО только в структуре СД;
3. вводить в объектную область РО мотив СД, в которой развертывается РО;
4. использовать в качестве инструмента анализа не только сознание, но и эмоции как дополняющие друг друга характеристики речевых действий;
5. исходить из представления об общности сознаний коммуникантов, которая позволяет при смысловом восприятии речи конструировать его содержание, опираясь только на форму речевого сообщения.

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

ИННОВАЦИИ В ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ И НАУЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГЕНДЕРА (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ)

А.В. Кирилина (Москва)
Министерство обороны РФ
alkira@list.ru

Начало XXI века характеризуется изменением научных интерпретаций гендера, связанных с изменениями прагматического контекста науки, политическими переменами и дальнейшим распространением глобалистской идеологии (вопреки замедлению самих глобализационных процессов). Результатом стали инновации в социальной и научной концептуализации гендера, то есть новое понимание объекта исследования, возникшее под влиянием происходящих в мире перемен и насаждения идеологии атомизации общества.

Гендерная лингвистика как часть междисциплинарных гендерных исследований существует уже около пятидесяти лет, и за это время прошла «путь от признания гендера как аналитической категории, обозначающей половую роль, сформированную в процессе социализации, до интерпретации гендера как изменчивого социального конструкта, производимого в социальных структурах и воспроизводимого в рутинных взаимодействиях» [Здравомыслова, Темкина, 2015, с. 23].

Начальный период развития и гендерной лингвистики, и гендерных исследований в целом ознаменован созданием *дуальных* описательных и объяснительных моделей гендера. И Новое женское движение, возникшее на волне студенческой революции 1968 г., и социальная философия постмодернизма, и формирующаяся тогда феминистская лингвистика на этом этапе были сосредоточены на доказательствах социальных причин неравенства между полами и акцентировали в первую очередь дискриминацию женщин, в том числе — в языке и коммуникации.

Одновременно происходили эпистемологические изменения в гуманитарном знании, связанные с развитием постструктуралистских / постмодернистских теорий. На этом фоне возникла концепция гендеризма И. Гоффмана [Goffman, 1994; 1977], предлагавшая различать институционализацию и ритуализацию пола.

На рубеже третьего тысячелетия произошло резкое ускорение глобализационных процессов, усилилась идеология формирования глобальной идентичности, а также ярче проявилось влияние идей постмодернизма и радикального конструктивизма — последний оказался главенствующей методологией и завершил теоретическую легитимацию понятия гендера, которое вне конструктивизма не имело бы смысла.

Сегодня, на рубеже XX-XXI вв., следует констатировать ревизию научных представлений о гендере, так как формирование новой модели человека происходит сегодня прежде всего по линии гендера и детства. Одна из существенных черт смены технологий и глобализации — не только изменение модели человека, но и повышенная, по сравнению с предыдущими периодами, наблюдаемость этого процесса.

Политический, социальный заказ акцентирует общественное внимание на тех или иных сторонах жизни и поведения человека, усиливая или подавляя их, в том числе через создание и внедрение новых метафор, новых категоризаций, новых видеорядов, новых дискурсов и т.д.

Главные инновации (и это типично для современности) бытуют в форме потоков, то есть существуют и распространяются в виде процессов, происходящих внутри каких-либо сред и областей, переходят их границы, но всё же не охватывают их целиком. К ним мы относим следующее:

1) глобалистское признание человека изменчивым, «множественным», выходящим за пределы дихотомии пола (мужское / женское), акцентуация множественности гендера;

2) одновременное сосуществование и столкновение глобалистских и традиционалистских концепций гендера / пола;

3) глобалистское рассмотрение категорий «пол» и «гендер» как полностью автономных друг от друга, в том числе релятивизация и даже негативизация понятия биологического пола в свете усиления радикального конструктивизма;

4) усиленное разрушение (деконструкция) прежней ритуализации пола и изменение его институционального статуса.

Один из «столпов» нового взгляда — признание небинарности гендера.

В Германии в марте 2020 г. официально признан третий пол. В связи со столь серьезным институциональным изменением журнал «Sprachdienst» посвятил этой теме специальный выпуск (Themenheft «Geschlechtergerechte Sprache», 2020, N 1-2), освещающий не только немецкий язык, но и целый ряд других — русский, итальянский, венгерский, шведский, французский — и возможности политически корректного выражения пола. Высказанные в специальном выпуске журнала идеи критически рассматриваются в докладе.

БАЗОВАЯ МЕТАФОРА И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

В.В. Красных (Москва)

Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова

victoryvk@gmail.com

1. Изучение проблемы психологического значения имеет уже достаточно долгую историю: она рассматривалась в трудах физиологов (напр., И.М. Сеченова), психологов (Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, С.Л. Рубинштейна и др.). Так, А.Н. Леонтьев писал о «двойной жизни» значений слов («независимое существование слов в социуме» vs. значения как способы и механизмы осознания, выводящие на индивидуальный образ мира), рассматривал значения как орудия, опосредующие мысль, и утверждал, что вне предметности индивидуального образа мира нет и не может быть значений [Леонтьев А.Н., 1977]. С точки зрения психологии, «психологическая структура значения как единицы психического отражения человека представляет собой *единство вербальных и невербальных компонентов*, причем последние могут быть дифференцированы на операциональные и предметные компоненты» [Стеценко: электр. ресурс] (курсив мой. — В.К.).

2. В рамках психолингвистики А.А. Леонтьев рассматривал значение как познавательную единицу, которая выводит на разнообразные формы хранения знаний об окружающем человека мире [Леонтьев А.А., 2001]. Соглашаясь с этим положением, А.А. Залевская уточняет, что функционирование значения слова, «во-первых, нераз-

рывно связано с *эмоционально-оценочным переживанием* отношения к этому знанию, а во-вторых, реализуется при взаимодействии различных уровней осознаваемости, т. е. при важной роли выводного знания, которое *не осознается, но так или иначе учитывается* и может выводиться на “табло сознания” в случаях необходимости» [Залевская, 2011, с. 23] (курсив мой. — В.К.). Слово трактуется «как средство доступа к единой информационной базе человека» (разрядка оригинала. — В.К.), понимаемой как «самоорганизующаяся функциональная динамическая система — совокупный продукт переработки разнообразного (в том числе речевого) опыта», которая «формируется по закономерностям психической жизни индивида, но *под контролем социума и — шире — культуры*. <...> слово “высвечивает” в индивидуальном образе мира некоторый объект (действие и т.д.) при обязательной включенности в некоторую ситуацию, при этом и объект, и ситуация *могут обернуться любой гранью* при изначально подразумеваемой (на разных уровнях осознаваемости) целостности и *эмоционально-оценочной помеченности*» [Залевская, 2011, с. 24-25] (курсив мой. — В.К.). Понимание значения как *процесса* (восходящее к идеям Л.С. Выготского) предполагает «установление соответствия между воспринимаемой индивидом словоформой, социально признанным (системным) значением слова и тем, что благодаря этому “высвечивается” в индивидуальной картине мира (памяти) на разных уровнях осознаваемости в виде многообразных продуктов переработки перцептивного, когнитивного и аффективного опыта, так или иначе связанного и со словом, и с обозначаемым им объектом (действием и т.д.), и с текущей ситуацией, в которую включен называемый объект, и с эмоционально-оценочным переживанием всего вышеназванного активным и пристрастным субъектом» [Залевская: электр. ресурс].

3. А.А. Леонтьевым было предложено понимание *психологической структуры значения слова* как его ассоциативной структуры [Леонтьев А.А., 1971, с. 11] (использовались также термины «психологически релевантное значение», «психологическое значение» [Леонтьев А.А., 1969; Леонтьев А.А., 1976]). В последние годы, развивая идеи А.А. Леонтьева, ее изучением активно занимается школа И.А. Стернина, при этом исследователи предпочитают как «более удобный» термин *психолингвистическое значение слова*, которое понимается как «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка» [Стернин, Рудакова, 2011, с. 99]; это «психологически реальное значение слова» [Стернин, 2010].

4. Мы предлагаем при изучении психологической структуры значения слова (ПЛ-значения) особое внимание уделять архаическим слоям сознания, актуальным для современного носителя языка / представителя культуры (см., напр., [Красных, 2020]), и коннотативным и эмотивным аспектам значения (см., напр., [Мягкова, 1990; Мягкова, 2000а; Мягкова, 2000б]), что призвано помочь уточнить и некоторым образом расширить классическое понимание психологической структуры значения за счет более четкого выявления и описания указанных составляющих.

5. Архаические слои сознания включают в себя базовые метафоры, т.е. древнейшие, «изначальные», часто не осознаваемые современным носителем языка «идеи», которые основаны на архетипических представлениях и лежат в основе окультуривания мира человеком [Красных, 2016] (пример выявления и описания см., напр., в [Красных, 2020]). Связь архаических слоев сознания и базовых метафор представляется «естественной», поскольку «метафоричность есть всегдашнее свойство языка», «единственный первоначальный способ, доступный языку», т.е. единственный способ выражения и передачи мысли, «доступный» для «архаического», мифологического

мировосприятия и мышления, а «миф состоит в перенесении индивидуальных черт образа, долженствующего объяснить явление (или ряд явлений), в самое явление» [Потебня, 1989, с. 261, 263]. Изучение же этой связи с позиций психолингвистики представляется не только оправданным, но и целесообразным, ибо мысль человека как таковая «метафорична <...> и развивается через *ассоциативное* сравнение, и отсюда возникают метафоры в языке» [Ричардс, 1990, с. 46], и «все типы *метафоризации* основаны на *ассоциативных связях* человеческого опыта» [Телия, 1988, с. 4] (курсив в цитатах мой. — В.К.).

6. Выявление базовых метафор, представленных в ПЛ-значении слова (в первую очередь — в архаических слоях сознания) осуществляется на основе данных этимологических, толковых, ассоциативных словарей. Коннотативные и эмотивные аспекты значения выявляются на основе анализа ассоциативных данных и проверяются с помощью толковых словарей и словарей синонимов, дополнительно — путем опроса или анкетирования (в том числе на основе методики Е.Ю. Мягковой) современных носителей русского языка. Все полученные данные проверяются и уточняются с помощью контекстного и текстуального анализа реальных контекстов (напр., представленных в Национальном корпусе русского языка) и дополнительно — экспериментами с русскими испытуемыми. Подобного рода комплексный анализ позволяет делать теоретически обоснованные и экспериментально подтвержденные выводы о реально существующей структуре психологического значения конкретного слова, включающей или не включающей ту или иную базовую метафору, актуальную для современного носителя русского языкового сознания.

ПЕРЕВОД КАК ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

Н.М. Нестерова (Пермь)

*Пермский национальный исследовательский
политехнический университет
nest-naf@yandex.ru*

Герменевтическая концепция перевода, как известно, начала складываться в начале XIX столетия. Первой теоретической работой стала знаменитая лекция Фр. Шлейермахера «О разных методах перевода», прочитанная им в 1813 году в Берлинской академии. Именно Шлейермахера считают основоположником современной герменевтики, определявшим данную науку как «а) искусство правильно излагать свои мысли, б) искусство правильно пересказывать чужую речь третьему лицу, в) искусство правильно понимать чужую речь» [Шлейермахер, 2004, с. 41]. Очевидно, что все три толкования термина имеют прямое отношение к переводу, что и позволяет рассматривать перевод как герменевтическую задачу.

В. Дильтей, будучи последователем Фр. Шлейермахера, утверждал, что интерпретация и понимание лежат в основе всех наук, основанных на **истолковании текстов** [Дильтей, 2004]. Переводоведение, несомненно, относится к таким наукам. Уместно вспомнить слова Н.И. Жинкина, сказавшего, что «переводятся не слова, не словосочетания и не предложения, а мысли о действительности», а это значит, что переводчик переводит «не то, что сказал говорящий-пишущий, а то, он понял [Жинкин, 1982, с. 92]. Именно поэтому законом перевода считают **закон понимания** [Крюков, 1979].

Изучение процесса понимания, его законов, как известно, является одной из основных проблем и психолингвистики, в частности, психолингвистики текста, основы которой были изложены А.И. Новиковым в его последней работе «Текст и его смысловые детерминанты» [2007], где он ставит целью «рассмотреть проблему текста сквозь призму смысла как основного интегрального механизма его порождения и понимания» [Новиков 2007, с. 30].

Представляется, что те методы анализа закономерностей смыслового восприятия текста, которые были предложены А.И. Новиковым (методика денотативного анализа и методика «встречного текста»), можно соотнести с так называемым «герменевтическим кругом», понятие которого и было предложено Шлейрмахером. Суть «кругового» понимания заключается в необходимости «созерцать» целое в его частях, а в каждой части целое [Шлейрмахер, 2004]. Позднее герменевтический круг как способ представления осмысления воспринимаемой информации стал широко использоваться в современной герменевтике.

На наш взгляд, оба метода исследования процесса понимания, разработанные А.И. Новиковым, основываются как раз на таком «герменевтическом движении» (термин Дж. Стайнера), т.е. многократном челночном движении от фрагмента текста к целому тексту и снова к фрагменту. Итогом такого движения является понимание текста, предполагающее выявление предметного содержания текста (это ученый называл проекцией текста на сознание) и «приписывание» этому содержанию смысла (это уже проекция сознания на текст). В ходе осмысления текста имеет место неоднократное проецирование как текста на сознание, так и сознания на текст. Представляется, что для описания этого процесса тоже может быть метафора «герменевтический круг».

Именно по этому кругу и движется переводчик, от которого на первом этапе переводческого процесса требуется «искусство правильно понимать чужую речь», на втором — «искусство правильно пересказывать чужую речь третьему лицу» и «искусство правильно излагать свои мысли». Владение этими тремя «искусствами» и делает перевод, по мнению Х-Г. Гадамера, «предельным случаем общей герменевтической сложности»; вызвана эта предельная сложность «иноязычностью», которую переводчику необходимо преодолеть [Гадамер, 1988, с. 450].

ВОСПРИЯТИЕ И ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Н.П. Пешкова (Уфа)
Башкирский государственный университет
peshkovanp@rambler.ru

В настоящее время множество исследований посвящено изучению новых тенденций современной коммуникации, влияющих на процессы продуцирования и понимания информации, на изменения в позициях автора и адресата, а также на появление новых видов текстовой продукции. Предметом нашего научного интереса являются процессы восприятия и понимания письменной информации в форме текста и, соответственно, современный адресат как коммуникант новой формации.

Обсуждая проблему изменений, происходящих в процессах современной коммуникации, необходимо отметить взаимозависимость и взаимодействие новых условий коммуникации, с одной стороны, и нового типа коммуникантов — с другой. Изменения в образе жизни социума, обусловленные его экономическим и научно-техническим развитием, общественно-политическими переменами, безусловно, ведут к переменам в речевой коммуникации, изменениям в языке, в том числе, в языковой норме. Однако, как справедливо отмечал В.И. Шаховский, обострение «непреодолимых» проблем языка и общества, вызванных научно-техническим прогрессом, сопровождается вмешательством не только социума в язык, но и языка в отношении социума, при этом «языковые преобразования формируют и новые этико-моральные взаимоотношения» [Шаховский, 2021, с. 41]. Изменения же в условиях коммуникации формируют новый тип коммуниканта, характеризуемого как «виртуальная» и «сетевая языковая личность» [Карасик, 2021, с. 58].

Анализ исследований, посвященных изучению новых условий общения [Жизнь языка в культуре и социуме-8, 2021; Лингвокультурные аспекты глобализационных процессов, 2021], и, прежде всего, его компьютерно-опосредованных форм, составляющих неотъемлемую часть современной коммуникации, позволяет нам выявить некоторые общие механизмы, присущие, на наш взгляд, одновременно и процессам порождения, и процессам понимания, не только потому, что в интернет-коммуникации «активный» адресат является потенциальным автором, продуцирующим тексты-комментарии на ту или иную информацию. В связи с этим можно еще раз вспомнить принцип «встречного текста» А.И. Новикова [2003], работающий в любых процессах понимания текстовой информации и в интернет-общении также. Механизмы, приводимые ниже, выступают инструментом порождения и понимания, используемым как автором, так и адресатом письменного текста. Среди них:

конденсирование информации, сопровождаемое уменьшением «материального» объема текста при порождении и целевым конденсированием содержания и смысла при понимании; уплотнение интертекстуальных связей, ведущее к изменениям соотношения эксплицитной и имплицитной информации: при порождении текста в пользу «физического» уменьшения эксплицитной; при понимании — с опорой на общие и частные, субъективные стратегии извлечения имплицитной информации; гипертекстуализация, используемая автором с целью направления понимания адресата и обеспечивающая адресату возможность реализации выбора информации; «креолизация» текста автором, отчасти управляющая реакцией «визуализации» информации адресатом; кодифицирование, использование «кода» как проводника особой информации ее автором и как средства декодирования целевым адресатом. Понятные для участников коммуникации внутри определенной группы такие коды выполняют функцию маркера для выявления «своих» и «чужих» и для автора, и для адресата; эмоциогенность, используемая автором как инструмент воздействия на адресата и адресатом — как способ принятия или отторжения информации, защиты от нее.

Безусловно, новые тенденции современной коммуникации не ограничиваются действием обозначенных выше механизмов. Однако именно эти механизмы представляются значимыми при изучении в процессах современной коммуникации не только позиции автора, как это принято считать, но и адресата, т.е. понимания, и требуют дополнительного внимания исследователей.

СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЦИФРОВОГО ТЕКСТА

В.А. Пищальникова (Москва)

Московский государственный лингвистический университет

pishchalnikova@mail.ru

Доклад посвящен выявлению основных тенденций в активном исследовании специфических характеристик цифрового текста, играющего значительную роль в современной культуре и порождающего необходимость создания новых концепций развития когнитивных способностей человека под влиянием культурных факторов. Однако сущностные характеристики цифрового текста до сих пор не определены, и это препятствует операционализации его анализа. Полагается очевидным, что создание и понимание цифровых текстов основано на специфических когнитивных механизмах, предполагающих особые способы чтения, репрезентации содержания и концептуализации действительности. Однако таких декларативных заявлений недостаточно, и для определения специфики цифрового текста важно установить *способы конвергенции гетерогенных семиотических систем* в его графическом пространстве. Как правило, в качестве определяющих характеристик цифрового текста выделяются гипертекстовость / гипертекстуальность, интерактивность и интертекстуальность, поликодовость / мультимодальность. Но гипертекстовость не может интерпретироваться как существенное свойство цифрового *текста*, поскольку это — технология представления графического пространства текста, которая принципиально не меняет линейного характера его восприятия и понимания как вероятностного процесса. В докладе исследуются экспериментальные данные, подтверждающие эту позицию. Интерактивность как свойство цифрового текста при любой ее интерпретации не является свойством текста — это сущностная характеристика вообще активной ментальной деятельности человека, устанавливающей смысловые связи между известными ему текстами, т.е. интертекстовые связи. Интерактивность — это психическое свойство любой деятельностной активности реципиента, который неизбежно взаимодействует с познаваемым объектом, в том числе текстом. В цифровом тексте представлены определенные гетерогенные знаковые опоры для осуществления интерактивной деятельности субъекта, и их организация (структурное взаимодействие, представленное в физическом пространстве текста), позволяет активизировать интерактивность индивида. Мультимодальность / поликодовость, понимаемая чрезвычайно неоднозначно, выделяется как третье обязательное свойство цифрового текста. Аргументированную точку зрения на разграничение мультимодальности и поликодовости с позиций теории речевой деятельности еще в начале 2000-х гг. представил А.Г. Сонин [2005]. Исследователь экспериментально показал, что поликодовый текст продуцируется на основе мотивированной речевой деятельности, структурируемой целенаправленными речевыми действиями, с использованием элементов разных знаковых систем для репрезентации доминантного авторского смысла, и потому цифровой текст может быть признан принципиально поликодовым. Мультимодальность как *психологическое свойство* индивида, нейрофизиологически способного воспринимать и интерпретировать данные об объектах действительности на основе объединения нескольких модусов восприятия, не может рассматриваться как свойство *текста*. В докладе исследуются методики измерения уровня понимания цифровых текстов, рассматривается проблема взаимодействия субъекта с технологической организацией текста, аргументируется положение, согласно которому в цифровом тексте конвергенция неотделимых от текста элементов

различных знаковых систем — его существенное свойство; подчеркивается необходимость разграничения собственно свойств цифрового текста и характеристик деятельности по его восприятию и пониманию.

АРХЕТИПЫ КУЛЬТУРЫ И СТРУКТУРА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

*Н.В. Уфимцева (Москва)
nufimtseva@yandex.ru*

Культуру в этнологическом смысле можно рассматривать как систему адаптивных моделей, т.е. как структуру, скрепляющую данное общество.

Именно наличие в бессознательном каждого этноса «образа себя», ядра этической традиции, обеспечивает, с одной стороны, согласованность действий всех членов этноса, а с другой — опознание поведения каждого отдельного индивида как соответствующее или противоречащее этой традиции.

Как показывают результаты наших исследований, а также работы социологов за последние тридцать лет «образ себя» у молодых носителей русской культуры подвергся существенным изменениям, что привело к изменениям и в структуре языкового сознания. Рассмотрим эти изменения на примере ценности ВЛАСТЬ. Власть, предполагает необходимость высокого личного статуса носителя этой власти, его авторитетность. В русской культуре высокий личный статус предполагает полную бескорыстность и строгое соблюдение моральных правил, умение отказываться от собственных целей и планов в пользу целей и планов коллектива (общества), как бы полная несамостоятельность. Одним из архетипов нашей культуры можно признать стремление не к высокой должности (т.е. власти), а к высокому личностному статусу [Касьянова, 1994].

Подтверждение этому мы находим в работах социологов и этнических психологов [Лебедева, 2000; Базовые ценности ... , 2003] и в данных массовых ассоциативных экспериментов (см., например, данные РАС (1994 г)). Так, по данным Н.М. Лебедевой, русские респонденты (школьные учителя и студенты) демонстрируют большую согласованность в отвержении таких ценностей, как *власть, влияние, авторитетность, отвaga (дерзость), потакание себе* [Лебедева, 2000]. В результатах ассоциативного эксперимента в РАСе (данные 1994 г.) мы встречаем реакцию на стимул **власть** — *портит человека*. Это совпадает и с результатами, полученными социологами в 2001 г. По-прежнему россияне считают, что власть портит человека (47,2%). Согласуется с этим и представление о жизненном успехе: только 1% респондентов в социологическом исследовании связали его с обладанием властью [Базовые ценности ... , 2003, с. 169] и 2% — с высокой должностью. Это еще раз подтверждает, что носитель русской культуры в первую очередь стремится приобрести высокий личный статус, поскольку жизненный успех для 37% респондентов — это уважение окружающих [Там же. С. 175].

Таблица 1. Ядро языкового сознания

КрымАС (2017-2019)			ЕВРАС (2008-2011)			СИБАС (2008-2011)		
Ранг	Ассоциат	Кол-во вызвавших стимулов	Ранг	Ассоциат	Кол-во вызвавших стимулов	Ранг	Ассоциат	Кол-во вызвавших стимулов
1	<i>человек</i>	429	1	<i>человек</i>	436	1	<i>человек</i>	450
2	<i>жизнь</i>	352	2	<i>жизнь</i>	354	2	<i>жизнь</i>	345

3	<i>дом</i>	341	3	<i>дом</i>	349	3	<i>дом</i>	335
4	мир	251	4	плохо	269	4	деньги	263
5	деньги	227	5	хорошо	264	5	хорошо	261
6,5	друг	224	6	нет	257	6	плохо	260
6,5	нет	224	7	деньги	249	7	друг	253
8	я	220	8	мир	240	8	нет	235
9	любовь	205	9	друг	236	9	мир	232
10	время	184	10	я	215	10	я	230
11	сила	183	11	радость	200	11	время	199
12	работа	179	12	работа	192	12	работа	194
13	плохо	178	13	сила	186	13	любовь	193
14	счастье	169	14	любовь	184	14	сила	189
15	боль	165	15	время	181	15	радость	179
16,5	день	162	16	мужчина	175	16	мужчина	174
16,5	люди	162	17	счастье	172	17	смерть	169
18	человека	160	18	ребенок	169	18	есть	168
19	ребенок	155	19	большой	168	19,5	зло	161
20,5	парень	153	20	день	164	19,5	ребенок	161
20,5	радость	153	21	смерть	163	21	день	159
22	хорошо	147	22,5	много	161	22	много	155
23	мужчина	144	22,5	зло	161	23	человека	154
24,5	страх	142	25	человека	158	24	город	150
24,5	город	142	25	город	158	25	счастье	149
26	смерть	140	25	хороший	158	26	большой	147
27	путь	137	27	есть	157	28	хороший	146
28,5	ум	133	28	свет	156	28	люди	146
28,5	всегда	133	29,5	парень	154	28	дело	146
30	жизни	125	29,5	всегда	154	30,5	всегда	144
31	есть	124	31	предмет	153	30,5	ум	144
32	зло	123	32	дело	152	32	предмет	143
33	семья	121	33,5	отдых	147	33	страх	141
34	свет	119	33,5	умный	147	34	жизни	139
35	труд	118	35	ум	144	35	путь	137
36	большой	115	36	жизни	143	36	боль	136
37,5	умный	112	37	страх	142	37	машина	134
37,5	свобода	112	38	люди	141	39	ум	130
39,5	предмет	111	39	взгляд	139	39	взгляд	130
39,5	кот	111	40	боль	135	39	парень	130
41,5	жить	110	41	характер	133	41,5	разговор	129
41,5	выбор	110	42,5	поступок	127	41,5	характер	129
43,5	дома	109	42,5	дурак	127	42,5	учеба	126
43,5	характер	109	44	ужас	125	42,5	отдых	126
45	отдых	108	46	быстро	124	44	свет	125
46	еда	107	46	ответ	124	45	быстро	124
47	<i>власть</i>	106	46	да	124	46	ответ	122
48	сон	105	48	машина	123	47	враг	120
49,5	машина	104	49	путь	122	48	успех	118
49,5	мой	104	50,5	разговор	121	49,5	все	117
51,5	дело	103	50,5	учеба	121	49,5	жить	117
51,5	людей	103	52	труд	119	51	лес	115
53,5	быстро	101	53	стол	116	52,5	дорога	114
53,5	хороший	101	54,5	мой	115	52,5	труд	114
56	вода	98	54,5	лес	115	54,5	дурак	112
56	мама	98	57,5	враг	114	54,5	дома	112
56	душа	98	57,5	дорога	114	57	мой	111
59	море	97	57,5	народ	114	57	стол	111
59	помощь	97	57,5	народ	114	57	вода	111
59	красота	97	60	студент	113	59,5	мужик	109
61,6	добрый	96	61	всё	112	59,5	фильм	109
61,5	успех	96	63	красивый	111	61	урок	108
64,5	фильм	95	63	мальчик	111	61	плохой	108
64,5	дорога	95	63	добрый	111	61	девушка	108
64,5	добро	95	65	<i>власть</i>	109	65	помощь	107
64,5	учеба	95	66,5	вопрос	108	65	вещь	107
67	много	94	66,5	долг	108	65	ужас	107
68,5	мальчик	92	68	урок	107	67,5	сон	106
68,5	взгляд	92	69	большая	99	67,5	вопрос	106
70	ложь	91	70	свобода	111	70	свобода	105

71,5	телефон	90	71	долго	100	70	красивый	105
71,5	красивый	90	72	девушка	114	70	долго	105
73,5	лес	89	73	помощь	102	73	красота	104
73,5	поступок	89	74	сильный	99	73	власть	104
75,5	страна	88	75	движение	102	73	долг	104
75,5	сильный	88				75	большая	102

Социологические исследования М.В. Лисаускене [2019], проведенные в Иркутской области в 1991, 2013, 2018 гг., позволяют проследить динамику ценностных установок трех поколений носителей русской культуры и сравнить их с материалами наших ассоциативных исследований. Автор выделяет поколение X (рождены в 1963-1983 гг.), поколение Y, или поколение Миллениума (рождены в 1984-2000 гг.) и поколение Z (рождены в конце 1990-х-начале 2000-х гг.). Автор пишет, что представители данного поколения, независимо от страны проживания, имеют общие черты. Они связаны с тем, что «центениалы» формируются в среде информационных технологий. Интересно, что на вопрос, что для Вас означает успех, они отвечают: *стать политическим лидером* — 3,4%, *иметь власть, высокое служебное положение* — 9,3%.

Мы видим, что у поколения зетов по сравнению с двумя предыдущими существенно выросло стремление к власти (с 1% до 9,3%). А это нашло свое отражение и в структуре ядра языкового сознания: стимул **власть** в 2021 году занял 47 позицию в ядре языкового сознания молодых крымчан. В РАСе он вообще не входил в ядро языкового сознания, в ЕВРАСе — на 65 месте, в СИБАСе — на 73. Если мы посмотрим на классификацию ценностей С. Шварца, то увидим, что Власть и Достижение предполагают **Акцент на себе** (индивидуализм) в противоположность Универсализму и Заботливости, которые предполагают **Акцент на других** [Schwartz, 1992]. Произшедшее изменение в «образе себя» молодых крымчан (поколение зетов) согласуется с изменениями, произошедшими в структуре ядра их языкового сознания. В КрАСе Я уже на 8 месте, а в РАСе было на 35. А это, в свою очередь, свидетельствует о развитии у молодых поколений россиян ценностей индивидуализма. Таким образом мы видим, что разрушение архетипов культуры находит свое прямое выражение в изменении структуры языкового сознания.

НЕВЕРБАЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ ДИФФЕРЕНЦИАЛ: ИСТОКИ МЕТОДА И ЕГО РОЛЬ В ИЗУЧЕНИИ ВОСПРИЯТИЯ КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМЫХ ФЕНОМЕНОВ

*Л.О. Чернейко (Москва)
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
avollis@mail.ru*

1. Возникновению психолингвистики как самостоятельного междисциплинарного направления способствовал такой важный исторически обусловленный фактор, как парадигмальные изменения, произошедшие и в психологии, и в лингвистике, которые схематично можно представить в виде двух оппозиций, терминологически эксплицирующих смену научного объекта: «человека в статике» психологии классической заместил «человек в динамике» психологии «неклассической», «язык в статике» как объект структурной лингвистики заместился «языком в динамике» в теории речевой деятельности. Таким образом, первой точкой соприкосновения психологии как науки

о человеке и лингвистики как науки о языке является понятие **деятельность**. Вторая точка соприкосновения — это **личность** (оппозиция «общество-личность» в психологии и «язык-языковая личность (=идиолект)» в лингвистике. И третья общая точка, обнажившая свою особую значимость для обеих дисциплин в последние два десятилетия, — это **смысл**, понятие «венчающее общее учение о психике». Теория смысла в психологии охватывает и формы его бытования в коллективном и индивидуальном типах сознания, и даже гипотезы о его структурах [Леонтьев, 1999]. Однако с какой бы степенью полноты и подробности ни описывать пространство смысла/смыслов в социуме и/или личности, остается открытым для дискуссии вопрос о методах его описания. «Смысл» — понятие высочайшей степени абстракции и, как любой значимый для культуры феномен умопостигаемого мира, имеет «валентность на интерпретацию», обуславливающую различия в способах его изучения.

2. Метод ВСД (вербального семантического дифференциала – Ч. Осгуд, 1952) зарекомендовал себя как верифицируемый способ реконструкции смыслового (содержательного, семантического) пространства личности (группы лиц), в частности возможностей измерения личностного опыта с помощью оценочной шкалы (антонимов-параметров), на которую проецируются результаты проведенного ассоциативного эксперимента. Как показали исследования [Артемьева, 2007] (первое издание — 1977 г.), этот метод важен при изучении категоризации мира обыденным сознанием, далекой от естественнонаучного подхода, не менее важен он и при изучении специфики концептуализации мира умопостигаемого. Метод ВСД дополнен методом невербального семантического дифференциала (НСД), когда испытуемому предлагается не многомерная, а двухбалльная шкала, фактически оппозиция графических (геометрических) фигур, одной из которых он должен приписать заданное слово (*счастье, равнодушие, сомнение, вдохновение* и под.) [Петренко, 1988]. Примечательно, что в описании метода НСД не уделяется должного внимания основателю этого метода — художнику и теоретику искусства В.В. Кандинскому.

3. В.В. Кандинский подготовил опросный лист (1921 г.) и в этом листе сформулировал вопросы, аналогичные алогичному, на первый взгляд, вопросу Л. Витгенштейна: «Неужели ты готов утверждать, что среда толстая, а вторник худой или же наоборот? (Я склонен выбрать первое)» [Витгенштейн, 1994, с. 303]. Планируемые экспериментальные исследования Кандинского концентрировались на переживаниях испытуемого при созерцании им и сложных рисуночных форм, и отдельных геометрических фигур. Например, вопросы о геометрической фигуре треугольник выглядели так: не кажется ли Вам, что он движется? куда? не кажется ли он Вам более остроумным, чем квадрат? не похоже ли ощущение от треугольника на ощущение от лимона? Но более важными представляются вопросы, в которых предлагается поставить в соответствие базовым фигурам абстрактные понятия: какая геометрическая форма (квадрат или треугольник) похожа на мечанство, на талант, на остроумие, на хорошую погоду? [Кандинский, 2001, с. 64-65]. Эксперимент, проведенный в обратном порядке — от абстрактных имен к геометрическим формам — дает нетривиальные результаты.

В.В. Кандинский в своем проекте был последователем значимых для современной когнитивной науки идей, связанных с изучением способов хранения интуитивной информации о феноменах (абстрактных в особенности) в идеальном пространстве сознания, а также методов их изучения, среди которых НСД, представленный набором простейших геометрических фигур, занимает особое место. Так, В. Гегель (18 в.) специфику геометрии видел в том, что она «имеет дело с чувственным, но абстрактным созерцанием пространства» [Гегель, 1974, с. 415]. На век раньше Р. Декарт (17 в.)

сформулировал различия в формах существования треугольника и тысячеугольника в ментальном пространстве и выстроил иерархию отношений между геометрическими телами [Декарт, 1989, с. 137]. К объяснительной силе геометрических фигур прибегал Н. Кузанский (15 в.) в своем философском трактате «Об ученом незнании», посвященном проблеме бесконечности.

Общий вывод Кандинского сводился к тому, что «графическое изображение и выражение могут найти не только явления искусства, но и явления жизни в самом широком смысле этого слова. Графически может быть изображена весна, революция, любовь, греза, смерть» [Там же. С. 50]. В.В. Кандинский предполагал получить на свой опросный лист массовые ответы, которые, по его мнению, дали бы возможность на основании их обобщения установить известную закономерность во впечатлениях и наблюдениях.

ВЕКТОРЫ СМЫСЛОВЫХ АКЦЕНТУАЦИЙ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ АССОЦИАТИВНОЙ ГРАММАТИКИ

*И.В. Шапошникова (Новосибирск)
Институт филологии СО РАН
i.shaposhnikowa@yandex.ru*

Модус интенциональности языковой личности, будучи социокультурным феноменом, развивается через интериоризацию доминирующих социо-коммуникативных установок на совместное использование вербальных единиц. Единицами анализа, репрезентирующими такие установки, являются смысловые акцентуации языковой личности, которые эксплицируются из многомерных и множественных связей ассоциативно-вербальной сети (АВС). Экспликация смысловых акцентуаций русской языковой личности (РЯЛ) в актуальной диахронии сегодня может проводиться с опорой на большие базы ассоциативно-вербальных данных регионального и общерусского формата: СИБАС 1 (2008-2013), СИБАС 2 (2014-2021), ЕВРАС (2008-2013), РАС (1988-1997) и др. Появление таких ресурсов позволяет исследовать флуктуации смыслообразования в образе мира испытуемых на фоне изменчивости социо-коммуникативных процессов в постсоветский период.

Особую роль в экспликации и дальнейшей формализации акцентуаций РЯЛ играет ассоциативная грамматика, которая, как известно, представлена в АВС в диссипированном (разлитом по лексике) виде. Значимость грамматического фактора для выявления смысловых акцентуаций во многом связана с типологической спецификой русского языка. В нем наблюдаются ярко выраженные целносистемные черты флективного строя с признаками агглютинации в ряде подсистем, преобладающими синтетическими (в том числе фузионными) техниками, часто дополняющимися аналитизмом. Характерный для этого типа синкретизм лексического и грамматического начал в носителях значений позволяет рассматривать каждый из них как относительно автономный (автосемантический), *морфологически маркированный сложный кластер семантических признаков*. Говоря о кластеризации смыслов, при исследовании ассоциативно-вербального материала, вероятно, следует учитывать разные уровни воплощения лингвистического значения слова (референциальная семантика, комбинаторная семантика, разные аспекты лексического, общеграмматического и частнограмматических значений словоформ) по отношению к множественным и многомер-

ным ассоциативным связям, отражающим целостный коммуникативно-когнитивный опыт языковой личности.

Поскольку имя существительное в русском языке имеет развитую лексико-морфологическую парадигматику и не отличается какими-либо ограничениями в процессе ассоциирования, а слова этой части речи статистически доминируют в АВС, они могут дать ценный материал для изучения процессов кластеризации смыслов через призму ассоциативной грамматики. Это относится в первую очередь к разным подкатегориям абстрактных существительных. Сравнительно-сопоставительный анализ ряда ассоциативных полей лексем *нация*, *фашизм*, *нацизм*, *фашист*, *нацист* и др. в актуальной диахронии на фоне сгенерированных нами из АВС СИБАС 1 и СИБАС 2 ассоциативных полей образующих эти слова аффиксов позволяет построить динамические модели смысловых акцентуаций РЯЛ, которые связаны с основанным на опыте предыдущих поколений перцептивным эталоном гитлеровского фашизма. Ассоциативная морфология, сформировавшая рассмотренные парадигмы, показывает отчетливый вектор направленности на усиление смысловых признаков, соответствующих наиболее ярким, прототипическим свойствам образа-эталона.

Секция 1 ЯЗЫКОВОЕ И НЕЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ ЛЕКСЕМЫ «ОТДЫХ» ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА И СУБЪЕКТИВНОЙ ДЕФИНИЦИИ СЕМАНТИКИ СЛОВА

Н.В. Акованцева (Воронеж)
Воронежский государственный университет
nadin@phil.vsu.ru

Нами была поставлена цель сравнить результаты описания значения слова *отдых* методом свободного ассоциативного эксперимента и методом субъективных дефиниций.

Проведен свободный ассоциативный эксперимент со стимулом *отдых*. Испытуемыми были 419 студентов ВГУ.

Нами было исследовано методом субъективной экспликации значение слова *отдых* в современном языковом сознании носителей языка. Испытуемыми явились студенты медико-биологического факультета Воронежского государственного университета — 131 человек.

Сопоставление психолингвистических значений

Свободный ассоциативный эксперимент	Метод субъективной экспликации значения
<p>1. Пребывание на природе, например, на море или у воды СИЯ — 0,77</p> <p>2. Развлечения СИЯ — 0,10</p> <p>3. Сон СИЯ — 0,06</p> <p>4. Расслабление, тишина, покой СИЯ — 0,05</p> <p>5. Путешествия СИЯ — 0,03</p> <p>6. Спорт СИЯ — 0,01</p> <p>7. Пребывание в учреждении отдыха СИЯ — 0,01</p> <p style="text-align: center;">—</p> <p style="text-align: center;">—</p> <p style="text-align: center;">—</p> <p><i>То же, что:</i> каникулы 0,02, отпуск 0,02, выходные, свободное время 0,004; выходной досуг, ничегонеделание, отрыв, перерыв в работе, уход от работы 0,002</p> <p><i>Противоположно:</i> труд, работа 3, работать</p> <p><i>Фразы:</i> активный 0,01, хорошо 0,01; приятно, удовольствие, хороший, всегда, мечта, счастье 0,004; все время, длинный, желанный, кайфовый, кайфушка, классный, клевый, короткий, комфорт, круто, лафа, мало, незабываемый, от суеты, погружаться, полноценный, постоянный, приятный, спокойный, удача, это круто!, лучший, прекрасно, радость, хорошо время провести, наслаждение, обалдеть, отлично 0,002</p> <p><i>Не интерпретируются:</i> жизнь 0,01; время, зло, кирпич, легко, мать, настроение 0,002</p> <p>Отказы — 11.</p>	<p>1. Проводить время на природе СИЯ — 0,11</p> <p>2. Развлечения СИЯ — 2,41</p> <p>3. Спать, лежать СИЯ — 0,28</p> <p>4. Пребывание в одиночестве, в тишине и покое, чтобы подумать и отвлечься от дел и волнений СИЯ — 0,85</p> <p>5. Путешествовать СИЯ — 0,08</p> <p>6. Заниматься спортом СИЯ — 0,22</p> <p style="text-align: center;">—</p> <p>7. Смена видов деятельности для восстановления сил СИЯ — 0,40</p> <p>8. Время, свободное от работы, учебы СИЯ — 0,29</p> <p>9. Заниматься домашними, повседневными делами СИЯ — 0,14</p> <p><i>То же, что:</i> перерыв — 0,01</p> <p><i>Фразы:</i> награда за наш труд — 0,01</p> <p><i>Не интерпретируются:</i> о необходимости отдыха — 0,01, занятие, приносящее пользу — 0,01, увлечение — 0,01, приятная обстановка — 0,02, плакать (снять эмоциональное напряжение) — 0,01, любоваться салютом — 0,01.</p> <p>Отказы — 0</p>

Свободный ассоциативный эксперимент отражает актуальное языковое сознание — описывает то, что современные носители русского языка реально понимают под отдыхом. Это, прежде всего, пребывание на природе и особенно — на море летом; путешествия за границу, сон, пребывание на турбазе, в спортивном лагере, санатории либо пребывание в покое. Сравнительно слабо отражено времяпрепровождение с друзьями, общение. Развлечения представлены весельем с друзьями, пивом, телевизором с «Камеди клабом», а также шашлыками и выпивкой. Было выявлено очень много устойчивых фраз с положительной оценкой отдыха, а также заметное количество симиляров и оппозитивов.

Метод субъективных дефиниций дает отличающиеся результаты. Очевидно, задание ориентирует испытуемых на собственное *осмысление отдыха*, что приводит к более концептуальному описанию и в свою очередь к сокращению количества значений. Результаты скорее описывают представления испытуемых о том, каким должен быть идеальный, «правильный» отдых. Они стараются приукрасить, описывая свой отдых как реализацию некоторых задач и личных принципов. Здесь нет симиляров, всего один оппозитив; удивительно, что практически не представлены море, путешествия, зато есть очень яркое значение *побывать одному*. Также представлены виды интеллектуальных развлечений (*театр, выставки, музеи*), нет *бухать, шашлыки*, больше разных видов спортивных занятий (*сноуборд, коньки, футбол, волейбол, велосипед*). Нет пребывания в учреждениях отдыха, выявляется эндемическое значение *заниматься домашними делами*; выделяются абстрактные значения, относящие отдых к смысловым категориям — *время, свободное от учебы; смена видов деятельности*. Отдых предстает в более идеализированном и концептуальном виде.

Таким образом, свободный ассоциативный эксперимент более объективно передает современное актуальное языковое сознание, нежели метод субъективных дефиниций, который демонстрирует тенденцию к идеализации денотата.

ОБРАЗЫ В ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОБРАЗНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ И ЯЗЫКОВОЙ УЗУС

*К.В. Антонян (Москва)
Институт языкознания РАН
kvantonian@yandex.ru*

Эмоционально-образная терапия (ЭОТ) — это новое, активно развивающееся направление в российской психотерапии, разрабатываемое российским психологом Н.Д. Линде. Суть метода была изложена Н.Д. Линде в ряде публикаций, в частности, в монографии [Линде, 2018].

Суть метода состоит в том, что «эмоциональное состояние может быть выражено через зрительный, звуковой или кинестетический образ, а дальнейшая внутренняя работа с этим образом позволяет трансформировать негативное эмоциональное состояние в позитивное» [Линде, 2018, с. 7].

Образы, продуцируемые клиентами в ходе работы по методу ЭОТ, в чем-то похожи на образы, возникающие в сновидениях, но отличаются от них тем, что представляют собой результат сознательного усилия, и это сближает их с образами художественного творчества. Это сближение не является случайным. Как отмечал

Д.Н. Овсяннико-Куликовский, «в нашем повседневном, житейском умственном обиходе имеются в избытке элементы, психологически родственные процессу художественного творчества» [Овсяннико-Куликовский, 1989, с. 83].

Каждый образ, как отмечает автор метода ЭОТ, требует индивидуального подхода и осмысления. Тем не менее автору метода удалось составить словарь образов ЭОТ [Линде, 2018, с. 347-367]. Это встречающиеся у разных клиентов, регулярно повторяющиеся образы, которые могут считаться типическими. Словарь образов включает 280 слов и словосочетаний. Некоторые из них многозначны: одна лексема может представлять несколько образов.

Образы ЭОТ представляют собой интересный материал для анализа, не только психологического, но также культурологического и лингвистического. Данная работа будет посвящена лингвистическому анализу.

Можно отметить, что состав словаря образов ЭОТ неоднороден. Некоторые образы неожиданны и не вполне прозрачны, ср. **ежик (маленький)** — ‘ребенок мужского пола’. С другой стороны, в нем можно выделить группу лексем, символические, образные значения которых являются общеязыковыми и, шире, общекультурными. Те значения, которые они имеют в ЭОТ, реализуются в устойчивых сочетаниях и фразеологизмах. Некоторые из таких значений лексем-образов представлены и в парах «стимул — реакция» и «реакция — стимул» в «Русском ассоциативном словаре» (РАС).

Например, лексема **муравьи** в ЭОТ представляет два образа: (1) ‘толпа людей’ и (2) ‘трудяга’. Образ муравья как трудяги является общекультурным и восходит, вероятно, к басне И.А. Крылова. *Муравейник* часто символизирует большой город, суету, скопление людей. Отметим, что в РАС лексема *муравейник* представлена как реакция на такие стимулы, как *город, люди, суета, человечество* [РАС-2, 2002, с. 444].

По нашему мнению, богатейший материал, представленный в ЭОТ, требует дальнейшего изучения и осмысления.

МЕНТАЛЬНЫЙ КОД: ИНВЕНТАРЬ И ПРАВИЛА РАБОТЫ

Е.Г. Борисова (Москва)

*Государственный академический университет
гуманитарных наук*

*Московский городской педагогический университет
egbor@mail.ru*

Задача сообщения — обратить внимание на определенные свойства ментального кода (или единиц представления содержания), который можно было бы использовать при моделировании активной речевой деятельности, в частности, при интерактивном подходе. В ряде наших работ было предложено для формирования списка таких единиц опираться на лексику, обладающую наиболее обобщенными характеристиками значения: доминантные члены синонимических рядов, гиперонимы и некоторые другие. Этот подход предполагает моделирование речевой деятельности говорящего от намерения до подбора языковых единиц, наиболее точных для понимания адресатом.

Помимо собственно лингвосоантического подхода для решения этой задачи привлекались сведения из прикладных лингвистических описаний, в частности,

доминирующие единицы лексико-семантических групп (более широкие объединения, чем синонимические ряды), входы в словарях справочниках типа word finder (популярный в англоязычных странах справочник, позволяющий использовать более разнообразную и богатую лексику при написании писем). Отбор средств выражения намерения может быть связан с тем, что получило название «прототип». Выход на ментальные коды дают и фреймы, и сценарии, отражающие связь тех понятий, которые объединены в реальности. Кроме того, могут быть использованы и результаты ассоциативных экспериментов.

Однако обработка достаточно больших массивов текстов и большого количества словарных единиц показывает, что далеко не всегда удается добиться создания списка единиц («намерений»), которые мы связываем с ментальным кодированием отражаемого содержания сообщения, который был бы полон и непротиворечив.

Во-первых, одно и то же слово (точнее ЛСВ, т.е. слово в определенном значении) может входить в репертуар средств выражения нескольких намерений. Так, глагол «продавать» может появиться в тексте в описании ситуации владения «перестать владеть»: *На это не рассчитывай, я его продаю* и в описании ситуации «участвовать в сделке»: *Что ты продаешь на этот раз?*

Во-вторых, при попытках моделирования речевой деятельности мы имеем дело с разной степенью конкретности отражения намерения. Из некоторых высказываний понятно, что для говорящего важно отразить некоторые детали, которые не входят в обобщенное намерение. Так, во фразе *Мы не скрывали восторга* можно считать, что слово *восторг* появилось в результате выражения намерения «сильная положительная эмоция» и может быть выражено близкими словами: *восхищение, радость* и т.п. А для высказывания *Я обомлел от восторга* необходимо включить еще одно назначение «несдерживаемая эмоция».

В-третьих, некоторые высказывания — от междометий до более пространных высказываний — отражают замысел не содержательного, а оценочного или эмоционального характера.

Таким образом, обращение к моделированию ментального кода, несмотря на заданное уже самим фактом моделирования огрубление реальности, требует уже на нынешнем уровне описания наличие более многогранного представления этих единиц, которые должны включать и возможность их пересечения, и включение более и менее высоких уровней абстракции, и отражение чувственных характеристик).

ЯЗЫКОВАЯ СПОСОБНОСТЬ, ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА: ТРЕНДОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Л.О. Бутакова (Омск)

Омский государственный университет

им. Ф.М. Достоевского

larisabut@rambler.ru

Понятия, порожденные в разных частях психолингвистической парадигмы, — языковая способность (одна из областей описания онтогенеза языка / речи) и языковое сознание (одна областей описания содержания того, что «за знаком» в сознании носителей языка), могут быть совмещены при разработке комплексного

подхода к речевой деятельности носителей языка. Понятия доказали свою эффективность в синхронных исследованиях. Их совмещение в комплексе применимо в диахронии для изучения письменной речи и языкового сознания (через описание формальных и содержательных сторон речевых произведений и субъективной семантики определенных единиц языка) одной и той же категории респондентов с целью установления линии тренда разных составляющих речевой деятельности. Методологическая база для совмещения процедур анализа разных сторон речи / языка как достояния индивида — базовые положения теории речевой деятельности, в рамках которой любые виды оперирования со знаком (в формате письменной речи, свободного или направленного ассоциирования, семантизации и пр.) реализуют разные механизмы речи, обладают мотивом, целью, имеют деятельностьную природу.

Условия эффективности применения указанных понятий следующие:

1. Понимание языковой способности как психофизического явления, которое определяет готовность индивида к речемыслительной деятельности, порождению и восприятию речи, динамической системы «операционально-действенных ментальных механизмов, осуществляющих вербализацию знаний и мнений» [Пищальникова, 2003, с. 5].

2. Применение психолингвистических методов свободного и направленного экспериментов, экспериментов по методике семантического дифференциала к одинаковой возрастной и социальной категории респондентов в режиме трендового исследования с интервалом в 8-10 лет, единообразный анализ результатов экспериментов с оценкой объема и качества реакций в ядре и на периферии ассоциативных и смысловых полей, моделирование когнитивной структуры ассоциативного поля на основе пропозиционального анализа реакций; моделирование субъективной семантики слова на основе результатов направленного (дефиниционного) эксперимента.

3. Использование метода «провоцирования» неподготовленной письменной речи (написание сочинений) у тех же категорий респондентов на темы, соответствующие словам из стимульных списков психолингвистических экспериментов в режиме трендового исследования с интервалом в 8-10 лет, комплексным двухэтапным лингвистическим анализом (на первом этапе определяются тип коммуникации, средства выражения базовых концептов, отбор слов, распределение предметных признаков, выделение предикатов, установление речевых стратегий и пр.; на втором этапе оцениваются формально-смысловая организация, представленность категорий текста).

4. «Внутреннее» сопоставление — соотнесение результатов анализа речевых действий в ходе письменной речевой деятельности и ассоциативных, семантических и т. п. речевых действий, а также «внешнее» сопоставление — с региональными и общероссийскими ассоциативными и ассоциативно-семантическими базами.

5. Описание линии тренда субъективной семантики с выявлением зоны стабильности и изменчивости в модели фрагмента языкового сознания; фиксация линии тренда языковой способности с выявлением типа речевых действий на уровне организации формальной, смысловой, семантической структур текстов сочинений.

АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНЫЕ СЕТИ ГЛАГОЛОВ ОБЛАДАНИЯ НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА И ЯЗЫКА НЕМЦЕВ-МЕННОНИТОВ PLAUTDIETSCH

А.С. Григорьева (Новосибирск)
Новосибирский государственный университет
a.grigoreva7@g.nsu.ru

Плотдич (Plautdietsch) — язык немцев-меннонитов, существующий на территории Сибири. «Меннониты — последователи одной из старейших протестантских церквей, основанной бывшим католическим священником Менно Симонсом (1496-1561), уроженцем Фрисландии (ныне Нидерланды)» [Найдич, Либерт, 2021, с. 937]. Обладая спецификой на фонетическом и морфологическом уровнях, плотдич также отличается отсутствием сформировавшейся и повсеместно используемой письменной традиции, спорным языковым статусом: плотдич — язык или диалект немецкого языка? Особый интерес представляет, на наш взгляд, сопоставление ассоциативно-вербальных сетей (далее АВС) дочернего языка плотдич с АВС материнского немецкого языка.

В представленной работе речь идет об ассоциативных полях глаголов обладания современного немецкого языка и языка немцев-меннонитов плотдич, которые были смоделированы по результатам свободного ассоциативного эксперимента (далее АЭ). Актуальность выбранной темы заключается в неизученности плотдич с психолингвистической точки зрения, отсутствии ассоциативных словарей на базе немецкого языка, а также в возможности выявить сходные и различные черты языкового сознания немцев-меннонитов с носителями литературного немецкого языка (Hochdeutsch). Объектом исследования являются реакции, полученные нами в ходе проведения пилотного свободного ассоциативного эксперимента (АЭ) с носителями немецкого языка и плотдич.

Для нашего исследования посредством лексикографического анализа (Duden [Duden online]) были выбраны 11 единиц, семантика которых содержит значение обладания: *haben* 'иметь', *halten* 'охранять, хранить', *besitzen* 'владеть, обладать', *bekommen* 'получать', *gehören* 'принадлежать', *genügen* 'хватать, быть достаточным', *reichen* 'хватать', *aufweisen* 'обнаруживать', *erfahren* 'получать опыт', *erleben* 'убедиться на опыте', *profitieren* 'иметь выгоду'. В исследование не включались аналитические конструкции, однокоренные слова, стилистически маркированные слова, а также контекстуальные синонимы. Предметом исследования стали ассоциативные поля, «овнешняющие» языковое сознание немцев и немцев-меннонитов, построенные по результатам проведения свободного АЭ посредством анкетирования носителей немецкого языка — 5000 реакций, а также пилотного АЭ с носителями плотдич — 650 реакций. Цель исследования — построение АВС, отражающей особенности языкового сознания меннонитов, и сравнение ее с АВС на материале немецкого языка, а также выявление степени присутствия немецких национальных особенностей в языковой картине мира немцев-меннонитов, проживающих на территории Сибири.

Предварительное сопоставление полученных в ходе АЭ данных на базе немецкого языка и плотдич дает нам возможность выделить ведущие психоглоссы на материале глаголов со значением обладания. Для носителей немецкого языка: «Овладение» (*erhalten* 'сохранять', *kriegen* 'заполучать'), «Финансовое состояние и достаток»

(*Mehrwert* ‘сверхстоимость’, *Profit* ‘прибыль’), «Состояние человека и его опыт» (*Alter* ‘возраст’, *Sicherheit* ‘уверенность’) и «Собственность» (*Besitztum* ‘имущество’, *Haus* ‘дом’). Для носителей плотдич: «Семья и дом» (*зорье* ‘заботы’, *мудэ фамилия* ‘семье’), «Хозяйство» (*вы(э)ршафт* ‘хозяйство’, *фил фой* ‘много скотины’) и «Избыток в чем-либо» (*дэт ри:т* ‘уже хватит’, *зоя фил мокэ* ‘очень много делать’). Выделение данных семантических групп уже на начальном этапе исследования с результатами лишь пилотного АЭ на материале плотдич позволяет сделать выводы о верности гипотезы исследования: плотдич — особый язык, влияющий на формирование языкового сознания его носителей — немцев-меннонитов отличным образом от материнского немецкого языка и основного контактного языка — русского.

АССОЦИАТИВНАЯ СТРУКТУРА ИНИЦИАЛЬНОЙ АББРЕВИАТУРЫ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Е.Н. Гуц (Омск)

Омский государственный университет

им. Ф.М. Достоевского

egoots@yandex.ru

Д.В. Плотникова (Нур-Султан)

РГКП «Национальный центр тестирования»

dina_sadieva@mail.ru

Цель данного экспериментального исследования — используя выявленные в свободном ассоциативном эксперименте ассоциативные связи, определить особенности психологического значения инициальной аббревиатуры (слова-стимула). Методология исследования значения аббревиатуры основывается на выработанном в психолингвистике представлении о том, что «психологическая структура значения определяется системой соотношенности и противопоставления слов в процессе их употребления в деятельности» [Леонтьев, 1971, с. 11]. Для определения психологического значения инициальных аббревиатур был использован свободный ассоциативный эксперимент, объектом которого является «субъективное содержание знакового образа или те или иные операции над ним» [Леонтьев, 1976, с. 62].

Эксперимент был проведен среди учащихся казахстанских общеобразовательных школ в 2021 году. Возраст испытуемых — 17-18 лет. Общее количество участников эксперимента — 111 человек. Испытуемым предлагался список стимулов в письменной форме, состоящий из 11 аббревиатур: **SMS, ЕНТ, ЕГЭ, ВУЗ, IT, ТВ, РФ, РК, СНГ, USA, СССР**. Время выполнения — 8-10 минут. Эксперимент проводился с помощью сервиса Google Формы на уроке под наблюдением экспериментатора.

По результатам эксперимента были составлены ассоциативные поля по каждой аббревиатуре, проанализированы типы реакций и их частота. В основу анализа реакций легла классификация типов реакций, которые могут быть представлены в свободном ассоциативном эксперименте: собственно семантические реакции, реакции развертывания, реакции пояснения, собственно ассоциативные реакции, оценочные реакции, инвективные реакции [Гуц, 2005]. Анализ ассоциативных полей позволил выделить ядерные, периферийные и единичные реакции.

Закономерным является то, что в качестве ядерных реакций представлены расшифровки аббревиатур или их опорные компоненты. Несомненно, это обусловлено

структурно-семантическими особенностями инициальной аббревиатуры, однако уже на периферии ассоциативного поля появляются собственно ассоциативные реакции, а стратегии реципиентов, дающих эти реакции, аналогичны стратегиям участников экспериментов со стимулами-словами, «отдающих предпочтение пропозиции, т. е. отвечающих на стимул актантом или актантами, при которых предикация прямо не обозначена, а только подразумевается и которые вместе со стимулом задают пропозицию (восходящую опять-таки к некоторому прототипическому для данного испытуемого тексту)» [Караулов, 1999, с. 123].

Можно предположить, что испытуемые, указывающие собственно ассоциативную реакцию, воспринимают аббревиатуру как цельнооформленное слово и фиксируют то представление, которое вызвал стимул, или отмечают наличие какой-либо семантической связи (причинно-следственной, функциональной), или вербализуют образ, абстрактный, с точки зрения экспериментатора, далекий от конкретных отношений стимула и реакции, личностный и почти не поддающийся интерпретации.

Наличие такого типа реакций убедительно доказывает активное функционирование исследуемого языкового знака в ассоциативно-вербальной сети носителя русского языка, функционирование во всем многообразии психологических значений, синтаксических и семантических связей с другими языковыми единицами — элементами этой сети.

СТРАХ И ЕГО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ В УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

М.Л. Ковшова (Москва)
Институт языкознания РАН
kovshova_maria@list.ru

В русском языке существует более 70-ти образных выражений, в которых описывается такая базовая эмоция, как страх. Это устойчивые сочетания с опорными компонентами *страх, ужас* и др. (*страх берет; ужас охватывает*); идиомы (*душа в пятки ушла; медвежья болезнь; мороз по коже; как огня бояться*); выражения междометного типа (*жуть во мраке; страх господень*) и др. В данных выражениях описываются: 1) состояние субъекта эмоции, переданное в образах внешних симптомов или внутренних ощущений (*волосы дыбом; кровь стынет; мурашки по спине* и др.); 2) спонтанные эмоциональные реакции, переданные в восклицаниях (*страхи господни; мать божья; мама дорогая* и др.); 3) степень / мера эмоции (*до жути; как чумы* и др.); 4) действия каузатора эмоции (*вознать в страх; наводить ужас* и др.); трусливость как свойство характера (*заячья душа; как ягенок* и др.); трусливое поведение (*праздновать труса; наложить в итаны; поджать хвост* и др.). Для изучения процессов концептуализации эмоций в устойчивых выражениях русского языка и рефлексии эмоций в языковом сознании были проведены два экспериментальных исследования.

Первый эксперимент «от вербальных знаков — к сознанию» проводился на основе техники семантического дифференциала для исследования восприятия образных выражений с семантикой страха (эксперимент ставился при помощи А.А. Нистратова). В эксперименте приняли участие 280 учащихся московских

вузов, которым было предложено квалифицировать выражения по заданному набору качеств: неприятный/приятный, темный/светлый, пассивный/активный, медленный/быстрый, изменчивый/устойчивый, сложный/простой, маленький/большой, слабый/сильный и др. Использование семантически разных признаков позволило выявить свободные проекции когнитивных структур испытуемых на семантику того или иного выражения. Эксперимент показал, что образы страха и трусости воспринимаются как нормальная реакция на то, что представляет опасность; выражения с семантикой боязни, трусости получили высокие баллы по критерию «естественность»; реакции обнаружили эмпатию респондентов, проекцию «на себя»; так, для выражения *труслив как заяц* зафиксированы оценки: «приятный», «безопасный», «родной».

Второй, пилотажный, эксперимент «от сознания — к вербальным знакам» был направлен на то, чтобы выявить наиболее активные устойчивые выражения с семантикой страха. В эксперименте участвовали 48 молодых мужчин и женщин с высшим образованием; опрос проводился в Твиттере и ВКонтакте. Респондентам предлагалось привести слова и выражения с семантикой страха; вопросы были даны в свободной манере, располагающей к искренности: 1) Что вы говорите или пишете, какие картинки и эмоджи кидаете, чтобы выразить, что вам страшно? 2) Какие выражения сейчас связаны со страхом? 3) Как говорят про трусливого человека? Респонденты владеют литературным языком (об этом говорят пояснения к ответам), но все приведенные выражения откровенно грубые и бранные; по замечанию респондентов, «обычно это нецензурная лексика», «маты»; «выражения, связанные с физическими испражнениями». Респонденты давали пояснения знакам, которые они используют в сетевой коммуникации; ср.: «пишу блин»)) или мат, но именно с такими скобками»; «аааа (АААА)»; «страшна»; «страшна вырубай!»; «что это такое тооо». В ответах использовались эмоджи, стикеры, картинки. В целом, можно утверждать, что семантика страха воспринимается в аспекте личного переживания, что устойчивые выражения участвуют в формализации негативного материала, позволяют «снимать» чувство страха путем его «воплощения» в языковые образы.

К ПРОБЛЕМЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПАРОНИМОВ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Н.А. Козельская (Воронеж)

Воронежский государственный университет

kozelskayan@mail.ru

Выбор говорящим той или иной лексической единицы определяется не только ее системными характеристиками и отношениями, но и ее положением во внутреннем лексиконе человека. Закономерно поэтому, что лексическая норма как неотъемлемая часть языкового сознания человека должна изучаться и с позиций психолингвистики. В рамках исследования паронимов как слагаемого лексических норм в школьном курсе русского языка мы провели свободный ассоциативный эксперимент (САЭ), в котором приняло участие 60 человек возрасте 15-17 лет. Целью исследования было выявление места паронимов во внутреннем лексиконе человека, степени их дифференциации языковым сознанием школьника. Для проведения опроса было отобрано 15 паронимических пар из словаря — минимума

ЕГЭ: *абонемент* — *абонент*; *адресант* — *адресат*; *вдох* — *вздох*; *выгодность* — *выгода*; *гордость* — *гордыня*; *гуманизм* — *гуманность*; *диктант* — *диктат*; *дипломант* — *дипломат*; *невежда* — *невежа*; *обрывок* — *отрывок*; *оклик* — *отклик*; *отличие* — *различие*; *зачинщик* — *зачинатель*; *наличие* — *наличность*; *терпеливость* — *терпимость*. Все полученные ассоциации мы представили в виде ассоциативных полей с указанием количества ассоциатов. Затем сформировали психолингвистическое значение (ПЛЗ) слов, используя методику семантической интерпретации (Стернин 2011), сравнили семантемы исследуемых слов, вычислили индекс яркости (ИЯ) каждого психолингвистического значения по методике И.А. Стернина (как отношение числа выделивших значение общему числу участников).

В результате исследования определились три группы паронимических пар по количеству схожих реакций.

Минимально различающиеся (паронимические пары, имеющие минимальное разграничение в сознании респондентов, что проявляется в совпадении реакций на стимулы): *вдох/вздох*, *различие/отличие*, *невежа/невежда*, *зачинатель/зачинщик* — 26% от общего числа пар. Приведем пример: у слова *невежда* ПЛЗ ‘невоспитанный человек’ имеет больший ИЯ (0,3), чем собственное — ‘необразованный человек’ (ИЯ 0,2). У *невежи* ПЛЗ соответствует словарному.

Частично различающиеся (паронимические пары, частично разграниченные в сознании участников эксперимента, имеющие зоны пересечения): *адресат/адресант*, *выгода/выгодность*, *дипломат/дипломант*, *терпимость/терпеливость*, *отрывок/обрывок* — 33% от общего числа пар. Пример: у стимула *дипломант* ПЛЗ ‘дипломат’ имеет ИЯ 0,44, а ПЛЗ ‘дипломат’ — ИЯ 0,43. То есть, у данного слова значение паронимической пары (*дипломат*) выражено практически так же ярко, как собственное.

Различающиеся (паронимические пары, т. е. четко разграниченные в сознании респондентов): *абонемент/абонент*, *гордость/гордыня*, *гуманизм/гуманность*, *диктат/диктант*, *наличие/наличность*, *отклик/оклик* — 40% от общего числа.

По результатам эксперимента в каждой паре были установлены маркированные члены оппозиции, т. е. те слова, которые лучше известны респондентам. Маркированными в наших парах являются следующие слова: *абонент*, *адресат*, *вдох*, *выгода*, *диктант*, *дипломат*, *зачинщик*, *наличие*, *невежа*, *отрывок*, *различие*, *терпеливость*. Выявление таких слов может помочь оптимизировать работу над усвоением семантики паронимов.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И ВОПРОСЫ ЯЗЫКОВОЙ ДИНАМИКИ

А.Э. Левицкий (Москва)

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
andrelev@list.ru*

Проблема функционирования языковых единиц в потоке речи неразрывно связана с проблемой функционирования языка как динамической системы, в которой постоянно происходят различные изменения. Таким образом, изменения, фиксируемые в семантике отдельных языковых единиц, отражают особенности их функционирования в речи и основные тенденции развития системы каждого

из языков. Источником изменений в языке и его творческим потенциалом выступают природа и ее отношения с человеком, суть которых определяется в процессе деятельности, и охватывают явления различного происхождения, начиная от внешних для человека материально практических операций и завершая внутренними интеллектуальными действиями. Человек способен осуществить свою деятельность только с помощью языка и мышления. В результате этого у него формируются концептуальные и языковые картины мира, которые меняются, отражая реальный мир, а также характеризуются достаточной вариативностью, как и окружающие их предметы и явления.

Проблема динамизма и творческого аспекта языка неотделима от явления вариативности, т. е. единства постоянного и переменного. Наряду с традиционным статическим описанием системы языка в последнее время успешно развиваются процессуально-динамические лингвистические модели [см., напр., Кубрякова, 1980, с. 235]. Поэтому инвентарь языковых единиц, их структурная организация могут быть рассмотрены во взаимосвязи с правилами и процедурами их формирования. Синхронные явления могут анализироваться как в статике, так и в динамике, т. е. в ходе их развития, что затрагивает необходимость описания процесса и моделей подобного преобразования.

Динамика и статика в языке выступают в диалектическом взаимодействии, причем в динамическом аспекте возникают проблемы выводимости одних единиц языка из других в результате преобразований, трансформаций, модификаций языкового знака. Формирование динамического представления синхронной системы языка имеет свою историю, которая последовательно изложена в работе Е.С. Кубряковой [1980, с. 235, 217-259]. Новый же этап в формировании процессуально-динамических представлений о языке Е.С. Кубрякова [Там же. С. 226] справедливо связывает с идеями И.А. Бодуэна де Куртенэ, который может быть признан основателем идей динамической синхронии [см. Бодуэн де Куртенэ, 1963]. Более того, Е.С. Кубрякова, развивая данный подход, предлагает различать диахроническую реконструкцию и синхроническую: первая служит описанию языкового прошлого, вторая — описывает его настоящее, являясь своеобразным методическим приемом для восстановления деривационных преобразований и процессов в любом отдельном состоянии языка [Кубрякова, 1980]. Отметим также и основные ипостаси динамической основы системы языка В. фон Гумбольдта: внешнюю, т. е. постоянный процесс образования новых слов и словоформ; внутреннюю, т. е. словообразовательную потенцию [Гумбольдт, 137, с. 72]. Из подобного подхода вытекает общепризнанное для отечественного языкознания утверждение: «Различение речи как материала и языка как заключенного в ней предмета языкознания крайне существенно для четкого и глубокого понимания коренного отличия языка от надстроек. <...> Язык неизбежно изучается в речи <...>. Всякое речевое произведение содержит в себе единицы языка, выражающие в их данном конкретном совокупном применении более или менее сложную мысль или цепь мыслей (лишь в особых редких случаях только эмоцию), которая как целое не входит в состав языка, но принадлежит к известной сфере человеческой деятельности, обслуживаемой языком» [Телия, 1996, с. 13-14].

**«ДЕНЬ ПОБЕДЫ»
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА**

*Н.А. Лемяскина (Воронеж)
Воронежский институт развития образования им. Н.Ф. Бунакова
nlemyaskina@mail.ru
В.В. Бушманова (Воронеж)
МБОУ гимназия № 9*

В рамках исследования языковой личности младшего школьника (с 1 по 4 класс) мы рассматриваем концепты, которые являются базовыми для языковой картины мира ребенка. Концепт *День Победы* является важнейшим для языковой картины мира и духовной культуры русского народа и для языковой картины мира младшего школьника. Для выявления признаков концепта *День Победы* в мае 2021 года нами проведен опрос учащихся 1-4 классов (375 чел.) г. Воронежа. Младшие школьники отвечали на вопросы: Какие ассоциации у тебя вызывают слова «День Победы»? Что это за день, что ты знаешь о нем. Кто тебе рассказывал об этом дне? Хранится ли память об этом дне в твоей семье? Нами получены следующие данные (учитывая, что дети давали по два ответа и более, суммарный процент не равен 100%).

Для учащихся *День Победы* — это: *радость* (1 класс — 47%, 2 класс — 52%, 3 класс — 32%, 4 класс — 26%), (*радость со слезами на глазах*), *грусть* (1 класс — 14%, 2 класс — 58%, 3-4 класс — 10%), *парад Победы* (1 класс — 33%, 2 класс — 8%, 3 класс — 18%, 4 класс — 15%); *гордость* (1 класс — 10%, 2 класс — 41%, 3 класс — 10%, 4 класс — 67%) *счастье* (2 класс — 15%, 3 класс — 6%, 4 класс — 15%). Дети дают пояснения, определяя ценностную составляющую: *Я счастлив, что Россия одолела эти тяжелые годы, и мы живем под мирным небом* (4 класс).

Большинство младших школьников узнали от нем от *родителей (мама, папа)* (1 класс — 71%, 2 класс — 85%, 3 класс — 74%, 4 класс — 74%), *бабушек, дедушек* (1 класс — 28%, 2 класс — 65%, 3 класс — 46%, 4 класс — 74%), *от учителя в школе* (1 класс — 8%, 2 класс — 44%, 3 класс — 8%, 4 класс — 18%) или *воспитателя в детском саду* (2 класс — 41%, 3 класс — 7%).

Что знают об этом дне младшие школьники? *Это 9 мая — день победы над фашистами* (1 класс — 47%), *день подъема русского флага над Берлином. Празднуется 9 мая, это победа во второй мировой войне, когда мы освободили свою страну от немецко-фашистских захватчиков* (2 класс — 77%). *Проводится 9 мая, посвящается нашей победе над фашистами в 1945г., когда мы освободили страну!* (3 класс — 70%); *9 мая наша страна победила фашистскую Германию, закончилась Великая Отечественная война. Это очень важный праздник для каждого жителя России; в этот день идет парад на Красной площади в Москве, и поздравляют всех ветеранов войны* (4 класс).

Как показывает исследование, в большинстве семей хранятся реликвии (1 класс — 79%, 2 класс — 75%, 3 класс — 82%, 4 класс — 81%). *Остались фотографии дедушки; 18 медалей* (1 класс); *ордена, мундир, шлем танкиста, фляжка, пилотка, личный дневник прадедушки* (2 класс); *ордена, наградные листы* (3 класс); *письма с фронта* (4 класс). А главное, отмечают дети, в семьях помнят и говорят об этих событиях: *мы вспоминаем, говорим об этом дне, слушаем истории с войны, достаем и смотрим семейные реликвии.*

Данные показывают, что младшие школьники получают информацию от родителей, бабушек и дедушек, реже — учителя. Они имеют представления о Дне

Победы, отмечают, что это один из главных праздников в стране, испытывают чувство гордости за победу, называют атрибуты праздника; большинство из них знает, кто был противником советских солдат. Отрадно, что в семьях проводятся беседы с детьми, где вспоминают близких, которые принимали участие в войне. Следует поддерживать у детей интерес к данному событию, знакомить их с произведениями литературы, фильмами, выставками.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «ОБРАЗОВАНИЕ» В КОМПАРАТИВНОМ АСПЕКТЕ

И.Н. Литвинчук (Симферополь)
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
irinlitvi@gmail.com

В контексте стремительно трансформирующегося миропорядка содержание, цели и формы образовательной деятельности претерпевают существенные изменения. Целенаправленный мониторинг «положения дел» в плане отношения общества к системе образования и качества ее внутренних интеракций позволяет осуществлять прогноз значимых социальных изменений. Описание концептуального поля взаимодействия субъектов образовательной деятельности способствует выявлению современных тенденций аксиологической направленности. Как отмечает Н.В. Уфимцева, использование «ассоциативного эксперимента как метода исследования, который в качестве «невидимого» контекста предполагает весь предыдущий речевой и неречевой опыт носителя языка» [Уфимцева, 2016, с. 240] актуально в плане изучения различных аспектов языкового сознания [Российская психолингвистика ... , 2021].

В исследовании осуществлен анализ ассоциативного поля, сформированного словом-стимулом «образование» в рамках свободного ассоциативного эксперимента посредством реакций представителей двух основных групп, которые взаимодействуют в процессе образовательной деятельности, — обучающихся и обучающихся. В качестве респондентов выступили: 1) 128 обучающихся КФУ им. В.И. Вернадского и других вузов Крыма; 2) 97 преподавателей общеобразовательных организаций, а также организаций профессионального и высшего образования Крыма и других регионов РФ. В качестве слов-стимулов в ассоциативном эксперименте использованы слова, служащие наименованиями основных субъектов образовательной деятельности в соответствии с официальными психолого-педагогическими концепциями [Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», ст. 2]: это ключевые, наиболее частотные понятия в дискурсе современного образовательно-педагогического дискурса: *образование, обучение, обучающийся, педагог, родители, дети* и др. Компаративный подход в изучении особенностей ассоциативных реакций позволяет выявить не только наиболее проблемные, конфронтационные зоны во взаимодействии реальных субъектов образовательного процесса, но и сферы согласия, семантического взаимопересечения, тем самым внося вклад в описание «положения дел» в системе образования глазами участников эксперимента.

Выявлены и описаны ядро и периферия концепта «образование» в интерпретации респондентов-обучающихся и респондентов-преподавателей. Структура концепта исследовалась в соответствии со следующими критериями: образный компонент, совокупность дифференциальных энциклопедических признаков концепта,

интерпретационное поле, в которое входят утилитарная, общеоценочная, регулятивная, социально-культурная, мифологическая и идентификационная зоны [Стернин, 2007, с. 27-29]. Описаны семантические особенности ассоциатов, включая модус эмоциональной окраски. Определена соотношенность ассоциативных реакций с парадигматическим или синтагматическим типом.

КАРИКАТУРА КАК КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ РЕАЛЬНОСТИ

С.С. Лифанова (Москва)
slifanova@yandex.ru

Современное коммуникативное пространство насыщено визуальной информацией разного рода и особое положение в нем занимает карикатура, как «особый жанр изобразительного искусства (как правило, графики), являющийся основной формой изобразительной сатиры и обладающий ясной идейной социально-критической направленностью» [Артемова, 2002, с. 5]. Лингвистические подходы к изучению карикатуры сосредотачивают свое внимание на карикатуре как на форме визуальной метафоры, вместе с тем, психолингвистический подход, особенно его когнитивное направление, рассматривает карикатуру как форму объективации когнитивной модели реальности.

Карикатура представляет собой синтез визуального и вербального компонентов, хотя вербальный компонент порой оказывается полностью вытесненным, что диктуется видением художника. Обзор и анализ современной карикатуры мы проводили на примере колумбийской прессы (источником служили основные периодические печатные издания *El Tiempo*, *El Espectador*).

Основная функция карикатуры — создание нового смысла за счет когнитивной модели, перенесенной в новую визуальную реальность. Когнитивная модель того или иного события, явления, основанная на фреймах и сценариях, подвергается «концептуальной атаке» в процессе восприятия и считывания кодов визуальной метафоры карикатуры и либо остается прежней, либо приобретает новые коды для формирования новой когнитивной модели. В карикатуре задействуются как визуальные, так и вербальные инструменты коммуникации, причем уникальность жанра карикатуры состоит в том, что допускается многозначная трактовка вербальной информации, может подчеркиваться диссонанс между визуальной и вербальной информацией. Визуальный и вербальный код карикатуры основывается во многом на культурном коде той страны, народности, где работает карикатурист, при этом существуют и культурно свободные темы в их творчестве, либо темы, ставшие частью мировой визуальной и вербальной культуры. Отметим, что использование культурно нагруженных метафор чаще всего происходит, если речь идет о внутривосточной или внутрисоциальной карикатуре. Если же предметом карикатуры является международная повестка, то и вербальный код, и визуальный становятся международными, чаще культурно свободными.

В когнитивной структуре карикатуры для удобства полевых и далее планируемых экспериментальных исследований мы выделили следующие компоненты: стимульную ситуацию или стимульный концепт, а также ряд референтных фреймов. К ним мы отнесли фреймовые структуры, определяющие внешний социальный мир (общественная жизнь, здоровье, семейные отношения). Взаимодействие этих двух

компонентов формируют некую когнитивную модель реальности, основанную на новом смысле.

Для планируемого эксперимента мы подготовили ряд стимульных концептов абстрактного порядка (напр., война, благоразумие и проч.), а также ряд стимульных концептов конкретно-предметных (напр., курица, зонт) и определили ряд референтных фреймов, приведенный выше, одинаковый для абстрактных и конкретных стимулов. Эксперимент предполагает самостоятельное создание карикатур испытуемыми с предложенными двумя группами стимулов по предложенным трем референтным ситуациям по одной самостоятельно выбранной ситуации. Например, необходимо сделать карикатуру со стимульным словом «курица» в ситуации «общественная жизнь» (по накопленным у нас данным чаще всего изображается в различных вариациях «сказка о курочке Рябе»), далее в ситуации «здоровье» и «семейные отношения» (частотные карикатуры соответственно «бегущая с отрубленной головой курица» и «мать-наседка»). Что касается выбора четвертой референтной ситуации, то она также становится предметом последующего анализа и чаще всего репрезентирует коммуникативную болевую точку испытуемого. Среди измеряемых параметров, помимо демографических, присутствует выбор исключительно визуальной метафоризации или совмещенный вербально-визуальный способ метафоризации. В эксперимент мы планируем привлечь как русскоязычных респондентов, так и испаноговорящих, проживающих в Колумбии, для более полного анализа культурно нагруженных кодов, используемых в репрезентируемых ментальных моделях. Рабочая гипотеза эксперимента предполагает обнаружение различий в когнитивных моделях карикатур с абстрактными и конкретными стимулами. Эти различия будут основаны на объективации разного типа фреймовых структур: моральных дихотомий, определяющих ценности личности, с одной стороны, и общих культурно нагруженных концептов, с другой стороны. В ходе эксперимента респонденты будут вынуждены моделировать действительность, исходя из ее понимания (ментальной модели) и личностной эмоциональной оценки. Таким образом, в ходе эксперимента мы надеемся расширить понимание когнитивной функции визуальной метафоры, представленной карикатурой, проанализировав инструменты ее создания.

МЕТОДИКА ОПИСАНИЯ СИНОНИМИЧЕСКИХ РЯДОВ НА ОСНОВЕ АССОЦИАТОВ СВОБОДНОГО И НАПРАВЛЕННОГО АССОЦИАТИВНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

*Е.А. Маклакова, Ю.А. Литвинова (Воронеж)
Воронежский государственный лесотехнический университет
elena.maklakova5@mail.ru*

В современной лексикологии общепризнанным является положение о том, что слово как единица лексической системы существует в ряду других слов, между которыми устанавливаются различные взаимоотношения, в том числе и синонимические связи. Синонимы — это семемы двух и более лексических единиц, которые совпадают по семантическому ядру (архисема + ядерные семы), нормативной сочетаемости, некоторым периферийным денотативным компонентам, что и определяет их способность к взаимозаменяемости в отдельных контекстах. Причем

тождественность коннотативного и/или функционального макрокомпонентов значения или ее отсутствие существенны для выявления семантической близости членов синонимического ряда (СР). При выявлении синонимов также актуален вопрос о многозначности слов, поскольку семемы таких лексических единиц (ЛЕ) могут быть в составах различных СР. Алгоритм психолингвистического описания значений ЛЕ в составе СР предполагает:

1. Формирование ассоциативного поля стимула по результатам обработки данных свободных ассоциативных экспериментов (САЭ) и направленных ассоциативных экспериментов (НАЭ).

2. Вычисление индексов, свидетельствующих о семантической яркости ассоциатов, полученных при проведении САЭ и НАЭ, в ассоциативном поле стимула.

3. Обобщение результатов описания значений лексических единиц, полученных по данным САЭ и НАЭ на основе количественных показателей, и составление единого списка семантических признаков (денотативных, коннотативных) по каждой семеме.

4. Ранжирование семантических признаков по индексам яркости (ИЯ) в порядке убывания от ядра к периферии. Выделение функциональных, идентифицирующих признаков (демонстрирующих семеме примером), зоны нормативной сочетаемости отдельно в составе каждой семемы.

5. Семемы также ранжируются в последовательности от ядерных к периферийным. Ядерные семемы имеют наибольший суммарный индекс яркости (СИЯ).

В парадигме синонимических значений выявляется как семантическое пересечение, которое обнаруживается у всех членов одного СР, так и семантическое исключение, т.е. дифференциальные семантические признаки, присущие членам этого СР.

Ядром СР является доминанта, которая, как показывают результаты исследования, стабильна, наиболее употребительна, стилистически нейтральна, а также содержит в своей структуре семантические признаки, выявленные по ядерным ассоциативным реакциям САЭ и НАЭ. В отличие от ядра, периферия СР подвижна, изменчива, может включать в себя семемы, имеющие в своей структуре устаревшие, разговорные и/или оценочные элементы. Периферия СР представлена семемами с семантическими признаками, выявленными по периферийным ассоциативным реакциям САЭ и НАЭ.

Резюмируя вышесказанные положения об общности и дифференциации синонимов по результатам ассоциативных экспериментов, можно заключить, что описание СР предполагает наличие определенных условий: члены СР — это отдельные семемы лексем с общим для всех членов данного ряда семантическим ядром, состоящим из архисемы и ярких сем с высоким СИЯ; полевой подход к описанию СР позволяет конкретизировать и разграничить семантическую близость его членов по индексам яркости; для дифференциации СР их следует описывать единообразно с использованием инструментария семной семасиологии; описание СР как единой микросистемы проводится на разных уровнях (на семемном и семном уровнях, на уровне ассоциативных реакций, на уровне нормативной сочетаемости).

ГЛАГОЛЫ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М.Б. Отабоева (Ташкент)

*Узбекский государственный университет мировых языков
muslima_otaboeva@mail.ru*

В настоящее время в языкознании можно наблюдать тенденцию повышенного интереса к изучению глаголов. Это объясняется многими причинами. Главные из них носят теоретический и практический характер.

Практический характер заключается в необходимости более совершенного владения русским языком в условиях его контактирования с другими языками.

Глагол как самостоятельная часть речи имеет разные лексико-семантические группы. Поэтому большой интерес представляет не только рассмотрение вопросов теории дидактики, но роль и место образовательной культуросферы в обеспечении педагогического общения и взаимодействия в иноязычной среде и, как следствие, изучение национальных культурно-образовательных особенностей этого общения [Джусупов, 2019, с. 223].

В докладе рассматривается одна из пяти лексико-семантических групп глаголов чувственного восприятия, а именно глаголы зрения русского языка. Актуальность этого исследования объясняется тем, что глаголы зрительного восприятия русского языка достаточны сложны с семантической и стилистической точек зрения.

В Русско-узбекском словаре [Зуфаров, 1983] мы выявили 100 глаголов зрительного восприятия на русском языке. Среди данных 100 глаголов встречаются разные глаголы, отличающиеся по структуре, способу образования, по стилистической окраске и т.д. Однако все они служат для обозначения одного и того же зрительного восприятия, а также показывают богатство русского языка.

Эти глаголы можно разделить по нескольким критериям: 1) глаголы возвратные и невозвратные, 2) глаголы совершенного и несовершенного вида, 3) глаголы, образованные префиксальным, аффиксальным или префиксально-аффиксальным способами, 4) нейтральные и стилистически окрашенные глаголы.

I. Невозвратные глаголы: *взглянуть, взглядывать, взирать, видать, увидать, повидать, видеть, увидеть, видывать, воззреть, выглядеть, выглядывать, выглянуть, высмотреть, глазеть, глядеть, вылупить глаза, вытаращить, глазеть, поглазеть, досмотреть, заглянуть, зреть, косить, покосить, лорнировать, лупить глаза, метить, наблюдать, понаблюдать, надзирать, обозреть, обозревать, обратить взор, оглядеть, оглядывать, озирать, осматривать, осмотреть, пересмотреть, поглядеть, поглядывать, посмотреть, посматривать, присмотреть, присматривать, примечать, проглядеть, проглядывать, проглянуть, просматривать, просмотреть, разглядеть, разглядывать, рассмотреть, рассматривать, следить, смотреть, созерцать, таращить, щурить.*

Возвратные глаголы: *вглядеться, вглядываться, как взглянется ему/ей, видаться, повидаться, видеться, виднеться, воззриться, всмотреться, всматриваться, вылупить, вытаращиться, глядеться, заглядеться, засмотреться, зариться, позариться, коситься, покоситься, лупить, метиться, наблюдаться, обратиться, оглядеться, оглядываться, оглянуться, озираться, осматриваться, осмотреться, поглядеться, присмотреться, просматриваться, смотреться, таращиться, щуриться.*

II. Глаголы несовершенного вида: *вглядываться, взглядывать, взирать, видать, видеть, виднеться, видывать, выглядеть, выглядывать, всматриваться, глазеть, глядеть, глазеть, зреть, косить, лорнировать, лупить глаза, лупиться, метить, метиться, наблюдать, надзирать, обозревать, обратить взор, оглядывать, оглядываться, озирать, озираться, осматривать, осматриваться, поглядывать, посматривать, присматривать, примечать, проглядывать, просматривать, просматриваться, разглядывать, рассматривать, следить, смотреть, смотреться, созерцать, таращить, таращиться, щурить.*

Глаголы совершенного вида: *вглядеться, взглянуть, как взглянется ему/ей, увидеть, повидать, повидаться, увидеть, воззреть, воззриться, выглянуть, всмотреться, вылупить глаза, вылупиться, вытаращить, вытаращиться, высмотреть, досмотреть, заглянуть, заглядеться, засмотреться, поглазеть, позариться, покосить, покоситься, понаблюдать, обозреть, обратить взор, обратиться, оглядеть, оглядеться, оглянуться, осмотреть, осмотреться, поглядеть, поглядеться, посмотреть, присмотреть, присмотреться, проглядеть, проглянуть, просмотреть, разглядеть, рассмотреть, уставиться*

III. Глаголы, образованные префиксальным способом: *вглядеться, увидеть, повидать, повидаться, увидеть, воззреть, выглядеть, вылупить, вытаращить, высмотреть, досмотреть, поглазеть, позариться, покосить, покоситься, понаблюдать, обозреть, осмотреть, пересмотреть, поглядеть, посмотреть, присмотреть, проглядеть, просмотреть, разглядеть, рассмотреть.*

Аффиксальные глаголы: *вглядываться, взглядывать, видаться, видывать, выглядывать, глядеться, всматриваться, вылупиться, вытаращиться, коситься, лупиться, метиться, наблюдаться, обозревать, обратиться, оглядеться, оглядывать, оглядываться, оглянуться, озираться, осматривать, осмотреться, осматриваться, поглядеться, поглядывать, посматривать, присматривать, присмотреться, проглядывать, просмотреть, просматриваться, разглядывать, рассматривать, смотреться, таращиться, уставиться, щуриться.*

Префиксально-аффиксальные глаголы: *всмотреться, заглядеться, засмотреться.*

IV. Стилистически окрашенные глаголы зрительного восприятия: *взирать, воззреть, воззриться, зреть, лорнировать (устар.); надзирать, обозреть, озирать, озираться, созерцать (книжн.); видать, увидеть, повидать, видаться, повидаться, высмотреть, глазеть, поглазеть, вылупить, вылупиться, вытаращить, вытаращиться, зариться, позариться, лупить глаза, лупиться, метить, метиться, поглядывать, примечать, проглядеть, смотреться, таращить, таращиться, уставиться (разг., прост.).*

Таким образом, многообразие грамматических, лексико-семантических особенностей глаголов зрения русского языка заслуживают как монолингвального, так и билингвального рассмотрения в аспекте теории языка, сопоставительной лингвистики, лингводидактики и методики обучения русскому языку в иноязычной аудитории [Джусупов, 2019; 2021] с учетом сходств и различий родного и неродного языков.

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: К ОБСУЖДЕНИЮ МЕТОДА

А.Д. Палкин (Москва)

Московский государственный лингвистический университет

p-alexis@yandex.ru

Ассоциативный эксперимент давно зарекомендовал себя как эффективный метод анализа языкового сознания. Общепринятым является положение о том, что связи, регистрируемые в ассоциативно-вербальной сети, отражают мировидение информантов. В то же время в связи с методологией и методами интерпретации результатов высказываются многочисленные претензии, связанные, по нашему убеждению, с недостаточным пониманием сути данного экспериментального метода. Перечислим основные претензии, предъявляемые к ассоциативным исследованиям, и постараемся их опровергнуть.

Первая претензия: как вы можете сопоставлять лексемы из разных языков, в то время как содержание этих лексем в языковом сознании носителей соответствующих языков различается? Здесь часть исследователей приводит в пример английские слова *home* и *house*, которые переводятся на русский язык словом «дом». Ответ прост: для того мы и проводим ассоциативные исследования, чтобы выявить различия в содержании этих образов сознания в языковых картинах мирах носителей исследуемых языков.

Вторая претензия: выборка в несколько сот респондентов недостаточно репрезентативна, чтобы экстраполировать полученные данные на всех носителей языка. Здесь ответ несколько сложнее, однако речь все равно идет об очевидных вещах. Ассоциативный эксперимент является качественно-количественным методом исследования, то есть используются математические методы анализа (количественный подход), дополненные умозрительными заключениями исследователя (качественный подход). Исследования показали, что при опросе более ста респондентов уже формируется достаточно стабильное ядро ассоциативного поля, которое не претерпевает существенных изменений при наращивании реакций. Следовательно, даже анализ ограниченной выборки (если респондентов больше ста) позволяет делать достоверные выводы о мировидении более широких слоев населения. При этом следует признать, что выборка в несколько сот человек не идеальна. Можно добиться того, чтобы количество мужчин и женщин в выборке было одинаковым или примерно одинаковым, можно обеспечить соблюдение определенных возрастных требований к испытуемым, но учесть все возможные социальные факторы для формирования идеальной выборки на практике оказывается крайне проблематичным. В связи с этим следует согласиться с тем, что получаемые выборки не идеальны и в случае экстраполяции до масштабов культуры в целом могут иметь некоторые погрешности, однако эти погрешности не носят решающего характера и не влияют кардинальным образом на окончательные выводы при условии, что информантами являются носители исследуемой культуры. Главное, что должен обеспечить экспериментатор, — это убедиться, что он опрашивает представителей именно той культуры, которую он исследует.

Подойдем ко второй претензии с другой стороны. Предположим, мы решили оставаться в рамках строгих требований математической статистики. Согласно этим требованиям, достоверной выборкой является выборка, в которой опрошены более одного процента респондентов. Если мы ставим перед собой задачу изучить

языковое сознание носителей некоторой культуры общей численностью — условно — 10000000 человек, то 1% от этого числа — 100000 человек. Реально ли провести анкетирование одного миллиона человек и затем обработать полученные данные? Это задача не по силам даже всем сотрудникам одного научно-исследовательского института вместе взятым. Таким образом, в силу невозможности следования требованиям математической статистики, мы вынуждены проводить опрос на ограниченном контингенте и экстраполировать полученные данные. Претензии к количеству испытуемых должны быть реалистичными.

Третья претензия: обоснуйте, по какой причине вы сравниваете именно эту и эту лингвокультуры. Обоснование всегда можно найти. Однако зададимся вопросом: так ли необходимо приводить обоснование того, по какой причине проводится исследования? Предположим, исследователь имеет намерение сопоставить две лингвокультуры. Конечно, имеет смысл объяснить, чем схожи и чем различаются эти культуры, а также обосновать необходимость их сопоставления. Теперь допустим, что существуют две лингвокультуры столь различные, что никакого обоснования о необходимости их сопоставления не представляется возможным привести (ситуация очень условная, но сделаем такое допущение). Тогда эти две лингвокультуры уже нельзя сравнивать? А если исследователь считает, что существует острая необходимость их сравнить? Приведенная претензия подразумевает возможность запрета на сопоставление ряда лингвокультур, что с точки зрения научной этики неприемлемо.

Четвертая претензия: ассоциативный эксперимент недостаточно достоверный метод исследования, по каковой причине полученным данным не следует доверять. Это самая лицемерная претензия из всех. Если кому-то не нравятся полученные другим исследователем выводы, можно просто заклеить его метод исследования. Да, мы уже признали, что наш метод не идеален, но лингвистика как большинство гуманитарных дисциплин не претендует на однозначность выводов. Любые выводы — предмет для дискуссии. Любой лингвистический метод исследования можно подвергнуть сомнению. Тем не менее, лингвистическими методами исследования пользуются — пользуются именно потому, что они доказали свою эффективность, несмотря на возможные погрешности. Не существует идеального метода исследования. Если бы таковой существовал, то только его и применяли бы как лакмусовую бумажку. Огульная критика метода без вразумительных доводов неприемлема. Между тем во избежание подобной критики целесообразно подкреплять выводы, полученные при помощи ассоциативного эксперимента, выводами, полученными при помощи других исследовательских методов.

Пятая претензия: мы и без этих экспериментов знали о том, к чему вы пришли в результате проведенного вами анализа. Одно дело о чем-то догадываться, другое дело подтвердить гипотезу экспериментально. Даже если для некоторого специалиста все полученные в результате проведения ассоциативного эксперимента выводы не новы (что на практике маловероятно), они ценны тем, что подтверждают существующие знания. Если один исследовательский метод способен эффективно дополнить другой, то мы получаем триангуляционный подход, который призван максимально повысить валидность исследовательского проекта.

Мы разобрали пять основных претензий, предъявляемых к ассоциативным экспериментам. Этот список, разумеется, неполон. Нашей целью было показать необоснованность наиболее популярных возражений против методологии ассоциативных исследований. Надеюсь, нам это удалось.

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЯЗЫКА (ФИЛОСОФИЯ И КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ)

О.Б. Панова (Томск)

Томский государственный университет
olga_panova_1973@mail.ru

В современном научном дискурсе весьма актуальным становится *эволюционный подход* к исследованию языка, возникающий в общем контексте идеи глобального эволюционизма современной постнеклассической философии и науки. Проблема состоит в следующем: стоит ли рассматривать язык как изначальную данность, некую врожденную способность человека или язык — феномен глобальной эволюции, возникший и состоявшийся в ходе всемирной эволюции и сам представляющий собой сложную саморазвивающуюся систему? Очевидно, что данная проблема не может быть решена усилиями одной научной дисциплины, к размышлению над ней активно подключаются ученые разных научных направлений — антропологи, философы, лингвисты, социологи, психологи, представители естественнонаучных школ. Вокруг языка создается междисциплинарное научное пространство, в авангарде которого сегодня — философия языка и когнитивные науки (когнитивная лингвистика, психолингвистика, нейролингвистика, когнитивная и эволюционная психология).

Начиная со второй половины XX в. в постнеклассическом научном мировоззрении формируется новая научная парадигма — *эволюционная*, одной из фундаментальных идей которой становится философская идея глобального эволюционизма. «В культуре всё обретает смысл только в свете эволюции» — ключевое убеждение ученых этого направления [Ричерсон, Бойд, 2007]. Соответственно и язык может быть осмыслен, понят и исследован только в свете эволюции. «Принцип эволюции является универсальным. Он применим к космосу как целому, к спиралевидным туманностям, звездам с их планетами, к земной мантии, растениям, животным и людям, к поведению и высшим способностям животных. Он применим также к языку. Нет никаких сомнений в том, что Язык является результатом биологической эволюции. Язык как целое, как человеческая способность не безвременный, вечный или неизменный. Язык образовался постепенно и подчинялся при этом принципам естественного отбора», — утверждает немецкий физик Герхард Фоллмер [электр. ресурс]. Не случайно это высказывание именно ученого-физика, свидетельствующее о проявленном интересе к языку именно с точки зрения космического, вселенского, всемирного уровня и взгляде на язык в этом целостном научном контексте. Глобальный эволюционизм противопоставляет социокультурную динамику статике, изменчивость устойчивости, развитие постоянству; он опирается на философские идеи когнитивной сложности, системности, историзма. Мир в целом здесь понимается как сложная саморазвивающаяся и самоорганизующаяся система, которую во всем разнообразии и динамике ее бытия и выражает язык, сам отражая целостность универсума. Потому процессуальность, динамика, развитие, историчность должны стать ключевыми характеристиками самого языка. И сам язык должен быть подвергнут исследованию именно в таком эволюционном аспекте с учетом всей сложности биологической и особенно когнитивной эволюции человечества, что является пока задачей будущего науки.

АНТРОПОМОРФИЗМ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

*С.А. Песина (Магнитогорск)
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова
spesina@bk.ru*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 22-18-20022, <https://rscf.ru/project/22-18-20022/>

Как тип мировоззрения антропоморфизм являет собой одно из фундаментальнейших свойств человеческого мышления в области категоризации и концептуализации окружающей действительности. Он представляет собой языковую универсалию, в которой параметры собственного тела, состояние духа и эмоции соотносятся с окружающими объектами и явлениями. В той же степени и человек может принимать на себя свойства тех объектов, которые он пытается осмыслить [Назарова, Песина, 2011; Песина, 2016].

По нашему мнению, антропоморфизм является зонтичным термином по отношению к таким смежным и пересекающимся феноменам вторичной номинации, как анимизм, аниматизм, олицетворение, гилозоизм. Выделим в качестве важнейших следующие составляющие и свойства антропоморфизма:

- он является ведущим вектором профилирования знаний, углом зрения, под которым индивид смотрит на окружающий мир, «просеивая» знания сквозь сито своего эго [Песина, Зимарева 2017; Юсупова, Песина 2019];

- антропоморфичность является мыслительной и языковой универсалией и свойственна человеку независимо от его языковой, расовой, политико-экономической или какой-либо другой принадлежности;

- он вполне оправдан логически и имеет глубинные глубинных архетипические родовые черты, отражая ход истории и культуры, политико-экономические воздействия, результат социальных явлений своего общества;

- антропоморфичность мышления свойственна человеку с тех пор, как он начинает осознавать себя человеком и особенно ярко проявляется в детстве, затрагивая системные свойства мышления как инструмент «приручения» природных объектов и явлений [Pesina, Solonchak, 2014].

Таким образом, с одной стороны, антропоморфность языка связана с проявлением гуманизма и субъективацией свойств человека, с другой – в долгосрочной перспективе служила «стоппером» научного прогресса, упрощая мир и предлагая ненаучное обиходно-наивное объяснение природных явлений. Так, на протяжении не одного тысячелетия мифы являлись культурной формой мышления человека (в ряде культур и до сих пор). Поэтому в науке антропоморфизм зачастую предстает как «превращенная форма сознания», как некое искажение объектов действительности. Поэтому данная проблематика видится чрезвычайно актуальной для дальнейших исследований.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИ РЕАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА «ДИПЛОМАТ» ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

*А.Ю. Пыхтина (Москва)
Московский городской педагогический университет
anuyar1ht@yandex.ru*

Наиболее эффективными и результативными методами изучения языкового сознания человека в рамках антропоцентрического подхода к языку являются, на наш взгляд, экспериментальные методы исследования. Они широко применяются в психолингвистике, и это неслучайно: обращаясь в ходе экспериментов непосредственно к носителю языка, ученый получает возможность выявить процессы, происходящие в языковом сознании индивида. Экспериментальные методы позволяют ответить на вопрос, как носитель языка воспринимает, понимает и использует слово, и какие смыслы — зафиксированные в толковых словарях или нет — составляют психологически реальное для индивида значение слова. Благодаря их использованию становится возможным проследить магистральное направление развития языка как многоуровневой и многокомпонентной динамически развивающейся системы, уточнить, какие смыслы, зафиксированные в лексикографических источниках, актуальны и значимы для индивида, и какие — утратили свою значимость. Кроме того, именно экспериментальные методы исследования позволяют выявить новые, не представленные в лексикографических источниках значения, тем не менее, актуальные для современного носителя языка.

Нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент, участниками которого стали 50 студентов первого курса, обучающихся в различных высших учебных заведениях по программе бакалавриата; так как целью исследования было изучение обыденного языкового сознания современного носителя языка, специальности, по которым обучаются респонденты, не связаны с областью политики и международных отношений. Возраст участников — от 18 до 21 года, 23 юноши и 27 девушек. Участникам было предложено закончить предложение: «Он / она — настоящий дипломат, потому что...». Выбор стимула обусловлен тем, что дипломатия является неотъемлемой частью жизни любого государства, средством защиты интересов государства на международной арене и его граждан за рубежом; часто именно с представителями дипломатии связывается имидж страны. А отношение молодых людей к обществу, в котором они живут, к своей стране и, в частности, к дипломатии, во многом определяет их жизненную позицию, возможность самореализации, то, каким они видят свое будущее.

Было получено 50 ответов. На начальном этапе все реакции респондентов были зафиксированы, затем ответы были проанализированы и проинтерпретированы, сгруппированы по смысловому сходству (или тождеству). Приведем наиболее частотные реакции.

В результате анализа полученных данных можно заключить, что значительное число участников связывает дипломатическую деятельность с наличием хорошего образования (19 ответов из 50). Приведем несколько примеров: «Он / она — настоящий дипломат, потому что...» *много знает; образование хорошее; он хорошо образован; очень образованный и умный; говорит на многих языках; владеет иностранным языком.* Семь участников эксперимента указали лексему «ум»: «Он / она — настоящий дипломат, потому что...» *умный человек, работа серьезная; он*

или она интеллектуальная личность; может спокойно говорить на любые темы; никогда не знаешь, что на уме. Двенадцать участников указали на внешние данные представителя дипломатической профессии, эти ответы объединяет представление о строгом или деловом стиле одежды, соответствующих атрибутах: «Он / она — настоящий дипломат, потому что...» *всегда ходит в строгом костюме; носит очки и выглядит солидно; солидно и богато выглядит, у него дорогие часы; следит за внешним видом и всегда опрятен.*

Результаты эксперимента продемонстрировали глубокое несоответствие психологически реального и системного значений лексем дипломатия и дипломат.

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ОПИСАНИИ ЦВЕТОВОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА: ЦВЕТ МХА

Т.В. Сивова (Гродно)

*Гродненский государственный университет им. Янки Купалы
sitavi@tut.by*

Стоящая перед работающими в области лингвистики цвета исследователями задача описания цветовой концептосферы русского языка закономерным образом включает в методологическую базу исследований ассоциативный эксперимент, призванный «вскрыть объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов» [Российская психолингвистика ... , 2021, с. 349]. Ценность экспериментальных данных несомненна в реконструкции цветовой концептосферы флористического пространства языка, что подтверждают результаты проведенного нами в 2021 г. направленного ассоциативного эксперимента (НАЭ), в котором приняли участие 611 респондентов, студентов ГрГУ им. Янки Купалы, обучающихся на 4 факультетах (фак. истории, коммуникации и туризма; математики и информатики; инженерно-строительный; филологический фак.); их гендерная представленность: 297 (муж.), 314 (жен.); возраста: 17-20 лет. Респондентам было предложено привести «цветовую» реакцию на стимул-фитоним **мох**.

Результаты: всего реакций на стимул *мох* 595, различных реакций 44, единичных 27, отказов 16. $МОХ_{ив} = 595 + 44 + 16 + 27$. Ср.: **зеленый** 468 (м/ж); **темно-зеленый** 51 (м/ж); **коричневый** 9 (м/ж); **черный** 7 (м/ж); **болотный** 5 (м/ж); **серый** 4 (м/ж); **желтый** 3 (м/ж); **серо-зеленый** 3 (м/ж); **белый** 2 (м/ж); **бирюзовый** 2 (м), **бурый** 2 (м/ж), **зеленый, болотный** 2 (ж), **зеленый, желтый** 2 (ж), **изумрудный** 2 (ж), **насыщенный зеленый** 2 (м/ж), **светло-зеленый** 2 (м), **синий** 2 (ж); **буро-зеленый** 1 (ж), **грязно-зеленый** 1 (м), **грязный зеленый** 1 (м), **зелено-коричневый** 1 (ж), **зеленый с коричневым** 1 (ж), **зеленый, белый** 1 (ж), **зеленый, всех оттенков** 1 (ж), **зеленый, коричневый** 1 (м), **зеленый, светло-голубой** 1 (м), **зеленый, серый, коричневый** 1 (ж), **коричневый, зеленый** 1 (м), **корично-зеленый** 1 (ж), **красный** 1 (ж), **мягко-зеленый** 1 (ж), **оранжевый** 1 (м), **очень зеленый** 1 (ж), (бел.) **празрысты** 1 (ж), **пышно-зеленый** 1 (м), **салатовый** 1 (м), **салатовый, зеленый** 1 (ж), **темно-болотный** 1 (ж), **темно-зеленый, изумрудный, ярко-зеленый** 1 (ж), **темно-зеленый, коричнево-зеленый** 1 (м), **темно-оливковый** 1 (м), **цвет хаки** 1 (м), **ядовито-зеленый** 1 (ж), **ярко-зеленый** 1 (м). Таким образом, цветовой спектр, актуализируемый в колористических дескрипциях мха, включает 18 терминов цвета. Доминантой, репрезентирующей стереотип восприятия растения, является **зеленый**; о его сильной позиции свидетельствует и оттеночная палитра (13 номинаций). Цветовой спектр включает 15 композитов, отражающих стремление респондентов точно передать цветовой впечат-

ление и строящихся на основе как терминов цвета (*зелено-коричневый, серо-зеленый*), так и ряда модификаторов цвета (*грязно-, мягко-, пышно-, светло-, темно-, ядовито-, ярко-*). Спектр расширяется развернутыми описаниями (*грязный зеленый; зеленый с коричневым; насыщенный зеленый*); цветовыми последовательностями различной модификации: 2-х комп. (*зеленый, белый; зеленый, светло-голубой; темно-зеленый, коричнево-зеленый* и др.) и 3-х комп. (*зеленый, серый, коричневый; темно-зеленый, изумрудный, ярко-зеленый*); лексемами с семой «свет»; более того, единичными реакциями (около 30), репрезентирующими индивидуальное восприятие языковой личности (*буро-зеленый, мягко-зеленый, ядовито-зеленый* и др.). Отметим, что РАС стимул «мох» не фиксирует, как и цветовые стимулы, вызывающие реакцию «мох».

Ряд выявленных в ходе НАЭ реакций (как массовых, так и единичных) получил реализацию в рекламной коммуникации (*зеленый, коричневый, белый, синий, цвет хаки* и др.), которая актуализирует функциональный потенциал цветовых дескрипций мха в продуцировании новых терминов цвета: *тени, цвет Зеленый мох*; в конкретизации значения цветообозначения *цвет мха: брюки цвета moss — мох (хаки с преобладанием коричневого)*. Вопросам корреляции ассоциативной и медиа-реklamной цветовой картины мира, а также их соотношения с художественной картиной мира посвящен доклад.

СЕМАНТИКА ПЕРЦЕПТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*В.Г. Фатхутдинова (Казань)
Казанский (Приволжский) федеральный университет
favenera@mail.ru*

Как известно, языковое сознание в лингвистических реалиях проявляется в следующих объектах: «структура ассоциативно-вербального тезауруса; отдельные слова; морфемные элементы слов и образуемые на их основе грамматические и логические категории; грамматические и текстообразующие формы; функционирование интенционально-мотивирующего механизма» [Ушакова, 2004, с. 16]. В этой связи предметом нашего исследования выступили русские адъективы как лексико-грамматический класс признаков слов, актуализирующих процесс чувственного восприятия окружающего мира. В соответствии с модусами перцепции они распределяются на пять семантических групп: прилагательные зрительного, слухового, осязательного, обонятельного и вкусового восприятия.

Субъективный характер восприятия, а именно несовпадение перцептивного образа предмета или явления у разных людей, обусловлен наличием у каждого человека ведущего типа сенсорного взаимодействия с окружающим миром: визуального, тактильного, вкусового, аудиального, обонятельного, который играет определяющую роль при чувственном познании действительности. Такой субъективизм чувственного восприятия определяет возможность синестетических переносов перцептивного признака из одной сферы модальности в другую, что порождает большое количество метафорических словоупотреблений в художественной речи. Например, перенос по модели «вкус – запах»: *Во рту терпкий — как укол сотни игол — вкус* (С. Кржижановский. Дымчатый бокал); *Мускусный, терпкий запах кожи, смешанный с апельсиновой отдушкой шампуня, излучение благословенного женского тепла* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы): ср. метафорический перенос: *Стояла, вцепившись в локоть*

Стасика, чувствуя *терпкий страх* вперемишку с желанием вспыхнуть мгновенно и чисто и развеяться пеплом над горами... (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы).

Описание такого сложного психолингвистического феномена, как синестезия, невозможно без обращения к ассоциативно-вербальной сети в целом, позволяющей выявить смысловую многоплановость перцептивных адъективов. Синестезия проявляется в синкретизме чувственно воспринимаемых признаков и полимодальности процесса восприятия. Она обусловлена семантической и ассоциативно-смысловой структурой данного класса слов. Перцептивный образ отличается чрезвычайной семантической мобильностью, высокой информационной емкостью, оперативностью и смысловой многомерностью, поэтому именно качественные прилагательные часто используются в синестетических переносах. Нерасчлененность и взаимодействие разнообразных форм чувственного восприятия — непрменная характеристика образа предмета или явления в художественном тексте. В результате пересечения чувственно воспринимаемых образов автор достигает максимальной экспрессивной насыщенности своего произведения.

Таким образом, изучение семантической структуры перцептивных прилагательных как особой формы эстетического воздействия с помощью психолингвистических методов позволяет более полно описать механизм речевой деятельности, а именно порождение и восприятие метафорических моделей с позиций не только психолингвистики, но и теории номинации.

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ СЕМАНТИКИ: КРИЗИС ИЛИ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ЛИНГВИСТИКИ?

Цзинь Тао (Москва)

Российский университет дружбы народов

Jintao-m@yandex.ru

Выдающийся лингвист Ю.Д. Апресян писал: «Нынешняя эпоха развития лингвистики — это, бесспорно, эпоха семантики, центральное положение которой в кругу лингвистических дисциплин непосредственно вытекает из того факта, что человеческий язык в своей основной функции есть средство общения, средство кодирования и декодирования определенной информации» [Апресян, 1995, с. 3]. Ученый точно указал, что семантика занимает центральное место в современной лингвистике, однако углубление исследования семантики поставило под сомнение сам постулат о языке как о средстве кодирования и декодирования информации.

Во-первых, результаты психолингвистических экспериментальных исследований с целью объективизации понимания языковых единиц обычными носителями языка подтверждают суждение, высказанное Бертраном Расселом: «Хотя словарь или энциклопедия дают нам то, что может быть названо официальным или общественно санкционированным значением слова, нет двух людей, которые в своем сознании вкладывают в одно и то же слово одинаковое содержание» [Рассел, 2009, с. 78]. Во-вторых, результаты сравнения семантики единиц из разных языков свидетельствуют о том, что «семантические системы разных языков находятся между собой в отношении взаимной дополнительности. Там, где в одном языке лакуна, в другом — конкретное обозначение, и наоборот» [Кузнецов, 2011, с. 21]. Говоря о «национально-культурной специфике картины мира», лингвисты на самом деле утверждают, что каждый язык соотносится со своей семантикой, а человек, говорящий на этом языке,

осознает ту семантику, которую ему позволяет осознавать его язык. Семантика — живой продукт умозаключения, относительность является ее фундаментальной чертой.

Признание относительности семантики может спровоцировать кризис, ибо усилия, направленные на «систематизацию семантики» как достижение цели лингвистических исследований, скорее, лишь отражают стремление упорядочить необъятную массу «осознаваемого», мотивированное самой верой в «системность». Такие усилия приводят к умножению специфического лингвистического знания, но нет оснований полагать, что описанная в итоге система будет иметь реальное отношение к тому, что содержится и происходит на самом деле в сознании человека. Но это признание одновременно подразумевает и необходимость фундаментального пересмотра вопроса о механизме генерации семантики, поскольку уязвимость теории «семантической деривации», основанной на предположении о наличии «производящих» и «производных» в самой семантике, становится очевидной. Если семантика языковых единиц «мотивированно произвольна», то нам предстоит найти подход, позволяющий увидеть различие между семантикой и актом осознания семантики. Иными словами, открываются возможности найти более конкретный ответ на поставленный философией вопрос об «интеллектуальной интуиции» как механизме возникновения знания.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА И ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

*А.А. Яковлев (Санкт-Петербург)
Северо-Западный институт управления РАНХиГС
mr.koloboque@gmail.com*

Во многих работах последних лет понятие «языковое сознание» (ЯС) не является предметом изучения, а лишь «фоном», на котором выявляются особенности тех или иных слов или концептов. Если проанализировать публикации, посвященные собственно ЯС, то нетрудно заметить, что по экспериментальным процедурам и общеметодологическим схемам, используемым в этих исследованиях, они ничем существенным не отличаются от работ по ментальному лексикону (МЛ). См. например: [Балясникова, Уфимцева, 2020; Бронникова, 2017; Васильева, 2019; Гаранович, 2020; Гуц, Худякова, 2020; Исаева, Васильева, 2021; Лопсан, 2018; Миллер, 2020; Пак, Долгова, 2020; Разумкова, 2016; Ращупкина, 2018; Рев, Харченко, 2019; Тяньдэ, 2016]. При замене в этих и других публикациях основного понятия с ЯС на МЛ никаких существенных изменений в них не произойдет: выводы авторов будут столь же обоснованными и будут касаться того же спектра языковых явлений.

Возникает закономерный вопрос: чем же отличается методология исследований ЯС от методологии исследований МЛ? Иначе говоря: какой методологией должно обладать исследование, чтобы быть не исследованием МЛ, а именно исследованием ЯС? Отвечая на этот вопрос, автор настоящего доклада опирается на принцип анализа по единицам, принятый в отечественной психолингвистике и выраженный, прежде всего, в трудах Л.С. Выготского, но не только; см.: [Выготский, 1982; Ильенков, 2019; Мамардашвили, 2011]. Такой теоретико-методологический базис и анализ работ по ЯС дает основания для следующих выводов.

Исследования ЯС имеют определенные сходства с исследованиями МЛ. Прежде всего, это касается экспериментальных процедур получения эмпирического материала, главной из которых остается ассоциативный эксперимент. Однако по общеметодологическим принципам исследования ЯС существенно отличаются от исследований МЛ. Чтобы отличаться от исследований МЛ, конкретное исследование ЯС 1) должно быть основано на сопоставлении двух социально-культурных групп; 2) сопоставление должно осуществляться по деятельности, являющейся хотя бы для одной из сопоставляемых групп регулярной; 3) эмпирический материал должен подбираться таким образом, чтобы в нем отражались особенности языковых явлений, обусловленные именно этой деятельностью; 4) эмпирический материал должен анализироваться таким образом, который позволяет выявить закономерное, а не случайное влияние на него со стороны регулярной деятельности и личностной оценки, т.е. анализ должен выявлять изменения и значений, и смыслов языковых знаков.

В таком случае исследования ЯС позволяют не только выявлять какие-то отдельные особенности ментальных лексиконов представителей некоторой социально-культурной группы, но выявлять также закономерные связи между их ментальными лексиконами и той деятельностью, которую эти люди выполняют регулярно, а также их личностным переживанием этой деятельности.

Сказанное подталкивает к тому, чтобы определить ЯС следующим образом. Языковое сознание — это психолингвистическое понятие, которое показывает, каким образом внутренние и внешние факторы функционирования языка как достояния человека связаны с изменением значений и смыслов языковых знаков. Это понятие отражает особенности упорядочивания речевого опыта группы людей в зависимости от определенных (т.е. фиксируемых теорией) внутренних и внешних факторов. Внутренними факторами являются особенности личностного переживания и эмоциональной оценки мира, внешними — особенности регулярно выполняемой деятельности.

Секция 2 ПРОБЛЕМЫ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕЗАУРУСА В СМЫСЛОВОМ ВОСПРИЯТИИ ИНОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА

И.В. Ващунина (Москва)

Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития РФ

Московский государственный лингвистический университет

vashunina@yandex.ru

Целью проведенного исследования было выявление различий в репрезентации в ментальном лексиконе вербальных единиц иностранного языка и родного языка. Подлежащий интерпретации материал получен в результате проведенных экспериментов (подробное описание экспериментов в [Ващунина, 2021]).

Экспериментальный материал: два немецких текста, предназначенных для изучающих немецкий язык (уровень B1), объемом 1400-1550 печатных знаков. Методика эксперимента: шкалирование. Были использованы биполярные антонимические семибалльные (от -3 до 3) шкалы. Одна группа испытуемых оценивала тексты по шкалам на русском языке, а другая группа — по шкалам на немецком языке.

Оба текста оценивались как: *легкомысленный — серьезный (leichtsinnig — ernst)*, *далекий — близкий (fern — nah)*, *успокаивающий — возбуждающий (beruhigend — erregend)*, *поверхностный — глубокий (oberflächlich — tief)*, *тревожный — спокойный (beunruhigend — ruhig)*, *злой — добрый (böse — gutmütig)*, *лживый — правдивый (lügnerisch — wahr)*, *пассивный — активный (passiv — aktiv)*, *печальный — радостный (traurig — fröhlich)*. Текст 1 оценивался, кроме этого, как *будничный — праздничный (alltäglich — festlich)*, *низкий — высокий (niedrig — hoch)*, *бедный — богатый (arm — reich)*, а текст 2 как *холодный — теплый (kalt — warm)*, *темный — светлый (dunkel — hell)*.

Эксперимент показал, что знак оценки (положительный или отрицательный) не изменяется в зависимости от языка номинации шкалы. По русским шкалам практически во всех случаях получены более высокие (иногда в 2 и более раза) абсолютные оценки, чем по немецким шкалам. Выявлена разница (в 2 раза) оценок (обоих текстов) по шкале *пассивный — активный / passiv — aktiv*, которая имеет интернационализмы в качестве номинации.

Данные свидетельствуют о том, что на величину оценки влияет использование родного или неродного языка. Качества, номинированные словами родного языка, воспринимаются интенсивнее, чем качества, названные словами иностранного (немецкого) языка. Объяснения этому, вероятно следуют искать в исследовании информационного тезауруса — стоящего за словами источника «информации, накопившейся в памяти, от опыта, оценок и знаний, которые можно использовать далее в разных структурах деятельности — не только в речи, но и в поведении» [Кубрякова, 2004, с. 380]. Очевидно, что слова родного языка используются (в общем случае) значительно чаще, чем слова изучаемого иностранного языка и, вследствие этого, накапливают больший «багаж» опыта употребления, который оседает в памяти. Основное отличие семантики немецких характеристик от семантики русских характеристик в понимании носителя русского языка заключается в следующем: у немецких лексических единиц при наличии общего с русскими сигнификативного и денотативного значения обеднен прагматический компонент.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ТЕЗАУРУСА ПО СОВРЕМЕННОМУ ДОНБАССУ:
«ОБСТРЕЛ»**

Т.Ю. Власкина (Ростов-на-Дону)
Южный научный центр РАН
vlaskiny@mail.ru

Работа выполнена в рамках проекта «Политические и социокультурные процессы на Юге России в условиях модернизации (XVII – XXI вв.)» (122020100347-2).

Одним из наиболее актуальных терминов повседневного донбасского лексикона является **обстрел** (Статистическая информация о частоте встречаемости слова или тезаурусной проекции в анализируемой выборке). Базовая словарная информация по данному термину соответствует литературным нормам русского языка [Ожегов, 1986, с. 374]. Грамматические детали: р. ед.: *от обстрела*, мн.: *-ов* (пострадать); п. ед.: *под обстрелом*, мн.: *-ами* (сидеть). Варианты: **обстрел** 76, **обстрелы** 54, **перестрелки** 8, **стрелкотня** 7, **артобстрел** 3, **пострелюшки** 1, **расстрел** (наших позиций) 1, **стрельба** 1. Однокоренные слова: **выстрелить** 3, **обстреливаемый** (район) 1, **обстреливать** 17, **обстрелять** 12, **обстреливаться** 1, **обстрелян** 1, **перестреливаться** 1, **постреливать** 1, **пострелять** 1, **расстреливаться** (постоянно — о н.п.) 1, **расстрелянный** (поселок) 1, **стрелковое** (оружие) 12, **стрелять** 12.

Помимо литературных слов, термин **обстрел** в тезаурусе по донбасской современности обслуживает неклассический инструментарий, возникновение которого чаще связано с модернизацией внутренней формы уже существующих лексических и фразеологических единиц русского языка, чем с генерацией совершенно новых. К такому инструментарию относятся: синонимы полные, уточняющие и оценочные: *бой, кошмар* («начнется минометный кошмар»), *ответка, ответочка* (ответный обстрел), *работа, развод, шум, трататушки* (обстрел из стрелкового и мелкокалиберного оружия) и т.п. Метафоры простые и сложные: *представление* (обстрел ВСУ) — аплодисменты (ответ ополчения), *обмен любезностями* (перестрелка), *будильник* (утренний обстрел), *гроза, грозовой фронт, музыка, симфония Баха, салют, свистопляска, сейсмическая активность, смс, фейерверк* и т.п.

Еще одной формой замены лексемы **обстрел** является сокращение устойчивого метафорического выражения или поясняющей фразы до одного слова, которое становится семантически самодостаточным ввиду многократной повторяемости описываемой ситуации. Примеры таких сокращений: *арта* — вм. «обстрел из артиллерийских орудий», *вечер начинается* — вм. «вечерний обстрел начинается», *град(ы)* — вм. «обстрел из РСЗО “Град”» (так же *ураган* и пр.), *праздник* — вм. «обстрел во время праздника», и т.п. К терминам, возникшим благодаря редукции, отчасти близки хештеги — *#Укрылусят, #Бьетукртанк, #Недайбох* (начнется), несмотря на иной принцип образования и функционирования. Неслучайно сетевой переключке присуще их использование в качестве сложной, особым образом акцентированной лексемы.

Среди 6 из возможных тезаурусных проекций доминирует вариант «А»: ‘обстрел ВФУ жилого массива и гражданской инфраструктуры ЛДНР’ (124 фиксации из 181). В данном контексте слово **обстрел** имеет ряд устойчивых дефиниций: *активный, артиллерийский, внезапный, дневной, коварный, крепкий, лютый, массированный, массовый, минометный, мощный, мощнейший, низкоинтенсивный,*

ночной, периодический, плотный, подлый, постановочный, праздничный, приличный, провокационный, продолжительный, сегодняшний, страшный, точечный, еще более точечный, тяжелый, украинский, утренний, чудовищный, шокирующий.

Таким образом, уже на этапе первичной проработки заглавного слова с синонимами и определениями мы можем получить предметный и аргументированный вывод о его значимости в повседневности воюющего региона. Обстрел предстает постоянной угрозой, наибольшим бедствием среди всех несчастий войны на Донбассе, мерилом качества жизни мирного населения и индикатором для оценки текущего положения на фронте.

ТЕРМИН КАК ДОСТОЯНИЕ ИНДИВИДА: ДИНАМИКА ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Н.О. Золотова (Тверь)

*Тверской государственный университет
saporovskaya@mail.ru*

В перечень признаков термина как единицы лексико-семантической системы не входит экспрессивность. Считается, что отсутствие у термина каких-либо побочных смыслов, способных отвлекать внимание специалиста, отвечает требованиям его объективности как наименования научного понятия.

Таким образом, стилистическая нейтральность, отсутствие эмоциональной и экспрессивной выраженности признаются типичными терминологическими свойствами. Тем не менее, существуют исследования, в которых можно обнаружить отступление от общепринятой точки зрения на этот вопрос. Например, в исследовании [Бурсина, 2010] показано, что если у терминологий строгих дисциплин полностью нивелированы эмоциональные оттенки слов и словосочетаний, то эмоциональная и субъективно-оценочная степень окраски терминов гуманитарных наук не сводится к нулю.

Исходя из психолингвистических представлений о присутствии эмоции и оценки в психологической структуре значений *всех* слов, можно прогнозировать экспликацию эмоционально-оценочной составляющей в значении термина в условиях эксперимента. В экспериментальном исследовании, выполненном под нашим руководством Л.К. Гордеевой [2020] на материале медицинских терминов — нозологических единиц, были зафиксированы эмоционально-маркированные реакции испытуемых — носителей формирующегося профессионального сознания, студентов медицинского вуза. Характер эмоционально-оценочного реагирования испытуемых в отношении предъявленных стимулов-терминов в целом не отличался от ассоциативного поведения участников эксперимента в эмпирических ситуациях со словами-стимулами другого вида, поскольку для «носителя языка каждое используемое или воспринимаемое слово мгновенно включается в контекст всего предшествующего опыта индивида и, следовательно, несет в себе как сиюминутное отношение, так и следы прошлых впечатлений, оценок, переживаний и т.п.» [Залевская, 1982, с. 11].

Количество реакций, содержание которых трактовалось как эмоционально-оценочное, составило не более 10% от общего объема ответов испытуемых (9323 вербальных единиц). Этого оказалось достаточным для анализа и выявления динамики эмоционально-оценочного значения рассматриваемых терминов. Было

зафиксировано количественное снижение реакций обсуждаемого типа у испытуемых в диапазоне от первого курса до аспирантуры, что коррелирует с ослаблением уровня эмпатии у обучаемых в медицинских вузах по данным отечественных и зарубежных психологических исследований [Ветлужская и др., 2019]. Установленные изменения в ассоциативном окружении одних и тех же стимулов на разных этапах обучения испытуемых предлагается рассматривать в качестве маркеров развития эмоционального интеллекта студентов-медиков с разной степенью развития профессиональных компетенций. Полученные результаты позволяют обсуждать латентную сущность медицинского термина как достояния индивида, которая проявляется, в том числе, и в динамике эмоционально-оценочного переживания будущих медиков, связанного с той или иной нозологической единицей, и представлена в структуре его психологического значения.

В практическом отношении актуальным является привлечение внимания к факту эмоциональной ригидности студентов медицинских специальностей и осознанию необходимости развития эмпатических способностей будущих медиков в период обучения в вузе.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНОГО И ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЕЙ

*С.В. Лебедева, Е.В. Дмитриева (Курск)
Курский государственный университет
lebedeva15sv@yandex.ru, dmitrieva_ev@kursksu.ru*

Современная компьютерная терминология (КТ) представляет собой динамичную развивающуюся систему, непрерывно пополняющуюся новыми лексемами ввиду появления современных Hi-Tech устройств. Но на данном временном этапе КТ семантически «вышла» за рамки узкоспециализированной коммуникации, отражает «инвариантный профессиональный образ мира» [Леонтьев, 1993] и активно внедряется в язык отдельных носителей языка, в социум и культуру в целом. Невозможно не заметить, как компьютер, являясь когнитивным феноменом, буквально «встраивается» в ментальный лексикон индивида посредством имеющегося знания, жизненного опыта, рода деятельности и эмоций. Следовательно, изучение современной КТ необходимо осуществлять в рамках психолингвистической парадигмы.

На современном этапе мы можем наблюдать стремление человека осмыслить «компьютерный процесс внедрения в социум», притягивающий вербальные единицы для экспликации постоянного процесса и взаимодействия человека с окружающим миром.

В данной работе мы намерены выделить некоторые особенности функционирования КТ в индивидуальном лексиконе студентов гуманитарного и технического профилей, основываясь на реакциях, полученных при проведении экспериментального исследования по выявлению компьютерных терминов в текстах IT-тематики. Общее количество участников — 56 человек, возраст которых варьировался от 17 лет до 21 года. Все ии. являются студентами Курского государственного университета и обучаются на филологическом факультете и факультете физики, математики, информатики (ФМИ).

Исследование включало три этапа. Этап 1: формирование бланка о возрасте, поле, факультете и курсе, на котором обучается каждый из студентов. Этап 2: прохождение студентами краткого инструктажа, который позволил бы избежать фактических ошибок и неточностей в процессе выявления компьютерных терминов в текстах. Этап 3: анализ текстов. Нами были выбраны тексты как на русском, так и на английском языках ввиду того, что испытуемые, согласно тестированию, определяющему примерный уровень знания английского языка, владеют английским языком на уровне А2-В1 по шкале CEFR.

Для фиксации результатов с целью их дальнейшей интерпретации нами было использовано программное обеспечение Google Формы и Miratext.

При анализе результатов мы отметили различие в количестве выделенных студентами терминов. Это позволило нам сделать вывод о том, что лексический запас IT-терминологии у студентов ФМИ был более обширный, чем у студентов филологического факультета. Помимо этого, нами были сформированы определенные критерии, на основании которых, как мы полагаем, ии. выделяли компьютерные термины в текстах.

Критерий №1 — «академический» (лексема может быть знакома на основании прослушанных онлайн-курсов, лекционных и лабораторных занятий и др.).

Критерий №2 — «эмоциональный» (лексема может быть знакома на основании возникающих эмоциональных реакций в сознании студента).

Критерий №3 — «личностный» (лексема может быть знакома на основании имеющегося личного опыта).

Критерий №4 — «популярность» (лексема может быть знакома на основании повсеместного распространения, ввиду широкой популярности и узнаваемости).

Критерий №5 — «когнитивный» (лексема может быть знакома на основании имеющихся воспоминаний в сознании).

Проведенное исследование позволило нам утверждать, что индивидуальный лексикон обучающегося на факультете ФМИ, активно вовлеченного в цифровую картину мира, будет в большей степени наполнен компьютерной терминологией, нежели чем лексикон студента-филолога, нацеленного на изучение гуманитарных наук.

ЭФФЕКТ ЧАСТОТНОСТИ ПРИ ВОСПРИЯТИИ ВОЗВРАТНЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

*В.В. Модина (Санкт-Петербург)
Санкт-Петербургский государственный университет
st072157@student.spbu.ru*

Русский возвратный показатель *-ся* маркирует ряд значений, описываемых в терминах залога и актантной деривации, которые в теоретических работах рассматриваются как преобразования некоторой базовой аргументной структуры. При подобном подходе акцент сделан на регулярной производности семантических, прагматических, морфологических и синтаксических свойств возвратного глагола от свойств невозвратного глагола. Иными словами, залог и актантная деривация описываются как правила, предполагающие образование возвратных глаголов из невозвратных [Плунгян, 2011; Храковский, 2004]. Кроме элегантности теоретического описания языковой системы, формулирование правил может иметь под собой и

психолингвистические основания, поскольку регулярные правила позволяют снизить нагрузку на ментальный лексикон.

С другой стороны, выведение аргументной структуры производного слова представляется сложным процессом, существенно затрагивающим семантику, прагматику и синтаксис. Изменения в семантике, возникающие в ходе актантной деривации, приводят к описанию таких возвратных лексем как отдельных словарных единиц в теоретических работах. Наличие существенных преобразований на многих уровнях отличает образование возвратных глаголов от других процессов, например, от образования форм времени, которые часто служат материалом для рассмотрения вопроса о хранении морфологически сложных единиц в ментальном лексиконе.

Указанные свойства возвратных глаголов делают их особенно интересным объектом для рассмотрения в рамках противопоставления хранения и вычисления морфологически сложных единиц в ментальном лексиконе и ментальной грамматике. Вопрос об обработке морфологически сложных слов, в частности, может быть рассмотрен с привлечением эффекта частотности [Fabregas & Penke, 2020]. Предполагается, что эффект частотности — различия во времени реакции в зависимости от частотности единицы — будет наблюдаться только для единиц, которые хранятся в ментальном лексиконе. Следует, однако, заметить, что в ряде работ указывается, что слова, образованные по одной модели, могут, с одной стороны, храниться, если являются достаточно частотными, и, с другой стороны, обрабатываться поморфемно, если не являются таковыми [Alegre & Gordon, 1999; Gimenes, et al., 2016; Alexeeva, 2019].

Для решения вопроса о репрезентации возвратных глаголов с привлечением эффекта частотности были выбраны возвратные глаголы различной частотности для проведения эксперимента с заданием на лексическое решение.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА АВТОРА

*М.Я. Розенфельд (Воронеж)
Воронежский государственный университет
maryanka.08@mail.ru*

В данной работе тезисно описывается методика, позволяющая объединить формализованный подход к изучению художественного текста с психолингвистическим подходом, исследующим ментальный лексикон его автора. Такое объединение становится возможным осуществить в опоре на ключевые слова художественного текста, предъявленные их автору как материал различных психолингвистических экспериментов. В качестве ключевых слов в данном случае выступают маркемы, извлеченные из художественных текстов.

Концепция маркем как ключевых слов авторского лексикона принадлежит А.А. Кретову и А.А. Фаустову и разрабатывается в рамках нового направления автоматизированного изучения текста — маркемологии. В основе данного исследовательского подхода лежит понимание того, что при определении ключевых слов недостаточно опираться на их частотность в тексте, но следует учитывать и их длину. Маркемологами вводится понятие ИнТеМа — индекса текстуальной

маркированности, который может быть получен вычитанием веса словоформы по длине из веса словормы по частоте. Маркемы — это имена существительные с высоким ИнТеМом. Подробнее об этом см.: [Фаустов, Кретов, 2017, с. 17].

Психолингвистическое исследование проводится с использованием четырех методов, в качестве экспериментального материала выступают 50 авторских маркем и 50 фоновых слов. О целях экспериментов и характере выбранных слов-стимулов участнику эксперимента не сообщается. В качестве базовых в работе используются следующие эксперименты: 1. Свободный ассоциативный эксперимент. Экспериментальный список — 100 слов. 2. Направленный ассоциативный эксперимент с инструкцией: «Составьте словосочетание, ответив на вопросы «какой?» и «что делает?». Если затрудняетесь ответить, поставьте прочерк». Экспериментальный список — 100 слов. 3. Эксперимент на свободные дефиниции, где испытуемый должен дать определение предложенным словам. В данном эксперименте — в силу его трудоемкости — в экспериментальный список не включаются «фоновые» слова. 4. Серия экспериментов на группировки (экспериментальный список — 100 слов). Сначала испытуемый должен объединить предложенные слова в тематические группы и дать название каждой из них. На следующем этапе следует разбить все исходные слова на пары по признаку близости значения — эксперимент на симиляры, а слова, не вошедшие в пары, поместить в отдельную группу. Затем аналогичным образом нужно поступить с лексемами, противоположными по значению, — эксперимент на оппозиции.

Результаты проведенного психолингвистического исследования подвергаются разноаспектной интерпретации. Прежде всего, полученные данные позволяют получить информацию о семантике изучаемых слов (в первую очередь — маркем) в индивидуальном сознании автора текста и в его художественных текстах. Также оказывается возможным сопоставить совместную встречаемость слов в текстах и в экспериментальных данных, тем самым сделав выводы о том, насколько устойчивыми являются связи слов в сознании пишущего, распадаются ли они при переходе от одной дискурсивной системы к другой. Особый интерес представляет моделирование ментального лексикона и его рассмотрение в статистическом аспекте.

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ ПОСЛЕ ВОСПРИЯТИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРАЙМИНГА

М.А. Семёнова (Москва)

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
154mmi223@mail.ru*

В исследовании изучены характеристики процессов активации семантической сети при распространении прайминга (priming) в ассоциативном поле испытуемого. Число испытуемых — 617, средний возраст — 26 лет.

Эмпирическое исследование проведено в несколько этапов:

1. Анализ ассоциативных словарей с последующим составлением ассоциативных цепочек, по частности встречаемости данного слова.
2. Ассоциативное исследование.
3. Составление и сравнение ассоциативных цепочек из данных по ассоциативному исследованию и словарей.

4. Подбор слов и подготовка стимульного материала для очного эксперимента с негативным праймингом.

5. Проведение очного эксперимента с использованием специального оборудования.

Анализировались слова из словарей с последующим сопоставлением ассоциативных цепочек по частоте встречаемости данного слова в словаре: САНРЯ [Леонтьев, 1977]; РАС [Караулов и др., 2002]; САС [Караулов и др., 2004]; РАСШ [Гольдин и др., 2011]; РСАС [Черкасова, 2008] к каждой тройке из теста С. Медника [Mednick, Sarnoff, 1962, с. 220-232]. В эксперименте испытуемые подбирали ассоциативно слова из цепочек. Выявлена умеренная связь между заново ставленными и старыми цепочками: уровень корреляции по вероятности встречаемости слова составил 0,576 ($p = 0,003$), по обратной вероятности встречаемости слова 0,547 ($p = 0,005$), по силе слова 0,532 ($p = 0,006$), по вероятности слова встречаемости по каждой цепочке 0,485 ($p < 0,001$). По результатам исследования создан стимульный материал для основного эксперимента из новых цепочек. Нами были составлены случайные экспериментальные серии для исследований с праймингом. Серии разбивались на тренировочный и 25 экспериментальных этапов.

В эксперименте приняло участие 72 человека. Каждому испытуемому было предъявлено требование запоминать слова красного или зеленого цвета. Далее испытуемый произносил слова вслух, а экспериментатор фиксировал их на специальном бланке. Затем испытуемому предъявлялась одна тройка из теста креативности С. Медника, которую ему необходимо было решить.

В результате проанализированы значимые различия между экспериментальными данными для двух групп испытуемых — с зелеными (34 человека) и красными праймами (38 человек). Группа с зеленым праймингом выполняла задания к тесту с меньшим количеством ошибок — различия на уровне статистической тенденции ($U = 517,000$, $p = 0,077$). Сравнение скорости ответа испытуемых во всех тройках показало различия на высоком уровне статистической значимости ($U = 174,00$, $p = 0,007$). В результате исследования можно сделать выводы, что красный цвет может восприниматься нами на бессознательном уровне как признак опасности, так как это культурно обусловлено, поэтому наблюдается такой сильная инактивация семантической сети в эксперименте.

Секция 3

ПРОИЗВОДСТВО И СМЫСЛОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ ТЕКСТА

ГЕТЕРОНОМИЯ ГИПЕРТЕКСТА И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЛИМОЛОГИЯ

*А.А. Боронин (Мытищи)
Московский государственный областной университет
inloco@inbox.ru*

Мы трактуем гетерономию как многозначность термина, возникающую под воздействием как частных исследовательских ориентиров (субъективный фактор), так и закономерностей научного исследования в рамках той или отрасли знания, в том числе в контексте дифференциации указанной отрасли (объективный фактор ее развития). Становление содержания термина гипертекст в значительной мере происходит под влиянием указанных факторов. Рассмотрим лишь некоторые содержательные грани названного термина. **Текстопорождение.** В теоретическом измерении сегментация речевого плана развитой (т.е. относительно полно представленной профессиональному наблюдателю) языковой личности как базовая лингволимологическая процедура осуществляется посредством оперирования терминами «субтекст» и «гипертекст». Гипертекст (Г-1) допустимо истолковывать как актуализируемую в коммуникации систему субтекстов, при этом ключевым моментом межсубтекстных переходов признается синергия личностных установок собеседников и внешние условия словесного взаимодействия [Боронин, 2011, с. 252]. Так, например, установка на метафоричность, реализуемая в рамках художественной коммуникации, приводит к возникновению стилистически неоднородного гипертекста (Г-2), понимаемого как результирующую взаимодействия линейного и надлинейного информационных рядов литературного произведения: Береза — белый далматин — / Скулит мне мартовской каплей: / «Как много сделать не успели, / Хоть близко изморозь седин!» / Да, сев на мель, достать пытались / Мы дерзновенно тех глубин, / Где части пестры мироздания / Сойдутся вдруг в узор один. (А.А. Боронин, март 2021 г.)

Текстовосприятие. Со значительной долей условности текст может мыслиться как автолакуна, исходный пункт интерпретации с «нулевой» семантикой. Более того, текст в акте интерпретации текст может «ускользнуть» от нас, предъявляя вместо себя лишь объекты-заместители (гипертекст (Г-3) и субтекст [Боронин, 2017, с. 26-27]. Под Г-3 можно разуметь интерпретативные стереотипы, интерференцию личного (вербального и невербального опыта) интерпретатора. Г-3 заметно определяет специфику структурирования образа текста как совокупности ментальных подструктур. Кроме этого, второй объект-заместитель — субтекст — может потенциально встроиться совершенно в иной текст, и тогда допустимо различать гипертекст-4 как интертекстуальное образование, взятое в совокупности с реалиями коммуникативной ситуации. **Онтологическая модель коммуникации.** Сообразно с этой моделью Г-4 представлен на метауровне текстовой экзистенции, состоящем из сверхбольших текстов-фантомов, сверхзнаков, семиотическая стабильность которых монофункциональна. Этот уровень противопоставлен интенциональному коммуникативному метауровню, который принципиально авербален [Боронин, 2012, с. 147-149]. Важно отметить, что многие значения сложносодержательного термина гипертекст соотносятся друг с другом, отражая внутрисистемные логические связи теории гипертекста.

РЕЧЕПОРОЖДАЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВОФОРМЫ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

Т.А. Гридина (Екатеринбург)

Уральский государственный педагогический университет
tatyana_gridina@mail.ru

Психолингвистический анализ механизмов речи базируется на том постулате, что в основе овладения и владения языком лежат когнитивные структуры сознания. Об этом свидетельствует, в частности, организация ментального лексикона, единицы которого, будучи диссипированными, нагружены, тем не менее, «привязкой» к типовым (контекстуальным и ситуативным) пресуппозициям и могут быть представлены в виде конкретных (лексикализованных) грамматических форм, которые уже в своей предречевой готовности задают некие потенциальные маршруты текстовой актуализации (см. [Караулов, 1993]). Речепорождающий потенциал грамматической формы требует экспериментальной верификации, в том числе в плане соотношения автоматизированных и креативных стратегий текстообразования. Для этих целей нами была адаптирована методика завершения высказывания по заданной стимульной словоформе, дополненная процедурой последующей сборки текста на базе полученных вариантов. В качестве стимулов респондентам предъявлялись наиболее частотные словоформы существительного *зима*: без предлога, с предлогами, а также в сочетании с союзом *когда*, актуальным для построения сложноподчиненных конструкций с придаточным времени: *Зима; Зимой; Зимой, когда; Когда зима; По зиме; У зимы*. Экспериментальная гипотеза состояла в том, что каждая падежная словоформа задает соответствующий типовой вектор актуализации концепта *зима*, не исключая при этом личностной (субъективной) и перцептивно обусловленной конкретики, привносимой в содержание продуцируемого высказывания. На основе полученных данных были выделены две основных стратегии текстовой актуализации словоформы: дефиниционная и синтагматическая. Определение типа стратегии производилось на основе исходного «ассоциативного шага, включающего стимул в состав соответствующей грамматической конструкции. Дефиниционная стратегия, соотносительная с начальной формой слова, разворачивает (описывает) фрейм «зимнее время года», выявляя типовые зоны концептуального содержания слова как статичные фрагменты. Стимульное слово (в его начальной форме) выступает тематическим маркером затекстовой ситуации «смена времен года: наступление зимы, ее погодные приметы», включая оценочный вектор — «хорошее / плохое / холодное время года», эстетический вектор — «пейзаж», личностный эмоциональный вектор — «настроение, физическое состояние человека». Ср.: *Зима — это долгожданный снег, бодрящий морозец, Новый год, елка, катание с горок, игра в снежки*. Синтагматическая стратегия актуализирует сценарные пресуппозиции, представляя концепт в динамике. Например: *Зима начинается с приходом холодов и снега. Птицы замолкают. Дни становятся короче*. Ср. поэтическую версию данного «сценария»: *Зима незаметно придет с холодами и птицы внезапно куда-то исчезнут, и только деревья в узорные ветви нарядные платья из снега наденут*.

Тексты, созданные респондентами на основе совокупного набора словоформ и соответствующих версий завершения фразы выявили две процедуры его компоновки: 1) сборка текста из полученных на первом этапе фраз — в последовательности, определяемой композиционным воплощением замысла; 2) трансформация

готовых текстовых фрагментов (их распространение или редукция, использование дополнительных средств межфразовой связи, создающих эффект авторской «включенности» в текст, применение креативных приемов языковой игры, подчеркивающих доминату речепорождающего потенциала грамматической формы.

АДАПТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПРИ ПИСЬМЕ У ПАЦИЕНТОВ С АФАЗИЕЙ

Е.Г. Иванова (Москва)

ФГБУ «ФЦМН» ФМБА

*Российский национальный исследовательский
медицинский университет им. Н.И. Пирогова*

ekoziintseva@gmail.com

А.А. Скворцов (Москва)

НИУ «Высшая школа экономики»

skwortsov@mail.ru

Ю.В. Микадзе (Москва)

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ФГБУ «ФЦМН» ФМБА

ymikadze@yandex.ru

Исследование посвящено изучению специфики нарушений письменной речи при эфферентной моторной аграфии в зависимости от функциональной направленности письменной деятельности. Теоретической предпосылкой работы являются идеи функционализма, получающие развитие в культурно-исторической психологии. Цель работы — выявить вариативность нарушений письменной речи при эфферентной моторной аграфии в условиях выполнения разных по функциональной направленности видов письменной речи. В исследовании использовались экологичные задания, содержание которых составляли сформированные в культуре виды повседневной письменной деятельности, и традиционные диагностические задания, нацеленные на оценку отдельных операций письма. В экологичных заданиях актуализировались коммуникативная, мнестическая и регуляторная функции письменной речи, к традиционным относились задания письменного называния, письменного составления предложений, а также диктант. В исследовании приняли участие 22 пациента с постинсультной эфферентной моторной аграфией, из них 13 мужчин, средний возраст — $55,0 \pm 8,0$ лет. У 19 пациентов было высшее образование, у троих — среднее. Результаты статистических расчетов не выявили значимых различий ни по одному из видов ошибок на уровне отдельных слов. Анализируемые типы письменных ошибок были пересмотрены в пользу синтаксических. Внутрииндивидуальный анализ с помощью непараметрических критериев выявил различия по пяти видам синтаксических ошибок: нарушение границ предложения, пропуски самостоятельных частей речи, пропуски служебных слов, нарушение норм согласования и нарушение норм управления. Полученные различия объясняются выбором определенных стратегий письма, отвечающих поставленной перед пациентом письменной задачей. Для пациентов характерно использование компенсаторных стратегий, способствующих достижению цели письменной деятельности. Пациенты прибегали к «эллиптическому» письму в регуляторном задании, использовали высокую вариативность коммуникативного

задания, повышая таким образом вероятность безошибочного письма.

Обнаруженная нами особенность выполнения письменных заданий пациентами с афазией согласуется с рядом лингвистических исследований. Адаптивность пациентов с афазией при выборе стратегии работы в задании называния глаголов была показана в исследовании Х. Дресан и соавторов [Dresang et al., 2021]. В работах Э. Бейтс и Б. Вульффик [Bates & Wulfek, 1983], Э. Бэйтс, С. Хамби и Э. Зюриф [Bates et al, 1983], Л. Мэн и Л. Облер [Menn & Obler, 1990] показана чувствительность пациентов с афазией к прагматическим факторам коммуникации. Анализ аграмматичной продукции пациентов с афазией Брока в качестве проявления стратегии экономии усилий, побуждающей пациентов использовать редуцированные синтаксические конструкции, предпринят в работе Х. Колк [Kolk, 1998]. В дальнейшем гипотеза адаптации легла в основу создания терапевтического метода, известного как терапия синтаксического упрощения [Kolk & Heesch, 1992].

Проведенное исследование показало целесообразность использования функционального подхода при интерпретации различий между заданиями по числу письменных ошибок в случае уравненной компонентной нейропсихологической структуры экспериментальных заданий. Вывод об адаптивном характере изменения числа синтаксических ошибок в письменных заданиях согласуется с лингвистическими теориями, ориентированными на сохраненный при афазии прагматический компонент вербальной коммуникации и возможность его компенсаторного использования при восстановлении речи.

ЛАБОРАТОРНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗЦОВ ГОЛОСА И РЕЧИ ФИГУРАНТА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ЗВУКОЗАПИСЕЙ

*А.Ш. Каганов (Москва)
Институт языкознания РАН
a.sh.kaganov@mail.ru*

Суть процесса криминалистической идентификации говорящего состоит, как известно, в проведении сравнительного исследования между голосом лица, подлежащего идентификации, который зафиксирован на фонограмме, полученной в ходе оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ), и процессуально оформленным образцом голоса и речи подозреваемого, свидетеля или потерпевшего, который предназначен для сравнения с т.н. «исходной» записью [Каганов, 2009, с. 22]. По этой причине вопрос получения качественных образцов голоса и речи диктора-фигуранта экспертизы — это краеугольный вопрос успешного решения задачи идентификации. К сожалению, очень часто предоставляемые для такой экспертизы образцы отбираются органами дознания, следствия или судом, как говорится, «по своему разумению», т.е. без учета рекомендаций, изложенных в специальной литературе (см., например, [Каганов, 2009, с. 118]).

В отличие, скажем, от отпечатков пальцев параметры голоса и речи даже одного и того же диктора «подвижны» в пределах внутрдикторской вариативности и зависят от целого ряда факторов. «Когда измеряют длительность, высоту основного тона, интенсивность и т.д., результаты, даже если перед нами несколько произнесений одного и того же диктора, будут колебаться», — отмечал Л.Р. Зиндер [1979, с. 35].

Какой же должна быть последовательность действий для получения таких образцов голоса и звучащей речи, которые обеспечат сопоставимость исходного и сравнительного речевого материала? Как правило, исходная фонограмма и фонограмма образца записываются в разных условиях речевого общения, не одинаковом эмоциональном состоянии диктора и при различных технических параметрах каналов записи. С целью «парирования» указанных различий и достижения сопоставимости речевого материала обеих фонограмм необходима специальная стратегия проведения лабораторного эксперимента по получению образцов голоса и речи, предназначенных для сравнительного идентификационного исследования.

Краткое изложение указанной стратегии начнем с описания структуры лабораторного эксперимента. Последний должен быть организован с учетом особенностей исходной записи, полученной, повторим, в процессе ОРМ или предоставленной обвиняемым, свидетелем или потерпевшим.

В общем случае такой образец должен состоять из трех частей-разделов: свободной беседы фигуранта с лицом, проводящим отбор образца, — дознавателем, следователем или судьей; чтения фонетически представительного текста в обычном для фигуранта темпе речи; чтения в убыстренном темпе (уже другого, отличного от первоначального) текста, который (как и первый) должен быть незнакомым для лица, дающего образец. Рассмотрим каждую из частей эксперимента более подробно.

Первая часть направлена на получение образца живой спонтанной речи фигуранта. Именно такая речь будет максимально информативна с точки зрения анализа идентификационных признаков различных групп — аудитивной, лингвистической, инструментальной [Каганов, 2019, с. 246].

Если в процессе исходной записи, полученной, как правило, в процессе ОРМ, фигурант экспертизы ведет себя чаще всего свободно, не формально, часто доминирует в процессе разговора, то в ходе записи экспериментального образца он в большинстве случаев эмоционально скован, а часто и напряжен.

Такое несовпадение речевых ситуаций и эмоционального состояния порождает различие фонационных, артикуляционных и лингвистических характеристик анализируемого диктора в исходной и в сравнительной фонограммах. Это различие можно ослабить путем увеличения длительности речевого материала первого раздела образца. В этом случае фигурант по мере разговора постепенно «успокаивается» и начинает говорить в свойственной для него манере.

Второй частью-разделом фонограммы образца является чтение фигурантом экспертизы текста в обычном, характерном для данного индивидуума, темпе речи. Смысл такого чтения состоит в том, чтобы, во-первых, проанализировать отличительные черты произношения и интонации, присущие данному диктору; во-вторых, полнее раскрыть такие черты произношения (в основном фонетической подгруппы), которые недостаточно проявились в ходе первой части. Дело в том, что в процессе современного школьного обучения чтение текстов вслух почти не практикуется. По этой причине такое чтение вызывает у многих (в первую очередь у людей молодого возраста и невысокого уровня образования) трудности. В таких ситуациях наиболее наглядно проступают региональные (или т.н. «остаточные» региональные) свойства, или черты речи. Эти свойства служат источником тех идентификационных признаков, которые могут дополнить список признаков, полученных в первой части образца.

Наконец, третья часть-раздел экспериментального образца голоса и речи фигуранта представляет собой запись чтения фигурантом текста (уже другого, отличного от текста второго раздела) в ускоренном темпе. Наши наблюдения показывают, что

для ускоренного чтения часто характерны нечеткость артикуляции (вплоть до сбоя артикуляционных переходов) и эмоциональная напряженность, которая вызвана отсутствием привычки к чтению вслух [Каганов, 2009, с. 108]. Состояние мышц речевого аппарата (далее — РА) при чтении в быстром темпе в какой-то мере моделирует состояние РА при повышенной громкости голоса, которая нередко встречается в исходных записях.

Подводя итоги, отметим, что изложенная методология проведения лабораторного эксперимента позволяет получить полные и всесторонние экспериментальные образцы голоса и звучащей речи фигуранта, что, в свою очередь, обеспечивает высокое качество проведения идентификационного исследования говорящего в целях установления его личности.

СМЫСЛОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ РЕЧИ В ПАРАДИГМЕ ТЕКСТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Т.В. Карих (Иркутск)
МБОУ г. Иркутска СОШ № 80
karikh.49@mail.ru*

Федеральные государственные образовательные стандарты для всех ступеней среднего образования рекомендуют разработать единую междисциплинарную школьную программу по развитию смыслового чтения. Смысловое чтение — осмысление, оценка, формирование личного мнения относительно прочитанного, интерпретация содержания текста, наделение его личностным смыслом. Категория «смысловое восприятие речевого сообщения» как сложная перцептивная мыслительно-мнемическая деятельность, как процесс взаимодействия восприятия, приема, осмысления, понимания речевого сообщения была предложена И.А. Зимней в 1976 году.

Концепт «текстовая деятельность» (далее ТД) введен в научное и практическое обращение Т.М. Дридзе [1980; 1984]. Она сформулировала и обосновала предмет, понятийный аппарат и систему методов этого направления социально-психологических исследований, ориентированных на изучение динамических, структурных и функциональных аспектов коммуникативных систем типа «текст-интерпретатор». Направление названо семио(лингво)социопсихология, оно изучает знаковое общение как процесс обмена текстуально организованной смысловой информацией между социальными субъектами (личностями, группами и иными социальными общностями). ТД — самостоятельная коммуникативно-познавательная деятельность, сопутствующая материально-практической. ТД является содержательным механизмом знакового общения и включает в себя действия порождения и интерпретации текстов (сообщений). Эти действия непрерывно совершаются субъектами в ходе знакового общения, призванного служить целям адекватного социального взаимодействия.

Порождая и интерпретируя тексты, коммуникатор и интерпретатор меняются местами. Этот процесс непрерывен. Он обуславливает «двуединое» бытие коммуникатора, который является одновременно интерпретатором своего собственного и других попавших в поле его зрения текстов.

Полагаем, что концепты / понятия «смысловое восприятие речевого сообщения», «текстовая деятельность», «смысловое чтение» можно рассматривать как синонимы

с некоторой допустимой степенью сходства. При этом отмечаем, что абсолютных синонимов нет.

Текст – доминирующая единица обучения. Мы расширяем спектр рассмотрения текста, включая в него семиосоциопсихологические параметры наряду с лингвистическими. Рассматриваем коммуникацию как текстовую деятельность, т.е. обмен действиями порождения и интерпретации текстов, а текст как коммуникативно-познавательную единицу, иерархию коммуникативно-познавательных программ. В свою очередь ТД рассматриваем как универсальную, общеучебную деятельность, используем разработанный нами авторский спецкурс «Коммуникативно-познавательная модель овладения технологией текстовой деятельности». В качестве конкретного средства обучения, места, где встречаются культура и дух народа, предлагаем «культурно-обусловленный сценарий», коммуникативно-познавательную ситуацию общения [Карих, 2005; 2011; 2013].

Метапредметный — универсальный, обобщенный, базисный — результат текстовой деятельности — общеучебные умения:

- умение выделить субъективно-ценную информацию, имеющую определенный личностный смысл,

- умение привести информацию к виду, в каком она может быть использована на уроке и в будущей деятельности за его пределами.

«Новый» образовательный результат — освоение одного из инструментариев работы с текстом: определение коммуникативно-познавательного потенциала текста, овладение информативно (мотивационно)-целевым, интенциональным анализом текста, разработка и сценарирование ситуации общения, формирование толерантного отношения к другим языкам и культурам.

Овладение технологией ТД является по своей сути одним из возможных путей овладения смысловым чтением, а потому является актуальным. Предлагаемая методика работы с текстом релевантна предмету ТД — коммуникативной интенции общающихся (автора текста и его читателя), что позволяет ей претендовать на право быть признанной.

ВСТРЕЧНЫЙ ТЕКСТ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ ПОНИМАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА

А.Н. Котельникова (Пермь)

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

ketova.anastasiya@yandex.ru

На пороге 4-ой промышленной революции, влекущей за собой повсеместное внедрение механизмов искусственного интеллекта, создание виртуальных вселенных Metaverse, и гибридный формат (онлайн-офлайн) жизнедеятельности, без внимания ученых различных дисциплинарных областей (философов, социологов, психологов, нейролингвистов, политологов) не остается проблема «понимания» - понимания друг друга в процессе межличностного общения, понимания тенденций, проявляющихся в обществе XXI века, понимания информации, которая в избытке присутствует в жизни каждого члена общества. Проблема понимания текстовой информации, содержащейся в различных источниках, в том числе на иностранном языке, и исследование механизмов этого процесса не теряет своей актуальности и научной новизны.

В нашем исследовании, посвященном изучению принципов и механизмов процесса восприятия англоязычных текстов различными категориями реципиентов (студентов гуманитарной и технической направленности, учащихся различных ступеней общеобразовательных школ, специалистов инженерного профиля), мы обращаемся к методу «встречного текста», описанного отечественным психолингвистом А.И. Новиковым [Новиков, 2007].

В основу данного метода положена гипотеза об активности и динамичности процесса смыслового восприятия текста. Согласно А.И. Новикову, реципиент во время восприятия текста строит как бы «встречный текст», или «контртекст», по терминологии Н. И. Жинкина [Жинкин, 1982]. Другими словами, предполагается, что в процессе восприятия имеет место не только проекция текста на сознание, но одновременно — и сознания на текст, т.е. явление сходное с «набрасыванием смысла», о котором в своих трудах писал Х.-Г. Гадамер [Гадамер, 1988].

Процедура эксперимента заключается в том, что испытуемые, читая текст, который предварительно разбит на смысловые отрезки (предложения, абзацы) последовательно записывают «все, что приходит им в голову» в момент прочтения конкретного предложения, не забегая вперед. Это могут быть ассоциации, мнения, оценки, суждения, воспоминания и т.п. Иными словами, адресат сам регистрирует реакцию своего сознания на информацию, представленную в предложении. В отличие от схожей процедуры эксперимента с использованием «Think Aloud Protocols» («думания вслух») [Соколов, 1968] в данном случае ответы фиксируются письменно самими испытуемыми.

В результате психолингвистического эксперимента исследователь получает вторичные тексты – «встречные тексты» - совокупность реакций реципиентов на тексты- стимулы. В процессе такого «последовательного восприятия» текста реципиент использует различные индивидуальные стратегии (автор метода описал их в своих работах). Данные тексты представляют интерес для изучения и анализа (количественного, качественного, сравнительного).

Проведя несколько этапов эксперимента, проанализировав полученные массивы данных, мы пришли к выводу, что существуют некие схожие характеристики механизмов восприятия текстов испытуемыми, принадлежащими к различным «профессиональным» или «социальным» группам. Таким образом, можно, вслед за А.И. Новиковым сформулировать гипотезу, о том, что неким интегративным принципом для описания процесса понимания может служить явление, в чем-то аналогичное явлению доминантности в том смысле, которое вкладывал в него известный физиолог А. А. Ухтомский [Ухтомский, 2002].

ГРАНИЦЫ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕГО ДИАПАЗОНА ТЕКСТА И ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПРОЕКЦИЯ

*Е.М. Масленникова (Тверь)
Тверской государственный университет
e-maslennikova@inbox.ru*

1. Внутри семиосферы (термин Ю.М. Лотмана) текст находится в постоянной динамике своего развития. Текст обретает смысл в человеке, который становится носителем текстовых Миров. В этом отношении текстовой континуум обладает

свойствами непрерывности. Художественный и культурно-значимый текст задает собственный интерпретирующий диапазон, внутри которого существует градуальность интерпретации. Он содержит в себе множество существующих и потенциальных толкований (интерпретаций) и не может иметь одну единственно верную интерпретацию.

2. Построение читателем личностной текстовой проекции относительно границ интерпретационного диапазона художественного текста предполагает: 1) установление связей относительного реального мира; 2) учет постоянных характеристик предмета, объекта, явления; 3) определение области возможных (внутренних) связей между соответствующими концептами. Плотность информации как особое свойство художественного текста усложняет диалог «текст « читатель», который носит совмещенный характер. Общие представления о правильности проведенной реконструкции авторских намерений также закладывают основу интерпретации. Оправданность и реализация дискурсивных ожиданий читателя-адресата находятся в прямой зависимости от имеющегося у него объема информационного запаса, что позволяет переводчику как посреднику при межкультурном диалоге «текст « читатель» устанавливать и корректировать параметры интерпретационного диапазона текста, а также оптимизировать построение получаемой текстовой проекции в момент «здесь–и–сейчас».

3. Сложившиеся традиции текстопостроения, в том числе жанровые, предполагают обращение автора к устоявшимся темам, сюжетным ходам, мотивам и мотивным комплексам, когда кодовые комбинации (не) позволяют читателю предугадать направленность развертывания текста. Цветы из книги «Through the Looking-Glass» (1871) Л. Кэрролла (1832-1898) рассказывают Алисе, что их сад посещает некто, похожий на нее: *She's one of the kind that has nine spikes* (буквально 'Она из тех, у кого девять шипов'). Количество зубцов в виде шипов (*nine spikes*) говорит о появлении в саду венценосной особы женского рода: так, на подаренной в 1893 году будущей королеве Мэри на свадьбу тиае 9 жемчужин были расположены на бриллиантовых зубцах. Однако из переводов трудно понять важность количества шипов: *Он, изволите ли знать, из девятишиповых* (Перевод А. Щербакова); *Она из тех, у кого девять шипов* (Перевод Н. Демуровой).

4. Процедуры интерпретирования получают дополнительный совмещенный динамический характер, когда деятельность читателя предполагает не только ориентацию на текущий текст в момент «здесь–и–сейчас», но и ретроспекцию на предтексты, а также предвосхищение дальнейших контекстов. Культурная трансформируемость оригинала, когда вторичный текст «подстраивается» под читателя определенной эпохи и социума, способна стать причиной его быстрого устаревания. Изменения, вносимые переводчиком, вызваны тем, что в попытке достичь «порог доступности» он ориентируется на читательские ожидания и представления о правильном (непереводном и оригинальном) тексте и изначально (не) соразмеряет потенциал текста познавательным возможностям «своего» читателя. Получаемая информация преломляется через призму имеющегося индивидуального опыта, его систему знаний и мировоззрение. Этнокультурная специфика текста предполагает со стороны переводчика умение найти необходимые средства и способы экспликации имплицитной информации, даже в тех случаях, когда смысловые контексты культуры требуют своего прочтения.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГИПЕРТЕКСТА В ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ

М.О. Матвеев (Москва)

*Московский государственный институт
международных отношений (университет)*

mike-matveev@mail.ru

В.В. Покатилов (Москва)

*Московский государственный
лингвистический университет*

valera_pokatilov@inbox.ru

В последнее время гипертекст, также называемый нелинейным текстом, вызывает повышенный интерес специалистов из различных областей знания: технических наук, изучения искусственного интеллекта, а также психологии и лингвистики. Исследователи отмечают, что применение гипертекстовых технологий можно сравнить с внедрением книгопечатания, и это позволит улучшить и сделать более тесным взаимодействие между машинами и людьми.

Мы исходили из трехэтапной модели бумажного гипертекста, который состоит из претекста, актуального текста, посттекста. Предварительно можно полагать, что претекст создает установку (готовность восприятия) актуального текста. Актуальный текст позволяет сформировать основное содержание гипертекста. Посттекст создает условия для понимания и закрепления содержания актуального текста.

Есть четыре основных типа коммуникационных задач, подходящих для использования гипертекста:

- документы, связывающие данные разных типов, форматов и средств представления;
- документы, в которых форма данных и / или конкретное использование данных не известны заранее или для которых существует несколько одновременных применений;
- документы, воспроизводящие физические и / или метафорические структуры;
- документы, сопоставляющие информацию в новом контексте.

Первое применение гипертекста приходит по определению. Гипертекстовые узлы — это мультимедийные структуры, которые можно использовать в любое время, когда авторы работают со смешанными медиа.

Однако универсальные инструменты гипертекста полезны, когда данные должны использоваться неизвестным или множественным образом, поскольку узлы могут быть связаны одним способом для одной цели и одновременно связаны каким-либо другим способом для другой цели.

Благодаря механизмам связывания гипертекстовые документы могут отражать физические и метафорические структуры, обсуждаемые в содержимом их узлов. В этих случаях гипертекстовые документы предоставляют читателям неявную поддержку восприятия в понимании представленного материала.

Помимо представления существующих структур, гипертекстовые документы могут служить для создания новых отношений. Ссылки сближают далекие идеи и по-новому связывают их.

Для изучения закономерностей формирования образов сознания при помощи гипертекстов был проведен эксперимент, в ходе которого были проанализированы ответы респондентов при восприятии и понимании данного типа текстов. В докладе будут представлены результаты, полученные в ходе эксперимента.

СИТУАЦИОННАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ И РЕФЛЕКСИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ПОНИМАНИЯ

*Г.Н. Солнцева (Москва)
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
galinasolntseva@mail.ru*

Определенность поведенческих реакций предполагает стабилизацию «картины мира» при сохранении ее конгруэнтности объективным условиям за счет определенности **отношения** в соответствии с целями (мотивами) и опытом субъекта. Закономерности формирования отношения — основание анализа психологических закономерностей и механизмов понимания. Понимание — преодоление потенциальной «мыслимой» множественности отношений субъекта и условий за счет их внутренних преобразований в рефлексивном пространстве (сознания).

Объектами понимания являются элементы предметного и социального окружения, собственные интенции и возможности, которые предстают не столько в форме «фактов» чувственного отражения, сколько в форме обобщения их существенных свойств, фиксированных в понятии. Понятие стабилизирует изменчивость непосредственного восприятия, объекты интерпретируются как частные проявления обобщенных понятий. Объектом понимания являются закономерные связи и отношения реальных объектов как результат соотнесения понятий в процессе мышления. Восприятие и мышление оперирует содержанием понятия — значением, фиксирующим общие и существенные свойства предметов и явлений, сохраняя отнесенность к реальности (денотат), приобретая концептуальную определенность (десигнат) и социально нормированную коннотацию. Значение представлено как отношение к знанию — со-знание наблюдаемого или мыслимого объекта, становится основной «единицей» сознания, фиксирующей стандартные для языка представления и логические схемы преобразований при множественности их ситуативной интерпретации.

Для стандартных задач и условий значение актуализируется по схеме в соответствии с опытом. В нестандартных условиях субъект «строит» свое отношение к ситуации, манипулируя значениями объектов и собственного состояния. Множественность значений объектов условий в рефлексивном пространстве ограничивается конкретными единичными значениями, приобретающими форму смысла по отношению к значениям интенциональных установок, оценок собственных способностей и операциональных возможностей. Если значения являются атрибутивной характеристикой понятия, инвариантны по отношению к носителям знаковой системы — «значение-в-себе» (по выражению А.Н. Леонтьева), то смысл приобретает уникальность для субъекта, является «значением-для-себя» с выраженным эмоциональным отношением.

Понимание — осознание целостности и непротиворечивости внутренней картины явления, определенности значения ее элементов. Механизм сознания — «рефлексия мира и самого себя», субъективная «картина мира, позволяющая в едином пространстве соотносить, оценивать явления разной природы — строить отношения “Я — условия”». Понимание предстает как «конструирование» (постижение) смысла — отношения значений «Я» и внешних условий, преодоления полисемантической значимости в актуальной ситуации. Закономерности осмысления могут быть раскрыты в контексте анализа ситуации — рефлексивной модели отношений актуальных условий и внутренних ресурсов, базирующейся на оценках их значимости.

Ситуационный подход в анализе деятельности позволяет ответить на ряд вопросов, интересующих психологов и лингвистов. Ответ на вопрос о различии языкового и неязыкового сознания предполагает обращение к представлению о «чувственной ткани» — форме (уровню) сознания, конгруэнтной чувственному отражению. Чувственная ткань — необходимая образующая сознания, функция которой — отображение реальной картины мира и поддержание чувства «реальности» происходящего, не зависит от особенностей отдельного индивида. При этом нет необходимости выделять разные виды сознания по типам функциональных систем, поскольку отношение к чувственным образам есть отношение к их значениям, а не частным характеристикам.

Вряд ли понимание целесообразно относить к **способностям** личности постигать смысл и значение, либо к **мышлению** или **умению** как составляющей опыта при явной их связи. Основной механизм понимания ситуации — рефлексия в развернутой форме с актуализацией значения и формированием смысла, возможен механизм «быстрой рефлексии» — актуализации значений на основе генерации образов себя и условий, реализации поведения по схеме, известным субъекту правилам или по привычке. Понимание является проявлением (или результатом) неотъемлемого существенного свойства деятельности — наличия сознания как механизма ее организации и регуляции.

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В СВЕТЕ ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Янь Кай (КНР)

Университет им. Сунь Ятсена

ky_710@126.com

Известно, что у любого художественного текста есть два «автора», между которыми происходит диалог культур. Первый автор — создатель, который отображает созданный им мир в художественном тексте; второй «автор» — читатель текста, который воспринимает, понимает и интерпретирует текст создателя на фоне своей системы знаний.

Художественный текст представляет собой сложную семиотическую систему. Соответственно, при анализе текста необходимо учитывать следующие аспекты:

1. лингвистический аспект, поскольку текст создается единицами всех уровней языка;

2. лингвокультурологический аспект, т.к. текст, с одной стороны, создается на фоне широкого историко-социо-культурного контекста, с другой — сам порождает некоторый лингво-социо-культурный контекст; в любом случае текст в той или иной степени отображает не только языковую личность автора, но и культуру народа, закрепленную в знаках языка;

3. лингвокогнитивный аспект, поскольку порожденный текст и его восприятие / понимание / интерпретация суть результат речемыслительной деятельности коммуникантов: автора и читателя.

Последний аспект предполагает рассмотрение следующих уровней (ср. с уровнями, описываемыми Е.С. Кубряковой [1987]):

1. лингвистический уровень — восприятие.

В фокусе внимания — все языковые единицы в лексико-грамматической реализации.

2. лингвокультурологический уровень — понимание.

В фокусе внимания — лингвокультурный смысл текста (раскрывается через анализ концептов, метафор, символов, прецедентных единиц, кодов культуры, стереотипов и т.д.).

3. лингвокогнитивный уровень — интерпретация.

В фокусе внимания — полевая структура текста, его концептосфера, картина мира, образ мира говорящего и т.д.

Как видим, все уровни понимания художественного текста взаимообусловлены, а сам процесс понимания имеет некоторую иерархию, которая проявляется в постепенном переходе от восприятия прямых значений отдельных слов и грамматических форм к пониманию смысла целых высказываний (обладающих — в том числе — национально-культурной спецификой) и затем к осмыслению общего смысла текста.

В процессе осмысления / интерпретации текста читатель должен опираться на схему знаний о мире, т.к. знания определяют ориентацию в коммуникативной ситуации, которая описывается в тексте. На наш взгляд, необходимо учитывать особенности читателя, воспринимающего текст, например: его культурную принадлежность, пол, возраст, образование, социальную роль, религиозные убеждения и др. Эти особенности предопределяют видение мира, мировоззрение и оценку текста читателем, от которых и зависят различия в восприятии и понимании содержательно-смысловых компонентов текста.

Подводя итоги, можно сказать, что: 1. текст — это речемыслительный продукт, единица коммуникации, с помощью которой происходит диалог культур между автором и читателем как представителями разных исторических периодов, разных культур и субкультур и т.д.; 2. текст (особенно художественный) — это хранилище культуры, закреплённой в знаках языка и с помощью знаков языка выражаемой; 3. изучение проблем понимания и интерпретации художественного текста иной культуры сквозь призму этнопсихолингвистики и лингвокультурологии приобретают в современных исследованиях всё большую актуальность.

Секция 4 ПРОИЗВОДСТВО И СМЫСЛОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ ТЕКСТА

МЕЖИДИОМНАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В РЕЧИ ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЕЙ

*О.Ю. Крючкова (Саратов)
Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского
vpks@rambler.ru*

На современном этапе существования традиционной народной культуры наблюдаются заметные изменения ее характера, обусловленные приобщением к письменности носителей ранее бесписьменной культуры, распространением грамотности среди носителей диалекта. Результатом этих изменений становится, в частности, синтезирование в устную народно-речевую традицию элементов письменной культуры. Взаимодействие устно-бытовой (диалектной) речевой основы с инодискурсивными элементами находит выражение и в лексическом составе речи диалектоносителей, и в характере освоения инодискурсивных включений, и в особенностях функционирования гетерогенных языковых единиц.

Лексический состав речи грамотных диалектоносителей заметно обогащен единицами литературно-книжного характера (*комиссия, организатор, продовольствие, принуждать, геройство, постановление, ультиматум, ситуация, новомодный, фактически, категорически, по-видимому* и др.).

Инодискурсивные элементы оказываются нередко не полностью освоенными диалектоносителями и подвергаются в их речи фонетическим, грамматическим, словообразовательным модификациям (*телевизер, элекстричка / лектричка, сумовольно, репрессиев, мотофон 'магнитофон', фицер 'офицер', лазарь 'лазер', рентгелог 'рентгенолог', бесстыжесть 'бесстыдство', сократировать 'сокращать', обща 'сообща', секретарьщица, охранщик, почтальонка*), сопровождаются сигналами неуверенного знания (паузами hesitation, метавысказываниями), ср.: *кода пошло/ раскулачивания/ начали/ ликавизация-то/ эта пошла уж.../ ликавизация что ли она называлась/ ну отбирали всё/ у богатых всё отбирали;*

[о гибели подводной лодки «Курск»] *оне сохранили этот вот... своем телом оне/ героически всё сделали// да/ заглушили ёго// как он называется/ ре... редуктор что ли/ ли как-то;*

недмит... немитстрация [администрация] что ль какая/ я не выговорю.

Литературные единицы используются в речи диалектоносителей с изменением их литературно-нормативных значений и/или нормативной для них лексической и грамматической сочетаемости, ср.: *вот он ночью-то/ трёт его [сердце]/ с ём уж приступ-то/ знашь/ он видимо.../ как бы сказать.../ ну/ чёго/ практика что ль это у него была/ чёго ли (практика в знач. 'привычка');*

а церковь в двадцать девятом году сожгли// когда раскулачивали/ <...> и церковь/ значит... так её... ну... атрофировали/ что ли// и решили там сделать клуб (атрофировать в знач. 'ликвидировать');

тогда не ездили на самолетах;

мы выбрали там/ старосту/ и вот всё у нас управление идёт/ староста нами управляет;

сейчас так это и ведёцы/ тут [в селе] самовольства-то много//... она [бывшая Самодуровка]уже закоренена этим (в литературном употреблении глаголу *закоренеть* свойственна иная модель управления: *закоренеть в чем?*).

Элементы разных дискурсивных сфер образуют в речи владеющих грамотой диалектоносителей своеобразный сплав, формируя гетерогенный, «смешанный» по своему характеру тип коммуникации.

Изменения в диалектной коммуникации, связанные с распространением грамотности среди носителей диалекта, носят, очевидно, вариативный характер. Специфика изменений определяется источником грамотности, конкретным кругом письменных текстов, которые входят в коммуникативное пространство диалектоносителя, становятся частью его коммуникативной компетенции, наряду с усвоенной устным путем народно-речевой традицией.

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕАКЦИИ НА ТЕКСТ-КОНФЛИКТОГЕН В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ

Н.И. Миронова (Москва)

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
mironnat@rambler.ru*

Объектом нашего анализа стали интернет-комментарии (561) к публикации У. Королевой «Минфин надеется на резкое вымирание пенсионеров. Заявление депутата Госдумы» на сайте URA.RU. В публикации отражена точка зрения депутата Д. на сокращение объема финансирования здравоохранения, которое базируется на прогнозируемом уменьшении количества пенсионеров в стране на 400 тысяч в 2022 г. и на 326 тысяч в 2023 г. Д. считает, что «заложенное в бюджет сокращение финансирования здравоохранения обеспечит фактическое убийство властями еще большего числа россиян» и что «Минфин недооценил живучесть пенсионеров». Эта публикация вызвала крайне эмоциональную реакцию людей, в основном пенсионного возраста, и за короткий срок набрала большое количество комментариев — 561.

Считается, что в состоянии эмоциональной напряженности ухудшается мыслительная деятельность и затрудняется обработка информации, в связи с чем существенно изменяется ее восприятие. Ухудшается анализ содержания текста, что ведет к искажению смысла воспринимаемого. Все это справедливо и по отношению к реакции на конфликтоген, в качестве которого и воспринимается публикация.

Интернет-комментарии свидетельствуют об отсутствии содержательной глубины анализа текста, т.е. анализа на уровне смыслового содержания высказываний и текста в целом. Так, во многих комментариях звучат несправедливые обвинения в сокращении финансирования и связанных с этим проблемах пенсионеров депутата Д., который, наоборот, критикует в своем выступлении действия Минфина (положительно его действия оцениваются всего в нескольких комментариях). На основе знаний коммуникантов о мире в текст привносится дополнительная информация: в комментариях упоминаются лица и организации, не представленные в тексте (*депутаты, президент, правительство, ПФР, Дума, страна/государство*).

Анализ содержания текста осуществляется на «поверхностном» уровне: на уровне отдельных лексем и высказываний. Комментарии являются реакциями на триггеры конфликтогенного текста, в качестве которых выступают: слово «живучесть», которое

в контексте «Минфин недооценил живучесть пенсионеров» приобретает негативную коннотацию; фраза о предполагаемом серьезном сокращении количества пенсионеров в 2022 и 2023 гг.; фраза «заложенное в бюджет сокращение финансирования здравоохранения обеспечит фактическое убийство властями еще большего числа россиян»; имя собственное Д.

Повышенная эмоциональность комментариев объясняется значимостью проблем, обсуждаемых в публикации, для коммуникантов пенсионного возраста. Показателями экспрессивности являются:

- отказ от редактирования текста комментариев перед публикацией при отсутствии временных ограничений, что выражается в большом количестве ошибок и опечаток;
- широкое использование графических средств выражения эмоций (вопросительных знаков; восклицательных знаков, количество которых в высказывании часто превышает один и доходит до 34; немотивированное использование прописных букв на месте строчных и др.);
- применение риторических приемов, повышающих экспрессивность высказывания (приемы «бумеранга», «доведения до абсурда» и пр.);
- частое использование агрессивных речевых актов угрозы, обвинения, оскорбления, злопожелания и др.;
- широкий набор средств речевой агрессии, в особенности дискурсивных имплицитных средств (иронии, сарказма и т.д.).

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОВЕРИЯ В КОРПОРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

*Н.Н. Николаева (Москва)
Московский государственный технический
университет им. Н.Э. Баумана
nikolaevann@bmstu.ru*

Цель работы заключается в раскрытии содержания и способов анализа коммуникативно-прагматических аспектов современных англоязычных корпоративных текстов (fast capitalist texts), создающих эффект доверия в корпоративном дискурсе. Под «доверием» понимается суждение человека о моральном облике другого человека или организации, сформированное на основе социального статуса, авторитета, результатов работы и внешнего вида. Доверие тесно связано с понятиями имиджа и репутации. В социологических научных исследованиях доверие трактуется как измеримое состояние целевой аудитории, указывающее на степень доверия, оказываемого отдельным лицам или коллективам. Доверие в контексте корпоративных отношений можно интерпретировать как готовность быть зависимым от других людей в ситуации неопределенности и в ожидании определенной выгоды от этого [Jørgensen, 2008; Шо Роберт, 2000]. Следовательно, данное понятие тесно связано с такими понятиями, как «выгода», «риски» и «зависимость». В нашей работе предлагается коммуникативно-дискурсивный подход, рассматривающий доверие как лингвопрагматическую деятельность, т.е. как «технику передачи человеческого характера посредством языка» [Baumlin, 1994, p. xii], при этом компетентность, надежность и эмпатия, являющиеся неотъемлемыми компонентами доверия, анализируются как риторические стратегии саморекламы, самохарактеристики и самопожертвования, позволяющие современным

корпорациям создавать эффективные тексты самопрезентации, так называемые *fast capitalist texts*. Эти риторические стратегии в виде четко сформулированных вдохновляющих призывов к доверию, представленных в форме полимодальных текстов и направленных на заинтересованных лиц (стейкхолдеров), определяют корпоративную риторику и применяются при создании дискурса корпорации.

В данной работе проведен анализ теоретической литературы по теме исследования, осуществлено обобщение существующих точек зрения. Анализ эмпирического материала включал дискурсивный и лингвопрагматический анализ с элементами стилистического, интерпретационного и социокультурного анализов. В результате, применив принципы дискурс-анализа, в частности языковой индексальности, относительности и аутентификации, к корпоративному дискурсу, мы выявили риторические, стилистические и прагматические языковые средства, а также дискурсивные стратегии, которые применяются в корпоративных текстах для создания эффекта доверия к корпорации. Наше исследование продемонстрировало, что доверие может быть лингвистически сконструировано и воплощено в корпоративном дискурсе. Несмотря на важную роль визуальных риторических приемов для целей создания и усиления положительных этических и эстетических атрибутов доверия в корпоративном дискурсе, вербальная информация (текст), на наш взгляд, обладает более сильным убедительным, ориентирующим и мотивирующим потенциалом, так как передает информацию с большей синтаксической и семантической точностью, уменьшая ее двусмысленность и неопределенность, а также апеллируя к языковому вербально-эмоциональному опыту реципиента с помощью различных риторических и стилистических выразительных средств языка.

Остается дискуссионным вопрос о типе и жанре текста, наиболее эффективным образом создающий эффект доверия в корпоративном дискурсе. Например, является ли более достоверным и эффективным, т.е. вызывающим больше доверия, тематически и лингвистически продуманный, жанрово клишированный, универсальный текст, последовательно занимающий целую страницу, чем короткий и отрывистый лозунг. Коммуникативно-дискурсивный подход к анализу корпоративных текстов способствует созданию четкой картины риторических стратегий, стоящих за реальными словами, предложениями и абзацами, что, в свою очередь, помогает выработке умения ориентироваться в современных направлениях информационно-пропагандистской деятельности международных корпораций, а также критического прочтения корпоративных текстов.

КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ УГРОЗЫ В МЕНТАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ НОСИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

О.В. Новосёлова (Тверь)

*Тверская государственная сельскохозяйственная академия
olvnov@mail.ru*

В различных сферах деятельности носители языка регулярно встречаются с вербальными угрозами (также: высказываниями-угрозами, высказываниями со значением угрозы или менасивами). При этом результаты исследований свидетельствуют о том, что в ментальном (консциентальном) пространстве языковой

личности имеется комплексное — во многом субъективное — представление о вербальной угрозе, основанное на логической связи антецедентно-консеквентной природы между возможными санкционными последствиями для объекта воздействия, и совершением объектом воздействия каузируемых действий с целью избежать таких последствий или нивелировать их отрицательное воздействие [Романов, Новоселова, 2021]. Иначе говоря, в ментальном пространстве языковой личности как «стерильного собеседника» [Wunderlich, 1975, с. 12-13; Beck, 1980, с. 20; Nowak, 1981, с. 94] потенциально представлена информация о наборе санкционных действий, каждое из которых может быть задействовано в определенном жизненном сценарии. Помимо этого, языковая личность обладает знанием о том, что в типовой ситуации «угроза» у объекта воздействия есть возможность избежать наступления негативных последствий, выполнив каузируемые действия.

Вполне очевидно, что представления носителей языка о феномене вербальной угрозы определенным образом структурируются в их ментальном пространстве, объединяются [Langacker, 1987], а языковая личность обращается к таким ментальным (когнитивным) структурам, хранящимся в ее «семантической памяти» [Солсо, 1996] при каждой встрече с вербальной угрозой в контексте социального взаимодействия. В этой связи есть все основания полагать, что участники социальной интеракции обладают когнитивной способностью осознавать и интерпретировать каждый конкретный случай вербальной репрезентации угрозы на фоне языковых, энциклопедических, социокультурных, логических и иллокутивных знаний о различных вариантах санкционного воздействия, а также оценивать возможность избежать такого воздействия, выполнив каузируемые действия [о типах знаний см.: Романов, 1988, с. 101].

Проведенный анализ позволил зафиксировать в содержательном объеме вербальной угрозы *набор контрарных элементов*, который формирует функционально-когнитивную структуру (рамку, фрейм) угрозы в ментальном пространстве носителя английского языка. В частности, упоминание говорящим о наступлении негативных последствий способствует формированию дискомфортных эмоциональных переживаний у адресата воздействия, в то время как вербализация условия, при котором у адресата появляется возможность избежать негативных последствий, нейтрализует интенсивную «глубину» его дискомфортных переживаний [Романов, Новоселова, 2021]. С указанных позиций, очевидно, что адресат оценивает содержание негативных последствий менасивов не только на фоне своих представлений о более или менее интенсивных последствиях вербальной угрозы, но с позиций собственных знаний о возможности избежать санкционного воздействия при условии выполнения каузируемых действий. Поэтому в процессе оперирования негативными последствиями конкретного менасива языковая личность обращается к своим структурированным знаниям о типовой коммуникативной ситуации угрозы.

ГАБИТУСНЫЕ ПРАКТИКИ В ДИСКУРСИВНОЙ ИНТЕРАКЦИИ

*А.А. Романов, Л.А. Романова (Тверь)
Тверской государственный университет
romanov_tgsha@mail.ru*

Дискурсивный поворот, вписавший человека говорящего в центр аналитических изысканий формата хранения и передачи своего социального вербально-авербального

поведения в «сценариях жизни» окружающей его действительности, позволяет выработать не только интегративные методы описания социально-вербальных действий самого homo loquens, способствующих, по Э. Бенвенисту, вскрытию характеристик механизма «речи, присваиваемой говорящим» в интерактивном процессе коммуникативного обмена действиями-практиками, но и предложить новый, категориальный (т.е. ментально и ахитектонически структурированный) формат своего телесного опыта освоения знаний как фундамента наивысших проявлений своей идентичности.

Такой формат структурирования ментального опыта помогает объяснить понимание телесности (сомы) человека и рассматривать ее в качестве концентриального (когнитивного) конструктивного образования (конструкта) — амальгамированного соединения (единства) чувств, опыта и сознания, призванного выступать в виде совокупности его практических (дискурсивных) проявлений или практик-действий. С этих позиций телесность как когнитивный (ментальный, концентриальный) конструкт являет собой выработанную практическим опытом человека (человечества) модель для структурирования (фреймирования) и функционально-целевого (прагматического) упорядочивания практик-действий в существующих «сценариях жизни» человеческого сообщества.

В интерактивном процессе любой участник не только интерпретирует наблюдаемый им процесс взаимодействия (коммуникативного обмена) с собеседником, но также он интерпретирует саму ситуацию, событие и сложившееся положение дел вокруг себя с учетом (в зависимости от) своих личностных установок, понимания и оценки того, что он наблюдает, фиксирует, что его окружает. Участвуя в комплексной интерпретации, человек говорящий как когнитивный агент использует (опирается на) имеющуюся у него интегративную систему знаний, которая способствует возникновению в его концентриальной (ментальной) сфере некоторого целостного коммуникативно-когнитивного образования или конструкта.

Отличительной чертой любого дискурсивного взаимодействия является наличие акта взаимной презентации своего внутреннего мира одного участника другому участнику. При этом каждый участник такого взаимодействия пресуппозитивно исходит из того, что его партнер (или собеседник) обладает наличием своего внутреннего мира. Понятие внутреннего мира трактуется в данном случае достаточно широко и охватывает не только установочные знания (установки) участников на дискурсивное взаимодействие, т.е. на развертывание фрейм-структуры как «сложного единства языковой формы, знания и действия», по Т. ван Дейку, в рамках предложенного типа (способа, формата) дискурсивной интеракции, но и на знания прагматической интерпретации используемых в дискурсивном обмене (развертывании) естественно-языковых и коммуникативно-авербальных практик.

Динамическая специфика развертывания фреймовой структуры (ф-структуры) дает основание говорить об относительном и дисперсном характере названных знаний в интерактивном процессе коммуникативного обмена. Отсюда и прагматическая роль дискурсивных стратегий в коммуникативно-синергичной интеракции, призванных аккумулировать вокруг себя пучки развертывания интерактивно-иллюктивных знаний, соответствующих социальным точкам (или «габитусным» точкам) приложимости той или иной их разновидности к фреймовой конфигурации (ф-структуре) того или иного типового сценария. Социальные точки приложимости суть устоявшиеся в некотором социуме практики (правила), которые постоянно воспроизводятся представителями данного общества в интерактивном обмене. Такие точки в процессе коммуникативного

обмена отражают в своей сути накопленный в социуме опыт, который когнитивный агент стратегически использует в процессе реализации своего дискурсивного поведения. Габитусные точки приложимости в виде конкретных дискурсивных практик — это «система порождающих схем», по П. Бурдьё, это то, что одновременно (одновременно) реализует (порождает) в дискурсивной практике и определенный «пучок» проявлений социального опыта, и практические коммуникативные навыки «в виде совокупности совместной интенциональности или нацеленных предрасположенностей к действию vs действиям определенным образом» [Романов, Сорокин, 2004, с. 15-30].

ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ СТРОЙ ПРОПОВЕДИ СВТ. СЕРАФИМА (ЗВЕЗДИНСКОГО) В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЕГО ГОМИЛЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Т.Б. Рязанова, И.Н. Дядченко (Москва)
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
t-riazanova@ya.ru

Духовная словесность, по-видимому, может рассматриваться как неотъемлемая часть (точнее ядро) культуры каждой эпохи. Гомилетическое наследие святителя Серафима (Звездинского), выдающегося проповедника первой половины XX в., важно не только ретроспективно, его актуальность высока и в наше время, о чем говорят современные публикации и недавний перевод его проповедей на японский язык [Садакацу Цчида, 2021]. На взгляд авторов, важный фактор отклика его и наших современников на проповеди епископа-священномученика, расстрелянного за веру в 1937 г., — их диалогическая обращенность к слушателю вместе с силой и искренностью его веры и любви к ближнему. В проводимом исследовании гомилетических текстов святителя применяются принципы и методы психологии диалога [Флоренская, 1991, 2001], филологического анализа текста [Бахтин, 1963; Николина, 2003].

В докладе предпринята попытка анализа образно-символического строя текста лаконичной проповеди свт. Серафима, произнесенной 1 октября 1921 г., за год до первого ареста, в соборе г. Дмитрова, и выбора в ней языковых средств, которые обеспечивают качество диалогической обращенности к личности каждого слушателя. В *Таблице 1* текст проповеди в левом столбце [сайт azbuka.ru] комментируется в правом с целью выявления принципов построения целостного текста, ключевых текстовых единиц (в данном случае — главного сквозного образа-символа горящей лампы и других), способов выражения личной позиции проповедника по отношению к говоримому и слушающим (диалог с паствой), некоторых связей с историческим контекстом.

Таблица 1

Текст проповеди свт. Серафима Звездинского (левый столбец)
и его ключевые текстовые единицы (правый столбец)

<i>Люблю я, други мои, когда в храме возжжено много лампы, люблю их тихие огоньки!</i>	Обращение, выражение личного отношения к слушающим. Вводится образ лампы.
<i>Вспоминается мне, когда я был в Палестине и зашел помолиться к гробу Матери Божией.</i>	Доверяет слушателям личное воспоминание о молитве у гроба Божией Матери.

<i>В пещере сверкало много, много лампад: больших и маленьких, золотых и серебряных.</i>	Описание, опирающееся на зрительное восприятие (разные размеры, цвет, потенциально — формы), — введение слушателей в конкретную ситуацию. Образ-символ лампы.
<i>Все они горели тихонькими огоньками, напоминающая бесконечные миры, которые движутся в небесном пространстве, подчиняясь неизменным законам.</i>	Описание-сравнение ассоциативно добавляет образ вселенной, законы, данные Богом движению небесных тел, подспудное напоминание всемогущества Бога-Творца.
<i>И в светлом Царстве Божиим есть сверкающие лампы, дивные горящие лампы, и самая драгоценная из них, горящая для нас елеем всепрощения и любви, лампа нашего спасения — Царица наша Небесная,</i>	Переход в сферу духовного — к образу Царствия Божия, света. Лампа теперь — символ духовных существ в ином мире, Богородица как самое драгоценное светило пред Лицом Бога, одновременно подчеркивается любовь и всепрощение Божией Матери, Ее горячее желание спасения говорящему и слушающим. (связь земли и Неба).
<i>Мать Божия, радость человека, ангелов удивление, архангелов поклонение, восторг херувимов, красота серафимов.</i>	Эпитеты, содержащие отношение Небесных сил к Божией Матери, восходящие по силе и ангельской иерархии, одновременно — просвещение слушателей в богословии.
<i>Она горит пред престолом Господним для нас Светом Своим благодати и любви, озаряя наши души.</i>	Образ горения Божией Матери пред Богом, напоминание, что это происходит «для нас» — говорящего и слушающих (связь земли и Неба).
<i>И другие лампы — пророки, мученики, преподобные — горят в небесных чертогах, освещая наш путь к Господу.</i>	Теперь лампы — это святые, чины святости. Образ гармонии Царства, общности в горении к Богу, акцентируется интенция святых, их горения на говорящего и слушающих — указание пути ко спасению, показ результата их пути как примера.
<i>И вы, дорогие мои, лампы Божии, вы — мои лампы, данные мне на хранение.</i>	Теперь лампа — это символ слушающих, свт. подчеркивает свою личную ответственность епископа за слушающих и внимающих.
<i>Тело ваше — сосуд, душа — огонь, возженный Божьей рукою, а елей, которым питается этот огонь, — Животворящая Кровь Господа нашего Иисуса Христа.</i>	Антропологические и сотериологические воззрения, выраженные в христианских символах сосуда, огня, еля. Лампа — сосуд (тело), полный огня, питаемого елеем.
<i>И пока душа питается этим живоносным, чудным елеем, она горит тихим огнем лампы Божией.</i>	Цель духовной и всей земной жизни человека напоминает на языке христианских символов, к которым подведены слушатели, они могут стать лампами Бога, питаясь елеем, т.е. участвуя в жизни Церкви.

<p><i>Кто же не причащается, кто отвернулся от Христа, кто оттолкнул от себя Божественную Чашу, кто ушел из Церкви Божией — тот не Божия лампада, а факел сатаны, потому что есть Божия лампада, а есть факел дьявола.</i></p>	<p>Пояснение значения Причащения, обличение отвергших Причащение, с использованием образа лампады, превращающегося в образ факела дьявола. Соотнесение с историческим контекстом отступления людей от Церкви, их обличение.</p>
<p><i>Говорить о разнице между ними нечего: она всем понятна, и сатана знает эту разницу, вот почему он поднимает ужасающую бурю, чтобы затушить Божьи лампады, чтобы лишить душу елеля благодатных Тайн Животворящих.</i></p>	<p>Соотнесение с современными историческими реалиями 1920-х, понятными людям, укорененным в Церкви.</p>
<p><i>Горите же, мои лампады, горите ярко пред Богом, чтобы, когда я оставлю вас, мои возлюбленные, и предстану там на суд небесный, не отвратила бы Владычице наша своего светлого лица от меня за то, что я не учил вас, мою паству, спасению, не звал к Животворящей Чаше.</i></p>	<p>Обращение, призыв к слушающим, увещевание; подчеркивается ответственность епископа спасением своей собственной души за паству.</p>
<p><i>Горите ярче, мои возлюбленные, чтобы мог я сказать: «Господи, вот мои лампады, не затушил их огня вихрь сатаны и не иссяк елей их».</i></p>	<p>Призыв с выражением любви к слушающим. Обращение к образу Бога-Судии. Желание возможности дать отчет о сохранении веры своих пасомых и их спасении.</p>

О ЛАКУАРНОСТИ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

В.А. Садикова (Химки)

*Московский государственный институт культуры
vsadnik46@mail.ru*

Лакуна, лакунарная единица, лакунарность — понятия, освоенные языкознанием и конструктивно используемые в лингвистических исследованиях [Стернин, Быкова, 1998; Махонина 2003, с. 40-45; Быкова 2003, Байрамова 2006 и др.], однако, полагаем, можно говорить о лакунарности в теоретико-исследовательском аспекте относительно Языка в целом. Имеется в виду отсутствие (лакуна как пробел в языкознании) в языковедческих работах представления о вершинном языковом уровне, который мы отождествляем с языковой топологией, т.е. искомой на протяжении веков системой языковых-ментальных-коммуникативных универсалий. Не претендуя на право поставить точку, полагаем возможным обратить внимание на некоторые моменты, которые, на наш взгляд, не дают прийти к консенсусу относительно этой проблемы хотя бы в сфере лингвистики.

1. Безусловной базой научного подхода в лингвистических исследованиях полагается поуровневая система языка с иерархической системой единиц — от фонемы к целому тексту-высказыванию, тогда как возможен и противоположный подход: от *целого языка* к его реализации и конкретизации. В современных философских работах такой подход начинает реализовываться через максимально абстрактное понятие — *полнота* [Моисеев, Шашков, 2014]. Тогда языковая топология может пониматься как принцип целостной организации языка, его полноты.

2. Хотя признается и учитывается способность языка к обобщению, не различаются или не полагаются важными *степени* абстракции. Между тем было бы разумно выделять не только абстрактное (вообще) и конкретное, но уровни абстракции: высший (языковая топология), средний (грамматические категории, типология частей речи или членов предложения и др.), низший — частные исследования на том или ином языковом уровне.

3. Совсем немного сегодня лингвистических работ, в которых общение-коммуникация стали бы основой изучения языка в действии, даже в прагматике (в любой ее разновидности), хотя необходимость этого утверждается уже довольно давно когнитивистами, прагмалингвистами, психолингвистами. Психолингвистика предлагает коммуникативные эксперименты, но это не то же самое, что реальное общение. А социоллингвистика и современная коммуникативистика, на наш взгляд, совсем уводят от изучения языка (как средства общения) к коммуникации, понимаемой как обмен информацией в социуме, хотя «как бы “социально направлены” ни были формы нашей психики, индивидуальное не может быть сведено к социальному» [Жарцевский, Т II, 2004 (1929), с. 238]. Полагаем, идеи о том, что язык достояние индивидуума (А.А. Залевская), а понимание / непонимание, равно как и коммуникативный поступок, есть ответная реакция на коммуникативное воздействие, рефлексия (Г.И. Богин) могут и должны быть конструктивно развиваемы.

4. С критикой языковой модели очень убедительно выступает А.В. Вдовиченко [2008]. Однако предлагаемая им коммуникативная модель не может полноценно ее заменить, потому что А.В. ограничивается воздействием и не принимает во внимание ответную реакцию понимания / непонимания, тогда как общение (всегда!) — *взаимодействие*; А.В. не предлагает инструментария исследования новой модели, тогда как инструментарием может стать языковая топология, топика [Садикова, 2017], система единиц естественного коммуникативного общения — абстрактная и потому способная в каждом конкретном случае преодолевать лакунарность и неопределенность реализованного в общении языка — с одной стороны, и заместить «зазор» в языкознании (тоже своего рода лакунарность) — с другой.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ АКЦЕНТУАЦИЯ И СИЛЛЕПСИС

К.Я. Сигал (Москва)
Институт языкознания РАН
kjseagal@yandex.ru

Согласно общепринятому толкованию, силлепсис представляет собой «прием <...> объединения в перечислительном ряду логически <...> неоднородных членов предложения как однородных» [Сковородников, 2016, с. 286]. В. В. Виноградов вместо термина «силлепсис» предпочитал терминологическое сочетание «прием разноплоскостных семантических перечислений» [Виноградов, 1961, с. 97]. Силлепсис создается на основе концептуальной неодинаковости компонентов сочинительного ряда, в чем состоит частичное преодоление синтаксического стереотипа сочинительной связи [Сигал, 2004; Dik, 1968; Haspelmath, 2004]. Концептуальная неодинаковость, которую намеренно предпочел для синтаксически однофункциональных компонентов говорящий / пишущий, а слушающий / читающий включил в свой перцептивный фокус, способна маркировать эмоциональную акцентуацию в речевом общении.

Становясь показателем эмоциональной акцентуации, тот или иной синтаксический прием (в частности, силлепсис) как бы намекает на то, что предметный, атрибутивный и событийный компоненты информации, содержащейся в высказывании, выступают только как фон для передачи эмоционального состояния субъекта (говорящего / пишущего, наблюдателя, синтаксического лица) или его эмоционального отношения. Эмоциональную акцентуацию обеспечивает контекст в целом, в нем рассредоточены различные сигналы (показатели) эмоций, вплоть до их наименования, но синтаксические приемы, в том числе силлепсис, могут лишь привлечь внимание к эмоциональному «перебыву» в развертывании речевого общения. Силлепсис — это своего рода эмоциональный дейктик, находящийся в структуре клаузы, но работающий на контекст.

Однако силлепсис, равно как и другие синтаксические показатели, необязателен для эмоциональной акцентуации. Обращение к силлепсису объясняется идиостилевыми закономерностями отбора синтаксических приемов эмоционального речевого самовыражения. С выполнением этой функции никак не связаны те прецеденты силлепсиса (точнее сказать, квазисиллепсиса), которые возникли в результате речевой ошибки, вызванной «сбоем» в синтаксическом структурировании высказывания. Ср.: *У больного имеется жена, две дочери и прямая паховая грыжа* (Паспорт-Экспресс, № 4, 2001). Быть показателем эмоциональной акцентуации может силлепсис, созданный намеренно, как особый синтаксический прием, потребность в котором связана, например, с воплощением эстетического задания или с экспрессивным подчеркиванием довода в научной дискуссии.

В докладе на таких примерах, как драматургический диалог в пьесе М. Горького «Дачники» и научно-полемический фрагмент статьи В. А. Звегинцева «Структурализм в лингвистике», верифицируется утверждение о том, что, «если два конституента соединены сочинительной связью, должна быть прагматическая мотивация для объединения — некоторая ситуация, которой это соединение соответствует. Когда такую ситуацию трудно или невозможно представить, конъюнкция кажется необычной, странной (odd)» [Schachter, 1977, p. 91]. По-видимому, именно подобное ощущение необычности или странности побуждает намеренно использовать силлепсис в качестве показателя эмоциональной акцентуации в разных доменах речевого общения.

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ И ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КРЕАТИВНЫХ ПРИЕМОВ

М.Л. Соснова (Москва)

Российский университет дружбы народов

ART-Margo-1@yandex.ru

С древних времен остались свидетельства внимания мыслителей к фундаментальным вопросам Бытия, понимание необходимости передачи культурных предметов, идей, технологий, в том числе в виде прецедентных слов-концептов. Без всего этого наступает «время зверя», одичание и нравственное разложение целых пластов населения Земли.

Например, понятие «добродетели» почти полностью исчезло из сферы публицистики, СМИ, образования. «Составные части добродетели — справедливость, мужество, благоразумие, щедрость, великодушие, свободное бескорыстие, рассудительность, мудрость. <...> Величайшими из добродетелей необходимо будут те, которые наиболее

полезны для других» [Аристотель, 2007, с.36]. Все составляющие добродетели должны получить ценностно-целевую направленность не только на уровне сентенций, но и с помощью погружения молодых людей в реальные деятельности, в творческие процессы сначала в качестве реципиентов, а потом и творцов.

Инициативный преподаватель-исследователь для осуществления сложного процесса приобщения молодых людей к новым для них способам деятельности и общения может позаимствовать из теории и практики аргументации понятие (и соответствующий подход) «смутное мышление». В реальном познании образуются «причудливые переплетения истинных знаний об объекте с заблуждениями, подлинных проблем познания с надуманными — так называемое «смутное мышление». На начальных стадиях познания оно закономерно господствует. Здесь самая суть познания заключается в его постепенном и трудном самопреодолении» [Абачиев, Делия, 2004, с. 29]. Знакомство с этим подходом снимает остроту боязни «не соответствовать», «показаться глупым», несет в себе развивающий и психотерапевтический эффекты.

Нельзя обойти проблему реальной Встречи, взаимодействия преподавателя и студента, автора и читателя, гения и читателя, слушателя, зрителя, реципиента его шедевров. В этом отношении чрезвычайно эвристична концепция «сферы Между», обоснованная Мартином Бубером и развитая В.П. Зинченко. М. Бубер пишет: «Фундаментальным фактом человеческой экзистенции является человек с человеком»; «сферу, возникшую с тех пор, как человек стал человеком, я называю сферой между (des Zwischen). Реализуя себя в весьма различной степени, эта искомая величина, тем не менее, является первичной категорией человеческой действительности... «Между» — не вспомогательная конструкция, но истинное место и носитель межчеловеческого события» [Бубер, 1995, с.230]. «Человек-событие» (и гений — через свои шедевры) создает вокруг себя животворную среду, он делает тех, с кем встречается, сотрудничает, способными к открытиям, выше, душевно щедрее и богаче, добрее. смелее.

В рамках учебных дисциплин гуманитарного цикла есть возможность приобщения студентов к искусству, науке, проектной деятельности. Нельзя не согласиться с глубоким высказыванием Ю.М. Лотмана: «Творческое мышление, как в области науки, так и в области искусства, имеет аналоговую природу и строится на принципиально одинаковой основе — сближении объектов и понятий, вне риторической ситуации не поддающихся сближению. Из этого вытекает, что создание метариторики превращается в общенаучную задачу, а сама метариторика может быть определена как теория творческого мышления» [Лотман, 2004, с.186]. Теория и соответствующая технология творческого мышления, по нашему мнению, не может быть мононаучной дисциплиной, а должна строиться на междисциплинарных связях, включающих философию, историю культуры и культурологию, филологию, психологию, психолингвистику, методику преподавания литературы, языка, искусства, опыт конкретной практики.

К креативным приемам в том смысле, который им придает автор данного доклада, можно отнести конкретные вербальные и креолизованные тексты, артефакты, технологическую систему, представленную вербально и визуально, имеющую определенную целевую направленность и играющую роль *инструмента, орудия, средства*. (Важно отметить, что отечественные и зарубежные деятели подчеркивали *нравственную* основу, базу, общения и деятельности субъекта, творчества и игры). Как любое орудие оно должно быть включено в определенную созидательную, творческую работу. В активном процессе бывают задействованы все функции сознания субъекта «интенциональная, отражательная, порождающая (творческая), регулятивно-оценочная, диалогическая, и рефлексивная»; «сознание полифункционально, по М.М. Бахтину —

полифонично» [Зинченко, 2010, с. 34]. Креативный прием становится таковым лишь в результате процедур по вычлениению его из массы рутинных, репродуктивных и творческих действий, после его глубокого осознания, формирования, оформления, обозначения, проверки и использования в процессе достижения результата, часть которого предвидится, а другую часть, спонтанную, зависящую от новых обстоятельств, предвидеть невозможно. Сознание — динамичная, принципиально открытая система; это означает, что мы можем общаться как с «живыми» авторами, так и с теми, кто оставил нам свои произведения благодаря определенной знаковой системе.

Среди «креативных приемов» и других творческих продуктов деятельности, которые изложены в книгах автора доклада и иногда (не часто) используются на реальных занятиях, можно назвать стихи и басни, имеющие педагогическую развивающую студентов направленность, а также приемы «Багаж», «Активный хронотоп», «Справедливый банкомат», «Мое древо ПраНаЙс», «Транспортный парк», ЗсВЧ («Знакомство с великим человеком») и др. [Соснова, 2009].

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ФРУСТРИРУЮЩЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

*Е.К. Тараканова (Новомосковск)
Новомосковский институт
Российского химико-технологического
университета им. Д.И. Менделеева
elenatarakanova2013@yandex.ru*

Феномен языковой личности широко исследуется на современном этапе развития науки о языке, что связано с утвердившимся в языкознании принципом антропоцентризма. «Языковая личность — объект непосредственно ненаблюдаемый, но гипотетически предполагаемый, это область сопряжения мыслительных (когнитивных), психических (личностных) и лингвистических (языковых) сторон человека. Языковая личность человека проявляется в том, как он распоряжается в речи языковыми средствами» [Нестерова, 2015, с.123].

Языковая личность очень часто испытывает душевные мучения, подвергаясь стрессовым ситуациям: влиянию негативных эмоций, агрессии, депрессиям, фрустрациям.

Фрустрирующей называется языковая личность, которая находится в состоянии фрустрации, возникающей у человека в результате крушения надежд, невозможности осуществления цели. Фрустрирующая языковая личность — это дериват эмоциональной языковой личности, в связи с чем в ее структуре выделяется эмотивно-прагматический аспект.

Коммуникативное поведение фрустрирующей языковой личности может быть как конструктивным, так и деконструктивным. Под деконструктивным поведением понимается речевая агрессия, которая, с одной стороны, может быть направлена языковой личностью на освобождение накопившейся отрицательной энергии, с другой стороны — имеет целью оскорбить, унизить собеседника, привести его в состояние фрустрации. Конструктивным речевым поведением языковой личности является желание преодолеть состояние фрустрации с помощью обращения к прецедентным текстам.

Субъектное начало пронизывает всю синтаксическую систему русского языка, по-своему выражаясь в каждом типе предложений и помогая тем самым изобразить внутренний мир человека. «Изучать связную речь как сложный синтаксический процесс — значит понять то, как происходит синтаксическое расчленение, «квантование» смысловой информации и объединение этих синтаксических «квантов» в целостную речевую формацию. Представляется, что в обоих случаях говорящий / пишущий с разной степенью осознаваемости выполняет определенные речевые операции, так или иначе отображенные в системных свойствах и отношениях синтаксических единиц» [Сигал, 2012, с. 7].

К синтаксическим средствам изображения фрустрирующей языковой личности относятся бытийные предложения, предложения характеристики, а также безличные конструкции и средства экспрессивного синтаксиса (парцелляция, риторические вопросы и восклицания и др.).

Бытийными называются логико-семантические предложения, сообщающие о существовании (бытии) или небытии в мире или его фрагменте абстрактных понятий, явлений, состояний, чувств, мыслей: *Только Lise, — Lise <...> вдруг с ней ночью припадок, крик, визг, истерика!* (Достоевский, «Братья Карамазовы»).

В предложениях характеристики сообщается о признаках и состояниях субъекта: *Но как похоже, как одинаково Веронику (как и Дворикова) мучило от неумения сделать жизнь ни лучше, ни духовнее. Потихонечку, огрызла.* (Маканин, «Андеграунд, или герой нашего времени»).

Восклицательные предложения также способны выступать в роли синтаксических репрезентантов фрустрации: — *Оба вон!* — продолжал кричать Андрей Ефимыч. — *Тупые люди! Глупые люди! Не нужно мне ни дружбы, ни твоих лекарств, тупой человек!* (Чехов, «Палата № 6»).

НАРУШЕНИЯ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ВИДЕ РАСПОЗНАВАНИЯ И ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ПАНТОМИМЫ ПРИ АФАЗИИ

Е.Е. Циомо (Москва)

ГБУЗ «Центр патологии речи и нейрореабилитации ДЗМ»

katy291@ya.ru

Е.Г. Иванова (Москва)

*Российский национальный исследовательский
медицинский университет им. Н.И. Пирогова*

ekoizintseva@gmail.com

Около одной трети инсультов приводят к нарушениям речи — афазиям [Косивцова, Захаров, 2017]. Имеется ряд работ, показывающих нарушение невербальной, в частности, жестовой стороны общения при афазии [Duffy R.J., Duffy J.R., 1975; Duffy, McEwen, 1978]. Изучается генез жестовой коммуникации при нарушениях речевой функции [Kita, 2017; van Nispen, 2017; 2018; Kistner, 2020; Murteira, Nickels, 2018; 2019; 2020]. Объяснить сочетанные нарушения вербальной и невербальной сторон коммуникации возможно в рамках символического подхода к психическим функциям, рассматривающего афазию и мануальную апраксию в виде единого символического нарушения [Finkelnburg, 1870; Duffy R.J., Duffy J.R., 1975; Duffy, McEwen, 1978].

Целью исследования выступило выявление нарушений невербальной коммуникации при распознавании и воспроизведении пантомимы у пациентов с динамической афазией.

Методы исследования включают в себя применение функциональных нейропсихологических проб [Глоzman, 2019], методику на распознавание пантомим [Duffy R.J., Duffy J.R., 1975], методику воспроизведения пантомимы [Mozaz, Rothi, 2002], а также методы статистической обработки (непараметрический критерий для несвязанных выборок U-критерий Манна-Уитни, коэффициент корреляции Спирмена).

В исследовании принимали участие пациенты с динамической афазией в возрасте от 22 до 65 лет (28 пациентов), а также контрольная группа людей того же возраста, не имеющая органической патологии головного мозга. Всеми участниками было подписано добровольное согласие на участие в исследовании.

При статистическом анализе результатов выполнения теста на распознавание пантомимы были выявлены достоверные различия ($p = 0,00$) между испытуемыми контрольной (ср.знач=0,143) и экспериментальной групп (ср.знач=5,464). При анализе результатов выполнения транзитивных (действий с предметами) и нетранзитивных (экспрессивно-символических) жестов также были выявлены достоверные различия ($p = 0,00$) между испытуемыми контрольной и экспериментальной групп. При анализе данных, полученных при выполнении нейропсихологических проб на речевую функцию, были выявлены значимые взаимосвязи между распознаванием/воспроизведением пантомимы и методиками, оценивающими спонтанную речь, название, повторение, понимание логико-грамматических конструкций, письмо и чтение.

Показано, что у пациентов с динамической афазией отмечаются нарушения невербальной коммуникации, которые оценивались в пробах распознавания и воспроизведения пантомимы. Данные нарушения коррелируют с дисфункцией основных видов устной и письменной речи, зафиксированной в нейропсихологическом обследовании. Полученные данные указывают на возможность применения символического подхода к психическим функциям для объяснения единства нарушений речевых и неречевых функций. Практическая значимость заключается в использовании в клинической практике новых диагностических методик, оценивающих распознавание и воспроизведение пантомим, а также расширение диагностики коммуникативных нарушений при афазии, основанной на оценке распознавания и воспроизведения пантомим.

КРИЗИС КУЛЬТУРЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ УЧАСТНИКА РЕЧЕВОГО АКТА

Л.А. Чижова (Москва)

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
lachizhov@yandex.ru*

В серии своих работ известный американский политолог Сэмюэль Филлипс Хантингтон [2003] предвещал в будущем обострение социальных, политических конфликтов на границах цивилизаций и подчеркивал, что основным фактором, определяющим такие конфликты, является принадлежность к типу культуры.

Новое время требует нового осмысления конфликтов культур, пронизывающих все социальные структуры, а при расширении сферы анализа межкультурной коммуникации для нас, филологов, — возникает необходимость рассмотрения речевого акта «внутри» поля деятельности одного языкового кода для фиксации индивидуальных и социальных конфликтов [Coser, 1956].

Среди причин обострения культурных конфликтов типа «свой // другой // чужой», что вовсе не определяется описанием коммуникантов только возрастным параметром или принадлежностью к иной социальной группе, как показывают наблюдения, лежат дефекты полноценного восприятия и понимания вербального текста со стороны адресата в качестве участника акта коммуникации, с одной стороны, и осознания ответственности адресантом, создателем текста, за результат «изобретения» мысли и выбор средств языкового кода при ее вербализации — с другой стороны [Рождественский, 2003].

Необходимость формирования осознания требований этических императивов, сформированных в истории национальной культуры [Сорокин, 2008], выработка ответственности для каждого члена социума в любом типе акта коммуникации за вербальную деятельность, особая роль филолога — актуальные вопросы современного информационного общества.

Анализ социального портрета общества невозможен без исследований конкретных речевых актов коммуникации при учете всех этапов семиозиса — семантики, синтактики и прагматики [Моррис, 1983] — методами психолингвистики, что в нынешних условиях развития технологии, при наличии национальных корпусов разного типа в частности, позволяет выявить черты психолингвистического портрета поведения разных типов адресантов в текстах разных жанров — текстов, относящихся к разным видам и родам словесности в классификации логосферы. Естественно, такой речевой портрет создателя текста необходимо рассматривать с учетом выбора сценария поведения адресанта в отношении к определенному типу адресата, что предполагает создание типологии ролей участников коммуникации при анализе каждого коммуникативного акта и включение параметра типа прагматического воздействия — со стороны адресанта, а также введение степени владения навыками понимания — со стороны адресата.

Конечным итогом проведенного анализа речевого акта является обоснование вывода о степени понимания замысла адресанта при декодировании текста со стороны адресата в устной, письменной, печатной словесности и в СМИ в современной России.

Секция 5 ПРОБЛЕМЫ ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКИ

КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЗАПОМИНАНИЯ И РЕЧЕВОГО ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ СЮЖЕТНОГО МАТЕРИАЛА

О.Н. Арестова (Москва)

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
arestova@mail.ru*

Работа выполнена в рамках гранта «Кросс-культурные различия в способах когнитивной обработки вербального и образного материала» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 20-013-00674.

В докладе рассматривается вопрос о влиянии языка и культурного контекста на мнемическую деятельность, в частности, на запоминание и вербальное воспроизведение сюжетного видеоматериала. Была разработана методика вербального пересказа видеосюжета, предъявляемого без речевого и звукового сопровождения. Полученные результаты указывают на наличие культурной и территориальной специфики в запоминании и воспроизведении сюжетного материала. Показано, что значимость социальных и индивидуально-психологических факторов организации памяти меняется в зависимости от принадлежности человека к коллективистической или индивидуалистической культуре. Гипотеза исследования заключалась в большей значимости индивидуальных факторов запоминания у представителей русской культуры. В то же время предполагалось проявление социально-регуляторных факторов запоминания у представителей азербайджанской культуры как более коллективистической [Арестова, 2016].

В исследовании приняли участие 64 испытуемых, представители русской и азербайджанской культуры, проживающие в Москве и Баку. Сравнивались следующие группы: по культурной принадлежности (русские бакинцы — азербайджанцы бакинцы), по географическому критерию (русские москвичи — русские бакинцы), по культурно-географическому критерию (бакинцы (русские и азербайджанцы) — русские москвичи; азербайджанцы — русские москвичи).

Процедура исследования заключалась в просмотре четырехминутного видеоролика с сюжетом из художественного фильма, предъявляемого без звукового сопровождения, а спустя час испытуемые воспроизводили увиденное в форме устного рассказа. Полученные протоколы анализировались с применением параметров: 1) сюжетная связность; 2) моральная оценка; 3) детализация; 4) анализ мотивации; 5) описание переживаний; 6) фантазирование; 7) пропуск ключевых событий.

Результаты исследования показали, что при общей склонности всех испытуемых к сюжетной целостности эта тенденция более выражена у представителей русской культуры, проживающих в России по сравнению с жителями Баку вне зависимости от культуры. Тенденция к пропуску ключевых событий более выражена у принадлежащих к азербайджанской культуре. Обнаружены различия между представителями русской культуры, проживающими в Москве и в Баку по параметрам: сюжетная целостность, ошибочные опознания предметов. Эти данные говорят о сдвиге когнитивных механизмов в сторону основной культуры, т.е. наличие ассимилятивных тенденций

на уровне конкретных характеристик. Морализаторство более существенно выражено у представителей азербайджанской культуры, что подтверждает гипотезу о большем влиянии социально-детерминирующих факторов на когнитивные процессы [Miyamoto, 2013] по сравнению с индивидуальными.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ КИТАЯ И РОССИИ

Л. Ван, Х. Ли (Москва)

Российский университет дружбы народов

1042218053@pfur.ru, 1042215219@pfur.ru

Язык, вербальный и невербальный, играет центральную роль в жизни человечества, поскольку он является важным инструментом общения, переговоров, передачи или сохранения литературного и культурного наследия народа от одного поколения к другому. Каждый язык напрямую отражает культуру, которую он обслуживает. Местная литература фиксирует историческое развитие лингвокультурной общности на протяжении сотен и даже тысяч лет и сокровища древней и современной мысли. Литература является носителем культуры и мощным средством ее распространения, а также отражает господствующие в обществе ценности. В то же время культура является богатой духовной почвой для развития литературы. Поэтому взаимосвязь между языком, культурой и литературой настолько сильна, что изменения в одном в конечном итоге влияют на два других.

Каждая страна имеет свою независимую историю и особое направление культурного развития, свои ценностные ориентиры. Китай — древняя цивилизация, прошедшая через множество династических эпох. Россия — самый большой сосед Китая, и обе страны имеют свои уникальные географические особенности с обширными землями и природой, богатыми географическими и природными ресурсами. Природа страны обязательно находит свое отражение в ее литературе, причем не только в виде описания, но и в аспекте присущего лингвокультурной общности уникального аксиологического подхода. Сопровождая историческое развитие, русская и китайская культурные практики постоянно развивались, возник ряд авторских и народных литературных произведений. Со временем китайская и русская литература постепенно обрели свои собственные уникальные облики.

Однако глобализация приводит к тому, что вряд ли какая-либо культура в мире теперь существует независимо от других: они в определенной степени переплетены друг с другом. Хотя китайская культура и русская культура — это две совершенно разные и независимо развивающиеся культурные системы, Китай и Россия являются соседями, и долгосрочная межкультурная коммуникация между двумя странами была необходима на протяжении всей истории. Межкультурная коммуникация связана также со столкновением с базовыми ценностями чужой культуры: успешная коммуникация возможна только при условии понимания чужих ценностей и признании их права на существование. Таким образом, в различных культурных условиях двух стран постепенно сформировалось определенное культурное сходство. Это означает, что культурные сферы России и Китая имеют ряд точек соприкосновения и пересечения в своем независимом развитии. Следует отметить, что современная китайская литература в значительной степени находится под влиянием русской и советской литературы.

Культурный обмен между Китаем и Россией имеет долгую историю. Литература, как мост между двумя соседними странами, играет важную роль в развитии глубокой и прочной дружбы между двумя странами. В докладе анализируются тенденции развития литературы Китая, России и Советского Союза в хронологическом порядке и обсуждаются образы, ценности, национальная психология, народные верования и культура Китая и России в XIX и XX веках. Взаимопроникновение культур и литературы может улучшить взаимопонимание, обмен информацией, углубить чувства добрососедства, укрепить дружеские связи. Во-первых, культурные сходства и различия между двумя странами привели к некоторым сходствам и различиям в литературе двух стран в советский период. Во-вторых, во время движения новой культуры в Китае русская литература отвечала социальным и политическим потребностям Китая того времени, произошло некоторое сближение ценностей.

Таким образом, русская литература быстро распространилась и достигла небывалого процветания в Китае. Проанализировав влияние русской литературы на китайскую, можно прийти к выводу, что человечество всегда нуждается в литературе, которая является отражением духовного мира человека. Поэтому необходимо создание каналов и платформ для культурных обменов и использование этих обменов в целях углубления взаимопонимания между Китаем и Россией.

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ РУССКИХ И ТАТАР: ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВ *ДРУГ* И *ВРАГ*

А.Р. Гайсина (Челябинск)

*Южно-Уральский государственный университет
gaisinaar@susu.ru*

Образ мира (картина мира) — «это отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [Леонтьев, 1993, с. 18], и оно, с точки зрения А.А. Леонтьева, не тождественно ни понятию «языковая картина мира», ни понятию «когнитивная картина мира». Нужно отметить, что А.А. Леонтьев выделяет как особый «образ мира, соотносенный с особенностями национальной культуры и национальной психологии» [Там же. С. 19].

Языковое сознание определяется Е.Ф. Тарасовым как «образы сознания, овнешняемые языковыми знаками» [Тарасов, 1996, с. 10]. Главную причину непонимания в межкультурном общении он видит именно в различиях национальных сознаний коммуникантов, поскольку межкультурное общение — это всегда «общение носителей разных национальных сознаний» [Там же. С. 9].

В качестве экспериментальной методики в исследовании был использован свободный ассоциативный эксперимент. Испытуемыми были русские и татары, проживающие на территории Челябинской области, в Казани, а также в селе Муслимово.

Нами было проведено пролонгированное исследование, первый этап был осуществлен в 2011 году, а второй — в 2021 году. В эксперименте приняло участие 300 человек, женщины и мужчины, носители русского и татарского языка.

Каждая анкета, наряду со стимулами, включала в себя следующие параметры: пол (м, ж), национальность, возраст, родной язык, место проведения опроса, дата заполнения.

В результате анализа материалов эксперимента мы выявили несколько оппозиций: *друг-враг; свой-чужой; родной-иной*.

Мы отметили положительную тенденцию в изменении ассоциаций носителей русского языка. Если 10 лет назад на слово-стимул *враг* респонденты давали такие реакции, как: *чужой, татарин, гастарбайтер*, то сегодня татарин — это *друг, желанный гость, вкусный чай, Дамир, красивый*. Таким образом, можно отметить позитивное отношение двух народов друг к другу, также все чаще встречаются браки между носителями этих двух культур.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЗА МОСКВЫ В СТИХОТВОРЕНИЯХ ТУРЕЦКОГО ПОЭТА НАЗЫМА ХИКМЕТА РАНА

М.Г. Доган (Москва)

*Российский университет дружбы народов
merveguzindogan@mail.ru*

Турецкий поэт, прозаик, драматург, общественный деятель Назым Хикмет родился в 1902 году в городе Салоники, входящим в состав Османской Турции, и умер в 1963 году в Москве. Москва занимала ключевое место в творчестве Назыма Хикмета. Он приехал в Москву в 1920 году, получил здесь высшее образование в Коммунистическом университете трудящихся Востока. В 1951 году поэт эмигрировал в Советский Союз и до конца своей жизни прожил в Москве. Существенное влияние на поэзию Назыма Хикмета оказали идеи социализма, идеология, культура и быт Советской России.

В советский период творчества поэта (годы его пребывания в Советской России во время обучения в университете и после эмиграции в СССР) формируется образ Москвы. Данный образ складывается с помощью следующих лексических средств: топонимов «Красная площадь», «Кремль», «Мавзолей», «сад Эрмитаж», кулинаронимов «газированная вода», «мороженое», базовых лингвокультурных единиц «береза», «снег», «валенки», «балалайка».

Поэт рассматривает Москву как геокультурное пространство со своей особой спецификой. Назым Хикмет отмечает, что зима в Москве холодная, отличается минусовой температурой и обилием снега: «*Пришла зима. Я на Красной площади. Смотрю на термометр: семь ниже нуля. Баиня Кремля стоит на часах*» [Хикмет, 2013, с. 23], «*Снег сияет отблеском лунным. Мои валенки всё тяжелей*» [Там же. С. 219]. Московская природа восхищает поэта. В своем творчестве автор описывает Москву как город с большим количеством зеленых насаждений, бульваров, парков, садов, рощ, раскрывая тем самым геокультурные особенности Советской России и ее столицы: «*Я снял с себя идею смерти, надел на себя июньские листья бульваров... Меня ждет целое лето, московское лето... с деревьями Эрмитажа*», «*Снежной рощей иду я ночью, и березы дремлют вокруг*» [Хикмет, 2013, с. 218-219].

Лингвокультурная специфика образа Москвы вербализуется в произведениях Назыма Хикмета посредством лексических единиц и словосочетаний, подчеркивающих этнические особенности внешнего вида русских: «*Меня ждет целое лето, московское лето... с подрезанными чуть короче волосами твоими цвета соломы*» [Там же. С. 218].

Культура быта Москвы 1950-х гг. раскрывается в творчестве турецкого поэта посредством использования таких лексических единиц и словосочетаний, как

раскаленный асфальт, электрические лампочки, потные кинозалы, такси: «Меня ждет целое лето, московское лето со своим раскаленным асфальтом и камнем, со своей водой газированной и мороженым, со своими потными кинозалами, со своими такси... со своими электрическими лампочками, которые кажутся нам бумажными...» [Там же]. С их помощью Назым Хикмет не только описывает ритм столичной жизни, но и создает образ столицы СССР как образ густонаселенного, современного, высокотехнологичного мегаполиса с развитой инфраструктурой.

Образ Москвы в стихах Назыма Хикмета наполнен яркими и запоминающимися лингвокультурными деталями, которые позволяют читателям узнать жизнь столицы Советской России в середине XX века, познакомиться с ее культурными, урбанистическими, кулинарными, климатическими и географическими особенностями.

МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ

А.И. Забирова (Москва)

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
adilya.ru@mail.ru*

Сегодня, независимо от политических, философских и эстетических убеждений, каждый человек в той или иной мере находится во взаимосвязи с другими народами, культурами. Интерес к другой среде, постоянный диалог с Другим [Бахтин, 1994] — это новая реальность, в которой возникают самые разнообразные синкретические образования. Взаимодействие «своего» и «чужого» в развитии любой национальной литературы интересовало таких значимых исследователей, как А.Н. Веселовский, В.М. Жирмунский, Н.И. Конрад, Ю.Н. Тынянов. Одновременное сосуществование разнородных этнических и культурных групп на одной территории является основой мультикультурализма. Также под термином «мультикультурализм», по мнению С.П. Толкачева, следует понимать «полиэтнический контекст» литературной жизни в странах с большим числом народностей. Россия относится как раз к таким странам, ведь на одной территории здесь уживаются русские, татары, удмурты, чувашаи и другие народы.

Мультикультурный контекст литературы представляет собой репрезентацию культурной идентичности, знакомство с мультикультурными реалиями, которые «составляют этнокультурное различие, лежащее в основе опыта людей» [Толкачев, 2003]. Творчество современных татарских писателей, писателей-билингвов, русскоязычных писателей также может быть рассмотрено с точки зрения мультикультурализма. К ним можно отнести Р. Бухараева, Р. Кутуя, Р. Сабирова, С. Юзеева, Г. Яхину, Ш. Идиатуллина и других.

Роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» написан в 2015 году и переведен на 18 языков. В произведении подробно описывается жизнь татарской женщины Зулейхи Валиевой. Внимание привлекает лексика, связанная с татарской культурой, традицией и мифологией. Воссоздание национально-культурного колорита становится возможным благодаря описаниям духовной культуры народа, его обычаев и нравов. К ним относятся следующие подгруппы реалий: предметы быта, национальные блюда, одежда. Вот как автор описывает будни героев: «Муртаза каждую пятницу, крепко попарившись в бане, румяный, с тщательно расчесанной бородой, спешил в

юлбашскую мечеть на большой намаз, положить на выбритый до розового блеска череп зеленый бархатный тюбетей» [Яхина, 2015, с. 27]. Во всем тексте и, в частности, в данном фрагменте есть слова, отражающие культуру татарского народа, и которые можно разделить на несколько подгрупп. Это имена собственные (Муртаза — муж Зулейхи; юлбашская мечеть. Юлбаш — это название деревни, где жила героиня с семьей, которое дословно переводится как «начало пути»), национальные блюда и одежда — тюбетей, например, и быт, предметы быта этого народа. Перед читателями предстает образ татарина, мусульманина, верующего человека. Особенностью авторского стиля также является использование слов в оригинале, без перевода на русский язык: «Громкий треск материи — Мансурка срывает чаршау, отделявшую мужскую половину избы от женской, и довольно отряхивает ладони» [Там же, с. 23]. Слово «чаршау», переводимое как «занавеска», «штора», «ширма», используется в оригинале, как и слова сяке, тастымал, лэгэн, лэухэ, киштэ, палас, чабылдык и другие. Тем самым, данные слова представляют собой яркие единицы этнического своеобразия татарской культуры.

Таким образом, мультикультурный текст помогает донести до носителей разных языков особенности быта, обычаи, духовные ценности, наследие определенного народа, знакомит читателей с другой культурой.

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫХ ТЕРМИНОВ

В.В. Звягинцева (Курск)

*Юго-Западный государственный университет
viktoria.zviagintseva@yandex.ru*

Научно-технический перевод как вид коммуникативной деятельности является в соответствии с ФГОС одной из первостепенных задач преподавателя российского вуза. Существует диалектическое единство противоречий языка как знаковой системы. С одной стороны, это асимметрия формального и содержательного аспектов языкового знака, а с другой — стремление знаков к идеалу однозначного соответствия. Это особенно ярко проявляется в сфере специальной терминологии по сравнению с общеупотребительной лексикой. Достижение равновесия этих аспектов необходимо для относительной стабильности и успешного функционирования отраслевой терминологической системы в иностранном языке. Научная терминология в значительной степени зафиксирована отраслевыми словарями, включающими, как правило, большое количество терминов. Для перевода безэквивалентной терминологии обычно употребляются такие методы, как транслитерация, калькирование, описательный метод, приближенный перевод. В качестве метода перевода могут также использоваться структурно-уровневые и содержательные трансформации [Звягинцева, Логвина, Сахно, 2020, с. 82].

И всё же безэквивалентная лексика в необходимой отраслевой терминологии из года в год пополняется новыми единицами, заставляя переводчиков идти на всевозможные ухищрения, изобретать новые способы перевода [Звягинцева, 2011, с. 24]. Структурно-грамматический анализ с привлечением лингвокультурных маркеров языка — неотъемлемая часть обучения терминологии. Трансформационный анализ, разработанный в лингвистике для описания особенностей грамматической структуры языка, с успехом используется для введения, закрепления и контроля усвоения

изученных структур словосочетаний. Использование трансформационного анализа в процессе перевода текстов с безэквивалентной лексикой имеет ряд преимуществ перед другими методами: 1) введение и контроль усвоения лексических и грамматических структур русского языка позволяют свести к минимуму «присутствие» родного для студентов языка; 2) трансформация структур иностранного языка является более «активной», чем традиционный перевод. При этом сохраняется концентрация внимания на выделенном языковом объекте; 3) умение произвести синонимическую трансформацию, то есть найти в иностранном языке другую форму выражения мысли, не теряя при этом грамматическое значение слова, вносит в процесс перевода элемент активного запоминания, дальнейшего воспроизведения языковых элементов, что, в свою очередь, ведет к снятию психолингвистического барьера у студентов [Звягинцева, Кружилина, 2021, с. 118-119].

Таким образом, целесообразно привлечь достижения современной лингвистики, методы лингвистического исследования языкового материала, применение которых в процессе учебной деятельности гарантирует выявление различительных признаков тех или иных языковых явлений, встречающихся в научных текстах.

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

С.И. Малахова (Москва)

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
smalakchova@mail.ru*

В современном обществе процессы глобализации, связанные с унификацией духовной и материальной культуры, с развитием личного индивидуализма стали рассматриваться как тенденция потери значимости этнических факторов в жизни людей. Однако в конце прошлого столетия наметились процессы, связанные со стремлением отдельных людей и целых народов сохранить свою самобытность, уникальность бытовой культуры и осознание своей принадлежности к определенному этносу. В настоящее время этническое возрождение является одной из основных характеристик развития человеческого общества [Стефаненко, 2008, с. 7]. И если раньше исследователи были озабочены поиском универсальных закономерностей социального поведения, общения и взаимодействия индивидов, всячески подчеркивая инвариантность социально-психологических процессов во всех социальных и культурных контекстах, то на рубеже веков пришло осознание того, что «...мы рискуем, пренебрегая культурой, так как решающим для научного прогресса в XXI веке окажется международное сотрудничество» [Fiske, 2000, p. 313].

Множество примеров свидетельствуют о невозможности переноса социально-психологических концепций даже в пределах соседних государств, например из США в Канаду, что же тогда говорить о культурах, имеющих еще большие различия, например между Западом и Востоком. Результаты американских исследователей оказались нерелевантными в других культурах, и среди множества различий между культурами Запада и Востока были выделены два центральных фактора: отношение к соответствию и отношение к контексту. Оба фактора связаны с использованием средств коммуникации в межличностном общении. В низкоконтекстных культурах люди больше внимания уделяют *содержанию* сообщения, а именно *что* сказано, а не *как* сказано, поэтому их

коммуникация в меньшей степени зависит от ситуации. В высококонтекстных культурах коммуникация между людьми в большей степени зависит от *контекста* сообщения, от ситуативного и личностного фактора, т.е. *как* и *кому* передается сообщение [Triandis, 1994]. Низкоконтекстные культуры характеризуются когнитивным стилем обмена информацией, беглостью речи, понятийной и логической точностью высказываний. В высококонтекстных культурах наблюдается неконкретность и расплывчатость речи, доминирование некатегоричных и неопределенных форм высказывания (вероятно, может быть), рассуждения вокруг предмета дискуссии в деловых разговорах для лучшего понимания намерений партнера. В научной и художественной литературе в изобилии представлены примеры межкультурных различий, которые мешают людям понимать друг друга. Непонимание между представителями разных культур может возникнуть даже тогда, когда процесс общения происходит на одном языке, т.к. «... понимание текста предполагает не только знание языка, но также и знание мира» [Дейк, 1989, с. 161]. Речь является частью коммуникативного процесса, в реальной жизни наблюдается тесная взаимосвязь вербальной и невербальной коммуникаций, что еще более осложняет процесс взаимопонимания. Дальнейшие исследования в разных регионах мира привели к созданию индигенных теорий, учитывающих социальный и культурный контекст: ценности, нормы, систему верований конкретной этнической общности. Культурное разнообразие человечества увеличивается благодаря процессам миграции населения и приводит к тому, что большинство жителей планеты, кроме своей культуры, связаны с другими культурами, т.е. живут в гибридных культурах. Взаимопроникновение культур еще более осложняет работу исследователей, так как решение методологических проблем гибридных культур намного сложнее проблем изучения или сравнения дискретных культур.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВЕРСИЙ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ МОДНЫХ БРЕНДОВ

Е.В. Николаева (Москва)

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина

elena_nika@bk.ru

Одним из широко используемых инструментов межкультурной коммуникации в современном мире являются текстовые рекламные сообщения на вебсайтах международных компаний, поставляющих на глобальный рынок знаковые предметы потребления и стоящие за ними вербализованные ценности. Символическое наполнение рекламных текстов модных брендов складывается из глобального семантического «ядра» и национальных «оболочек», иногда достаточно сильно отличающихся в результате лингвокультурной «глокализации».

Значительный интерес вызывают психолингвистические аспекты трансформации исходных смыслов в предназначенных для разных стран электронных рекламных текстах международных компаний. По существу, речь идет о семантической неэквивалентности вербальных и паралингвистических «меседжей» для носителей различных языковых сознаний из-за несовпадения психолингвистических и социокультурных кодов и способов концептуализации и категоризации действительности.

В настоящем исследовании рассмотрены лексические компоненты рекламных

сообщений на англоязычных и русскоязычных версиях сайтов компаний, связанных с индустрией моды, таких как D&G, Levi's, Reebok, Nike и др. Кросс-культурный анализ психолингвистических особенностей национальных версий сайтов международных фэшн-брендов дает возможность выявить различия в эмоциональных, аксиологических и прагматических референциях «параллельных» рекламных текстов.

Самым сложным элементом символического послания в кросс-культурной рекламной коммуникации являются слоганы и рекламные заголовки, их перевод в национальных версиях нередко содержит как семиотический шум, так и намеренные трансформации смысла, обусловленные логикой иной лингвокультуры. Сложность подбора адекватных языковых средств приводит к тому, что многие слоганы в русскоязычных версиях зарубежных сайтов приводятся на языке оригинала. В подобных случаях потребитель либо превращается в своего рода инофона, либо происходит переключение «регистров» восприятия в иную лингвокультурную реальность с иной системой культурно-языковых образов.

Важным моментом является соотнесенность вербальных образов с национальными картинками мира и соответствующими лингвокультурными референтами. Чаще всего практикуется самый простой и распространенный способ создания иноязычных версий Интернет-сайтов — прямой перевод текстовых компонентов. В области фэшн-индустрии практически нет примеров брендов, у которых лингвистические блоки национальных версий были бы целенаправленно разработаны с учетом психолингвистических аспектов, характерных для разных языковых картин мира, т.е. по существу наблюдается игнорирование принципа мультикультурности в пользу унификации знаковых средств глобальной массовой культуры.

В этом смысле весьма любопытной представляется попытка учесть лингвокультурные различия на сайтах компаний Nike и adidas для разных стран. При этом вопрос когерентности русскоязычных слоганов русской ментальности остается открытым.

В целом можно констатировать, что психолингвистические особенности национальных языковых картин мира при выборе вербальных средств для создания рекламных сообщений на вебсайтах известных модных брендов для носителей разных лингвокультур учитываются в недостаточной мере, и национальные варианты рекламных текстов слабо соотносятся с психолингвистическими паттернами, присущими конкретным культурам.

О ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМАХ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «НАПИТКИ» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ)

Л.Х. Носиров (Ташкент)

*Узбекский государственный университет мировых языков
latif@inbox.ru*

Русский язык занимает особое место в тюркоязычных странах СНГ. В частности, М. Джусупов отмечал, что «... тюркский мир СНГ — многообразное полиэтничное и полиязыковое пространство» [Джусупов М., 2012, с. 41].

Проблемы регионального языкового многообразия следует рассматривать в тесной взаимосвязи языка и культуры. Лингвокультурология занимается изучением взаимосвязи языка и культуры и реализуется в системе лингвокультурологических

единиц — лингвокультурем. В соответствии с определением В. Воробьева, «лингвокультурема — это комплексная межуровневая единица, представляющая собой единство языкового и культурного содержания» [Воробьев, 2008, с. 45].

В работах ученых нашли отражение проблемы лингвокультурной интерференции как в монолингвальном, так и в би- и полилингвальном планах в рамках русско-тюркского билингвизма [Джусупов М., 2016, с. 22-34], тюркского символа в лингвокультурологии на материале художественных текстов [Джусупов Н., 2011, с. 13].

В качестве объекта исследования взяты лингвокультуремы русского и узбекского языков лексико-семантической группы «Напитки» на материале толковых словарей.

В ходе исследования на материале толковых словарей русского и узбекского языков, в частности, Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова и Толкового словаря узбекского языка под редакцией З. Магруфова, был проведен сопоставительный анализ лингвокультурем тематической группы «Напитки».

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова зарегистрировано 42 наименования напитков.

В двухтомном Толковом словаре узбекского языка (Ўзбек тилининг изоҳли луғати / под ред. З. Маъруфова) выявлено 34 наименования напитков.

В ходе анализа выявлено 11 соответствий, т.е. 11 билингвальных лингвокультурем.

Так, к билингвальным лингвокультуремам можно отнести такие наименования напитков, как *буза, вино, какао, квас, кисель, компот, коньяк, кофе, ликер, пиво, сидро*. Остальные же выявленные номинации напитков соответственно являются монолингвальными.

Таким образом, билингвальные лингвокультуремы не являются в полной мере языковыми единицами, относящимися исключительно к лексике одного языка. В большинстве случаев, номинации напитков, представленные в Толковом словаре узбекского языка, имеют русское происхождение или перешли в узбекский язык из других языков при посредничестве русского. К ним можно отнести такие лингвокультуремы, как *вино, какао, компот, коньяк, кофе, ликер, пиво, сидро*.

ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ С ЭТНОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ (НА МАТЕРИАЛЕ БРАЗИЛЬСКОГО РОМАНА «СФИНС»)

Р.И. Проклов (Москва)

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Fermoso@list.ru

В докладе рассматриваются лексические средства объективации этнического самосознания в художественном дискурсе. Междисциплинарный характер исследования позволяет отнести его к такой научной дисциплине, как «когнитивная поэтика», которая сочетает в себе разработанные когнитивными лингвистами методы категоризации человеческой речи и литературоведческие подходы к интерпретации художественных произведений [Тарасова, 2020].

В качестве материала исследования используется текст изданного впервые в 1911 году романа известного бразильского писателя Афраниу Пейшото (1876–1947) «Сфинкс» (A Esfinge). Сюжет художественного произведения посвящен истории, в которой главный герой — разорившийся помещик — вынужден работать, чтобы содержать свою супругу. Этнокультурная специфика данного текста связана с описанием сельского быта,

конвенциональных религиозных практик и общества той эпохи в целом. [Rosa, 2008].

Актуальность исследования обусловлена тем, что это первый случай в отечественной филологии фреймового анализа текста бразильского романа первой четверти XX века, а также первое исследование романа «Сфинкс», который в начале XX века был достаточно известен в иbero-американском литературном пространстве [Soares, 1963].

Доклад носит практический характер, в нем отражаются результаты количественного и качественного анализа фреймовой структуры текста произведения, также кратко обозначаются теоретические вопросы, связанные с бразильским художественным дискурсом первой четверти XX века.

Для анализа эмпирического материала нами используется фреймовый подход, в основе которого лежит тезис о том, что в человеческой памяти информация организуется в «структуру данных для представления стереотипических ситуаций, особенно при организации больших объемов данных» [Кубрякова, 1996, с. 187]. Такие структуры именуются фреймами, которые всегда «соответствуют вещам, всегда справедливым по отношению к предполагаемой ситуации» [Там же. С. 188].

Применение фреймового анализа к художественному произведению позволяет, с одной стороны, установить набор фреймовых структур, «соотносящихся с номинаторами речевых актов в лексиконе языка и языковой личности и хранящихся в когнитивном мире эмитента» [Никонова, 2007, с. 233], в данном случае писателя, а с другой — экстраполировать их на социокультурный контекст эпохи, в котором было порождено художественное произведение, и сделать вывод как о личности самого писателя, так и об общественных настроениях образованного класса.

В результате исследования установлен набор фреймов и их ячеек, который служит объективации этнического самосознания в тексте романа. Большинство лексики с этнокультурным компонентом объективирует повседневный быт и религиозные практики.

ТЕКСТ СКАЗКИ КАК СРЕДСТВО НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ «ПРОСТРАНСТВО»

С.И. Синяева (Курск)

*Курский государственный университет
svetasin@yahoo.com*

В настоящее время актуальными являются исследования, посвященные отражению разнообразных национально-культурных особенностей в текстах различной жанровой принадлежности. Поскольку категория «пространство» является одной из основных категорий жизни представителей любой культуры, то изучение национально-культурной специфики его восприятия видится вполне актуальным. Занимая определенное географическое место и обладая своеобразной историей, каждое национально-культурное сообщество стремится отразить в языковых формах окружающую действительность через специфические вербальные и невербальные средства, знакомящие представителей другой культуры с особенностями национального характера определенной народности.

Вся информация о культуре народа отражается в текстах различных жанров, которые выступают источником передачи социальной и культурной информации от народа к народу. Одним из таких текстов является сказка, которая, по мнению ряда ученых, «...

есть рассказ, отличающийся от всех других видов повествования специфичностью своей поэтики» [Пропп, 2000, с. 35], но при этом «простота сказки для восприятия не опровергает ее принципиальной семантической сложности, а свидетельствует лишь о том, что человек обладает соответствующим механизмом для ее освоения» [Цивьян, 1976, с. 209-210]. В сказках заложено знание человека о себе самом, о закономерностях антропосоциогенеза, но выражены эти знания в символической форме: <...> *Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок; Направо пойдешь — коня потеряешь, себя спасешь; налево пойдешь — себя потеряешь, коня спасешь; прямо пойдешь — и себя и коня потеряешь.*

Картина мира формируется у человека на протяжении всей жизни. Именно из сказки ребенок усваивает ту, которая впоследствии становится фундаментом дальнейшего развития представлений о пространстве. В основе сказочной картины мира лежит уникальная модель универсума, которая включает в себя физическую природу, живую природу, психику и культуру: *Je me demande, dit-il, si les étoiles sont éclairées afin que chacun puisse un jour retrouver la sienne. Regarde ma planète. Elle est juste au-dessus de nous... Mais comme elle est loin!* ссылка? перевод?

Категория «пространство», в свою очередь, в сказках представлена синкретично: она сочетает в себе физико-геометрические черты; отличается эгоцентричностью, структурированностью и территориальностью и др. Несмотря на сложность понятия, категория «пространство» богаче и комплекснее: «процесс познания пространства и его языковая форма усвоения ребенком начинается раньше, чем, например, процесс языкового усвоения понятия времени» [Wunderlich, 1985, p. 66-89].

Всё вышесказанное позволяет сделать вывод, что изучение особенностей набора языковых средств поэтического произведения и территории, на которой это произведение существует, с целью репрезентации категории «пространство» остается открытым из-за сложности пространственного фактора, но, с другой стороны, лексический и структурно-семиотический потенциал сказки убеждает в целесообразности дальнейшей работы по национально-культурной специфике категории «пространство».

RUSSIAN-VIETNAMESE DIALOGUE: HOW DO WE SEE EACH OTHER?

I. Yu. Markovina, A.A. Matyushin, I. Lenart (Moscow)

Sechenov University

H. Pham

Institute of Linguistics of Vietnam Academy of Social Sciences

The reported study was funded by RFBR and VASS, project number 21-512-92001\21.

The establishment of mutual understanding between different nations is important for the implementation of effective intercultural and interethnic dialogue and optimal interaction at various levels. It should be noted that the effective intercultural dialogue and optimal interaction between nations is impossible without deep understanding between representatives of contacting nations. For more than 70 years Vietnam has been one of Russia's key partners in the Asia-Pacific region. However, the complex linguocultural studies of mutual representations of the Russians and Vietnamese are scarce.

The concepts of consciousness and culture, together with the language activity concept,

are seamlessly combined within the concept of linguistic consciousness. The concept is developed by the Russian School of Psycholinguistics and is defined, in brief, as the reflection of activity stipulated by cognitive processes and the actualization of this reflection in communication. Utilizing the theory of linguistic consciousness as the methodological basis for our research, we postulate that, firstly, linguistic consciousness reflects the image of the surrounding world that exists in the language, and, secondly, it is determined by the specifics of the individual's national culture. As a result, intercultural misunderstanding commonly results from incongruence of the images of the world. Therefore, identification of differences between these perceptions, reflected in national cultures and languages, is possible using several quantitative and qualitative experimental techniques.

The above said calls out for a comprehensive study aimed at investigating the mutual representations of Russians and Vietnamese existing in the corresponding ethnic consciousness. The present paper reports the results of the preliminary stage of the international project "Mutual representations of Russians and Vietnamese in language and culture" supported by the RFBR. The purpose of this stage of the study was to reconstruct characterological portraits and self-portraits of the two nations.

The study participants were Russian ($n = 50$) and Vietnamese ($n = 42$) students of various specialties. Both groups of respondents were homogeneous in terms of age (average age — 20 years), as well as in terms of linguistic and cultural affiliation. The study utilized the questionnaire method of data collection. The main part of the questionnaire included two sections: "Russians as a people" and "Vietnamese as a people"; a maximum of five characteristics were collected per respondent for each section. The questionnaire was drafted in Russian, then translated into Vietnamese and validated. The responses were analyzed and grouped according to the principle of synonymy and semantic relatedness. In order to correctly interpret the results, the responses were assessed by the Russian-Vietnamese team of project researchers. The results of the assessment comprised characterological "portraits" and "self-portraits" of the Russian and Vietnamese nations.

The results obtained demonstrate similar approaches to the compilation of ethnic "self-portraits" by the respondents. First of all, both Russians and Vietnamese see themselves as *patient* (11.07% and 6.47%, respectively), *kind* (8.49% and 7.96%, respectively), *brave* (8.12% and 8.46%, respectively), *hospitable* (6.64% and 3.98%, respectively), *solidary* (4.43% and 12.44%, respectively) and *hardworking* (5.54% and 16.42%, respectively). It should be noted that Vietnamese respondents demonstrated tendency to attribute *solidarity* and *hard work* to their nation, whereas Russians see themselves as more *patient* and *hospitable*. The ten most frequently mentioned characteristics of the Russian "self-portrait" are *purposefulness* (10.33%), *strength* (7.01%), *courage* (6.64%) and *intelligence* (3.11%). For Vietnamese, these qualities include *patriotism* (6.97%), *respectfulness* (3.98%), *openness* (3.48%) and a number of individual characteristics (11.44%), for example, *fertility*.

As for the "portraits" of the nations, the characterological "portrait" of Russians only partially overlaps with their self-perception: only five out of ten most frequent characteristics (i.e., *patience*, *kindness*, *courage*, *hospitality*, and *solidarity*) were mentioned by the respondents from both nations. For example, the Vietnamese consider Russians more *open* people than the Russians tend to think of themselves (5.11% and 3.32%, respectively). Also, Russians are perceived by the Vietnamese as a *cheerful* people (*cheerfulness* — 7.95%), while Russians themselves are not inclined to think so (1.48%).

According to Russian respondents, *hard work* (15.79%), *kindness* (8.27%), and *cheerfulness* (8.27%) prevail in the characterological portrait of the Vietnamese. This only partly coincides with the opinion of the Vietnamese about themselves: *hard work* was the

most frequent (16.42%) and *kindness* was the fifth (7.96%) most frequently mentioned quality in the “self-portrait” of the Vietnamese. In contrast, *gaiety* and *optimism* combined amounted to only 1.5%.

A comment should be made on the individual characteristics that make up the “self-portraits” of the two nations. For Russians, their main characteristic quality is *patience*, and for the Vietnamese — *hard work*. The Russians also mentioned such minor characteristics as *passivity* and *beauty* in their “self-portrait”. The Vietnamese perceive themselves as *respectful* (3.98%), *saving* (1.49%), and *happy* (0.5%) people. The Russian respondents made up for the lack of knowledge and, perhaps, opinion about the collective characteristics of the Vietnamese people by references to *the specific appearance* of the Vietnamese (6.77%) and their *national food* (6.02%), whereas the Vietnamese — by mentioning the *appearance* and *material culture* of the Russians (0.57% and 2.84%, respectively).

In this study the authors further develop approaches to the investigation of ethnic identification and self-identification processes, generalized and for the first time theoretically interpreted by Yuri Sorokin in a series of works under the general title “Ethnic conflictology” [Sorokin, 2007]. The present study showed that the perception by other nation and self-perception only partially overlap in case of Russian and Vietnamese people, which is apparently also true for other contacting nations. The results of the study emphasize the importance of the research in the field of effective intercultural dialogue establishment, as it should be based on mutual understanding of partners in communication [Markovina & Sorokin, 2011]. The so-called “mental stereotypes” [Sorokin, 2007], revealed in the study of ethnic identification and self-identification processes, should be taken into account by those who develop intercultural relations and by those who participate in the intercultural communication.

Секция 6
БИ-, ПОЛИ-, ТРАНСЛИНГВИЗМ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПРАКТИКА

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ И ОСВОЕНИЕ
ЛЕКСИКИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ НА ПРИМЕРЕ ПСИХОЛОГИИ

А.С. Антипова, Г.В. Денисова, М.Д. Рабесон (Москва)
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
antipovaaline@gmail.com

Исследование посвящено условиям эффективной профессиональной подготовки студентов-психологов при изучении ими одного и более иностранных языков. Анализируется специфика формирования профессионального сознания психолога и овладение основным понятийным и терминологическим аппаратом психологической науки в контексте иноязычной подготовки.

Большую роль в формировании и различении базовых понятий играет язык. Зачастую, анализируя случаи употребления тех или иных слов языка, мы можем лучше понять их смысл. Так, например, А.Н. Леонтьев пишет о различии особенностей человека как индивида и человека как личности: «Наш язык хорошо отражает несовпадение этих понятий: слово личность употребляется только по отношению к человеку, <...> начиная с некоторого этапа его развития. При этом, хотя мы и не говорим о «личности животного» или «личности новорожденного», никто не затрудняется говорить о них как об индивидах» [Леонтьев, 1975, с. 134].

Язык отражает «понимание», которое является основой учебной деятельности. Научное знание зачастую не совпадает с эмпирическим, усвоенным в процессе накопления жизненного опыта и решения практических задач. Важной чертой «научного изложения» является то, что в него включены спорные вопросы, поскольку они всегда входят в состав науки. Такого рода вопросы очень важны для формирования понятий, так как, анализируя различные точки зрения, учащийся конкретизирует свое собственное понимание вопроса и в споре учится выражать свою позицию.

Непохожесть средств иностранного языка при сравнении с родным очевидна, но лишь раскрытие истинной сути этих различий с точки зрения их содержания может свидетельствовать о формировании многоязычной терминологической системы на основе сравнительно-сопоставительного анализа терминологических категорий.

В своем исследовании мы рассматриваем изучение иностранного языка с точки зрения движения от содержания языковых категорий к их оформлению при помощи иноязычных знаковых систем. Учащиеся на основе специальной работы с терминологическими единицами родного и иностранного языков формируют комплексное представление об *образе* психологической науки. Достигается понимание особенностей научно-исследовательских подходов и многоаспектности объективных явлений.

Группе студентов-психологов было предложено проанализировать англоязычные текстовые фрагменты, основанные на работах Л.С. Выготского, постулирующих, что «обучение ведет за собой развитие» (в англоязычной интерпретации “*learning leads development*”). Для обозначения высказанной идеи используется английский термин «learning» [Выготский, 2009, с. 32]. Студенты анализировали, адекватно ли использовать

английское «learning» при переводе термина «обучение», и как соотносятся в контексте концепции Л.С. Выготского английские «learning» и «teaching». Раскрытие структуры терминологического аппарата изучаемой области позволяет развивать профессиональную картину мира студентов через деятельность по сопоставительному анализу полилингвальных терминосистем.

РОЛЬ СЛЕНГА В ОСВОЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА УЧАЩИМИСЯ УЗБЕКОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Э.С. Велишаева (Ташкент)

Узбекский государственный университет мировых языков
elvina.well@mail.ru

Русский язык в Узбекистане является общеобразовательной дисциплиной и изучается практически на всех уровнях системы непрерывного образования. Несмотря на это уровень владения русским языком у студентов групп с узбекским языком обучения разный: от нулевого — до уровня С1. Такое положение усложняет процесс обучения, потому что преподавателю русского языка приходится работать одновременно с разноуровневой аудиторией. Попадая на студенческую скамью обучающиеся, слабо владеющие русским языком, на занятиях по одноименной дисциплине оказываются погружены в русскую языковую среду, в связи с чем испытывают дискомфорт, поскольку вузовская программа оказывается для них сложной. С первых же занятий такие студенты если не втягиваются сразу в учебный процесс, если недостаточно мотивированы, то пытаются игнорировать занятие, не выполнять задания, отвечая «не знаю», «не понимаю», «нас не учили». Однако при общении с ними выясняется, что они знают и, более того, употребляют в речи значительное количество русских слов, не отдавая себе в этом отчет. Большая часть из знакомой им лексики приходится на молодежный и студенческий сленг. Усвоение его начинается с первых дней пребывания в вузе, поскольку первокурсникам приходится вступать в контакт друг с другом, с работниками деканата, слыша и усваивая при этом как общеупотребительные русские слова, так и сленг (*пара, зачетка, (не)допуск, староста, универ, иняз, физкультура, замдекан* и др.). Исследование этого явления с точки зрения психолингвистики представляет большой интерес, поскольку психолингвистика «акцентирует внимание на специфике функционирования языковых знаний, которые нужны человеку не сами по себе, а в качестве средства познания и общения; к тому же язык как достояние индивида не может существовать (усваиваться и использоваться) в отрыве от других психических процессов человека, включенного в определенное физическое и социальное окружение» [Залевская, 2007].

При проведении опроса для выявления причин использования русского сленга были получены следующие результаты: 1) новый статус (*я уже не школьник*); 2) «свой» — самоутверждение и утверждение в коллективе (*все так говорят*); 3) элемент бравады (*знаю, говорю, как владеющие русским языком ровесники*); 4) один из этапов освоения русского языка (*стараясь изучать русский и использовать его в речи*). Причинами выбора именно этого русского слова были названы: 1) спонтанность — (*первым пришло в голову*); 2) экономия языковых средств (*так короче: староста — ‘guruh sardori’; замдекан — ‘dekan muovini’*); 3) частотность в речи окружающих (*все так говорят*); 4) понятность всем участникам коммуникативного акта (*всем понятно*).

Таким образом, использование студенческого жаргона подтверждает его статус самостоятельного социального диалекта [Шмачков, 2005, с. 6]. Однако вклинивание слов русского студенческого жаргона в речь на родном (узбекском) языке придает ему новый статус, исследование которого еще предстоит.

БИЛИНГВИЗМ И БИКУЛЬТУРНОСТЬ ПСИХООБРАЗОВ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

М. Джусупов (Ташкент)

*Узбекский государственный университет мировых языков
mah.dzhusupov@mail.ru*

Психообразы языковых единиц, культурных ценностей в сознании индивида и социума (И.А. Бодуэн де Куртенэ), билингвизм и межкультурная коммуникация тесно взаимосвязаны, взаимообусловлены. И билингвизм, и бикультурность, и полилингвизм, и межкультурная коммуникация формируются и функционируют на основе статических и динамических свойств, психообразов единиц языка, которые являются инструментарием изучения, совершенствования и осуществления внутриэтнических и межэтнических взаимоотношений. Межъязыковое и межкультурное общение (так же как и внутриэтническое) могут сопровождаться использованием невербальных средств коммуникации, что зависит от целей и задач межэтнического общения и уровня билингвальности и бикультурности участников коммуникации.

Билингвизм и межкультурная коммуникация — явления общечеловеческого характера. В зависимости от объема социальных функций билингвизма и межкультурной коммуникации психообразы языковых единиц и культурных ценностей в сознании участников межэтнического общения могут быть достаточными для осуществления коммуникации на больших территориях мира (например, психообразы единиц английского языка и культуры в сознании инофонов). Или же на основе психообразов единиц русского языка и культуры в сознании инофонов осуществляется межкультурная коммуникация на территории Евразии и прежде всего между гражданами стран СНГ. Межэтнические коммуникации могут быть и менее обширными, локальными. Например, для осуществления межкультурной коммуникации на юге Казахстана, где проживают казахи, узбеки, русские, таджики и представители других народов, в сознании которых сформированы психообразы языковых единиц языков и культур родного, казахского и русского менталитетов. Они, как правило, трилингвы. Межкультурная коммуникация осуществляется в большинстве случаев на казахском или русском языках. Таким образом, билингвизм, психообразы языковых единиц неродного языка и соответствующей неродной культуры в сознании инофонов и процесс межкультурной коммуникации имеют территориальные и межэтнические особенности как по языкам и культурам, так и по географическим и государство-образовательным показателям.

Русский язык, освоенный билингвальными инофонами СНГ с соответствующими культурными ценностями, реализуемый в настоящее время в би- и полилингвальном планах на уровне межкультурной коммуникации и сформированный в сознании инофонов Евразии в качестве доминанты психообразов неродных языковых единиц и показателей культуры, начинает претерпевать некоторые изменения. Эти

изменения связаны с началом сужения его распространенности на территории СНГ, а следовательно, и с уменьшением объема русскоязычных и русскокультурных психообразов в сознании инофонов и заметной нейтрализацией их доминантности в процессе межкультурной коммуникации, когда это «свободное место» начинают занимать, как правило, англоязычные психообразы языковых единиц и культуры.

Этот процесс (процесс американизации, британизации) еще слаб и функционирует в локальных условиях (профессиональная деятельность в науке, культуре, в СМИ, в шоу-бизнесе и т.д.), поэтому в ближайшей, по всей видимости, и в дальнейшей перспективе инофонно-русский билингвизм, бикультурность, соответствующая межкультурная коммуникация будет доминировать в постсоветском пространстве.

СТАТИКА И ДИНАМИКА ЯЗЫКА (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

А.Б. Ибрагимова (Ташкент)

*Узбекский государственный университет мировых языков
arzayim97@mail.ru*

Язык в статике и динамике функционируют как единое целое. Динамический аспект языка является функциональной основой овладения и владения как родным, так и неродным языком. Таким образом, динамика языка присутствует и в монолингвальной, и в билингвальной речевой деятельности. Последняя формирует межкультурную коммуникацию. Межкультурная коммуникация осуществляется на основе знания второго языка. Поэтому знание иностранного языка является одной из основ познания культуры, ценностей другого народа. Навыки межкультурного общения включают в себя готовность адаптироваться и понимать тот факт, что представители других культур могут общаться и вести себя по-другому [Джусупов М., 2002]. Объясняется это тем, что в сознании каждого представителя народа сформированы психообразы языковых единиц и их сочетания родного языка, которые и обеспечивают единое восприятие и воспроизведение мыслей, понятий и т.д. [Джусупов М., 2001].

Формирование психообразов языковых единиц неродного языка осуществляется или в естественной языковой среде, или в учебном процессе. Во втором случае в этом процессе функционирует система учебно-языковых заданий, которая строится на основе учета различий родного и неродного языков [Азимов, Щукин, 2009; Джусупов М., 2010; Щукин, 2006].

Итак, динамический аспект языка, как и статистический аспект, у представителей разных народов имеет сходства и различия. Различия доминируют, что и порождает речевую и межкультурную интерференцию. Формирование нормативных психообразов единиц неродного языка в сознании билингва долгий, но прогрессирующий процесс, вводящий билингвальную личность и социум в сферу межъязыковой и межкультурной коммуникации. Этот процесс осуществляется в связи с тем, что индивид и социум становятся двуязычными, и межкультурная коммуникация сопровождается билингвизмом. Итак, язык — это инструментарий билингвизма, полилингвизма и межкультурной коммуникации, что проявляется при осуществлении коммуникативно-речевой деятельности.

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БИЛИНГВОВ

*Л.Р. Мустафина, А.Ф. Ханова (Набережные Челны)
Набережночелнинский институт КФУ
LRMustafina@kpfu.ru, ahan.85@mail.ru*

При исследовании вопросов билингвизма, в частности для оценки языковых компетенций билингвов, в современной науке используются объективные и субъективные методы. К объективным методам относятся различные батареи тестов, проводимые исследователем, к субъективным — самоотчет, который заполняется респондентом самостоятельно.

Среди наиболее популярных тестов оценки речевой компетенции упоминаются Мультилингвальный тест на название [Multilingual Naming Test; Gollan et al., 2012], Бостонский тест на номинацию [Boston Naming Test; Guildford, Nawojczyk, 1988; Kaplan et al., 1983], Иллинойский тест психолингвистических способностей [Illinois Test of Psycholinguistic Abilities, ИПА; Kirk et al., 1968], картиночный тест проверки словаря Пибоди [Peabody Picture Vocabulary Test, PPVT; Dunn & Dunn, 1981; 1997].

Мультилингвальный тест на название (Multilingual Naming Test (MINT)) представляет собой набор из 68 черно-белых штриховых и цветных рисунков, каждый из которых испытуемый должен назвать за отведенное время. Изображения располагаются в порядке усложнения. Стимулы относятся к различным областям использования, при этом учитываются особенности исследуемых языков. Как правило, не используются когнаты, чтобы исключить влияние одного языка на другой. Также изображения для названия относятся к среднему уровню языковой сложности, в отличие, например, от Бостонского теста, разработанного для монолингвов [Kaplan et al., 1983], т.к. навыки названия у билингвов ниже, в особенности на недоминантном языке.

В отечественных исследованиях билингвизма на данный момент не используется тест на название изображений, например Multilingual Naming Test, т.к. эта работа требует не только адаптации на национальные языки РФ, но и стандартизации батареи тестов. Таким образом, в большинстве случаев российские исследователи прибегают к субъективному методу оценки языковой компетенции — методу самоотчета. В социолингвистике данный метод представлен языковым дневником, включающий вопросы о том, какой язык является родным для респондента, на каких языках он говорит в семье, с коллегами и т.д. Однако на данный момент отсутствует стандартизированная форма самоотчета на русском и национальных языках РФ. При этом термин «родной язык» неоднозначен (см. подробнее [Сомин, 2021]), таким образом, необходима более детальная расшифровка вопросов, которая помогла бы исследователям установить, какое значение вкладывает в этот термин респондент.

В зарубежной науке ученые также не отказываются от проведения самоотчета при проведении исследований билингвов, для этого часто применяется опросник языкового опыта и навыка языка — Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q) [Marian et al., 2007], разработанный Northwestern Bilingualism & Psycholinguistics Research Laboratory. Это проверенный инструмент анкетирования для сбора данных о навыках и опыте, о которых сообщают сами двуязычные и многоязычные носители в возрасте от 14 до 80 лет. Он доступен на более чем 20 языках и может быть

представлен в цифровом формате, в бумажном, а также в формате устного интервью. LEAP-Q используется исследователями в различных дисциплинах (психология, неврология, лингвистика, педагогика и т.д.) для предоставления исчерпывающего описания двуязычных участников, для обоснования разделения двуязычных на группы (например, ранние и поздние билингвы) и для проверки участников на адекватный или пороговый уровень владения языком. LEAP-Q включает в себя заполнение анкетных данных, оценку знаний и давности использования языка вместе с самооцениванием владения языком.

Таким образом, при проведении эмпирических исследований с участием билингвов необходимо принимать во внимание наличие стандартизированного инструментария для оценки их языковой компетенции. Необходима адаптация и стандартизация объективных и субъективных форм оценки языковой компетенции на русском языке и национальных языках РФ. Обозначенные вопросы демонстрируют имеющиеся лакуны в российских исследованиях билингвизма и являются перспективными направлениями для будущих исследований: как подчеркивает Ф. Грожан, «во всем мире больше людей говорят на нескольких языках, чем на одном» [Grosjean, 2021].

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «СВОЙ — ЧУЖОЙ» В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКО-НЕМЕЦКИХ БИЛИНГВОВ

*Т.С. Падерина (Иркутск)
Иркутский научный центр СО РАН
jana-pad@mail.ru*

Условия глобальных процессов задают новые рамки коммуникации в обществе и со временем становится очевидным, что взаимосвязь социальных процессов и развития личности усиливается. Под воздействием социальных трансформаций меняется сознание человека, которое определяет его психическое своеобразие.

Развитие научной мысли в исследовании языкового сознания человека в период знаковых социальных изменений представляет определенный интерес по причине важности изучения специфических черт языка как результата нового опыта в жизни человека. Осмысление ценности и новых смыслов базируется на сравнении «старого» и «нового», «своего» и «чужого». Опорой для сравнения и сопоставления в исследовании языкового сознания являются концепты. По мнению Ю.С. Степанова, «это противопоставление в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов, 2004, с. 124].

Доклад посвящен изучению оппозиции «свой — чужой» в языковом сознании носителей русского и немецкого языков.

Архетипический характер оппозиции «свой — чужой», позволяет максимально четко представить степень принятия/непринятия общественных трансформаций, спрогнозировать поведение человека и оценить возможные социальные риски.

В нашей работе мы рассматриваем оппозицию «свой — чужой», опираясь на такие понятия, как билингвизм, билингвальная языковая личность, языковая картина мира, языковое сознание, художественный билингвизм, интеркультурная коммуникация билингвальной языковой личности.

Проблеме формирования и функционирования оппозиции «свой — чужой» в языковом сознании посвящены работы таких исследователей, как Т.Н. Ушакова, А.А. Леонтьев, С.Е. Никитина, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева и др.

Целью исследования является выявление общего и специфического в содержании концептов «свой — чужой» на материале художественных текстов билингвов.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

- изучить специфику восприятия окружающей действительности автором-билингвом художественных текстов;
- проанализировать художественные тексты русскоязычных немцев как комплексную единицу, позволяющую исследовать когнитивный и языковой аспект речемыслительной деятельности представителя художественного билингвизма.

В качестве языкового материала нами были использованы художественные произведения русско-немецких авторов Вальдемара Вебера («101-й километр»; далее везде — Рассказы), Марии Шефнер («Медвежий угол»), Владимира Каминера («Russendisco» — «Русская дискотека») и другие авторы, где наиболее ярко отражены психологические реакции на социальные изменения в общественном укладе Германии XX-XXI веков. Тщательное описание вербализированной оппозиции «свой — чужой» позволило указать на возможные изменения исследуемой концептосферы и дополнить набор лингвостилистических средств для формирования образа «своего» и «чужого».

Общий объем проанализированных в ходе работы контекстов — более 100, метод исследования — метод сплошной выборки, системный и сопоставительный анализ, а также метод лингвистического наблюдения.

Вопросы, связанные с изучением реализованного в языке свойства человеческого мышления структурировать изменения, происходящие в окружающем мире, на антонимические пары, представляет определенный интерес в рамках психолингвистики и социолингвистики. Исследование архетипического в сознании человека, которое не поддается заимствованию и освещает самое глубинное, свойственное целому языковому сообществу, требует дальнейшего научного освещения.

ПРАКТИКА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПИСЬМЕННОГО БИЛИНГВИЗМА КАК МЕХАНИЗМ ТРАНСЪЯЗЫЧИЯ

Н.С. Сергиева (Сыктывкар)

Сыктывкарский государственный университет

им. Питирима Сорокина

nsergieva@yandex.ru

Языковая практика билингвов получила наименование трансъязычия, под которым понимается использование всего коммуникативного репертуара говорящего, в результате чего языки и культуры плавно перетекают друг в друга. Транслингвальный подход к исследованию языка делает акцент на язык как практику. В социолингвистическом плане транслингвальные образования присущи не одному какому-то индивиду, а целому речевому социуму. Однако именно индивидуальное исследование явлений транслингвальности, на наш взгляд, позволяют раскрыть механизмы взаимодействия языков и культур. Языковая биография личности как онтология иноязыкового бытия [Бахтикиреева, 2016, с. 77] как научное понятие, не дидактическое, тесно связана с изучением языковых контактов, следствием которых, в частности, является би-, поли- и транслингвизм.

В яркой личности Питирима Сорокина, выдающегося российского и американского социолога XX в., неординарный жизненный опыт определил особенности его научного мировоззрения, неотделимой частью этого единства является его транслингвальное иноязыковое бытие, его языковая судьба.

Письменная речь является универсальным средством осуществления мыслительной деятельности человека. Сознательный анализ средств письменного выражения мысли представляет собой одну из существенных психологических характеристик письменной речи. Во внутреннем плане она мыслится, а не произносится. Это речь-монолог, осознанный и произвольный, «контекстный» по своему содержанию и избирательно «языковой» по средствам его реализации. Позволяя многократное обращение к уже написанному, письменная речь обеспечивает полноценный интеллектуальный контроль за протекающими операциями. Всё это делает письменную речь мощным орудием уточнения и отработки мыслительного процесса. Поэтому она используется не только для того, чтобы передать уже готовое сообщение, но и для того, чтобы создавать его на основе уточнения, «обработки», «шлифовки» передаваемого в конечном речевом произведении мысленного содержания.

Как показывают рукописные материалы Питирима Сорокина из архивов Канады и США, его мысль на различных этапах подготовки письменного текста не была скована формами только конкретного языка. Механизм речемыслительной деятельности требовал использования нескольких языков, точнее некоего смешанного метаязыка, в котором важнее мысль, чем форма. Отсюда переключение кодов как в пределах фразы, так и целого текста, эллиптические конструкции, незаконченные предложения, ключевые слова и пометы, служащие опорой для создания конечного текста, собственная система сокращений. По сути дела это первичный словесный конспект будущего текста, наполненный личностными смыслами, понятными только самому автору. Перед нами творческая лаборатория ученого, в которой живет его мысль, его «кухня», не предназначенная для чужих глаз.

Как показывают материалы архивных записей, русский язык активно используется ученым на подготовительных этапах, при изучении, отборе и оценке научных источников для создания конечного научного или учебного текстового продукта на английском языке. Принятая Питиримом Сорокиным практика использования русского и английского языков на этапе подготовки сохраняется на протяжении длительного времени независимо от срока его проживания в США и места работы. Бессознательно на подготовительных этапах научной работы ему было удобно «думать по-русски».

ГИПЕРОНИМ «РОДНОЙ ЯЗЫК»: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПРОБЛЕМЫ

*А.Ф. Ханова (Набережные Челны)
Набережночелнинский институт КФУ
ahan.85@mail.ru*

На сегодняшний день термин «родной язык», являясь гиперонимом (umbrella term), содержит противоречия не только в отечественной научной терминологии, но и в обыденном сознании граждан. В национальных республиках РФ под понятием «родной язык» исторически подразумевали национальный язык в разной градации значения: от усвоенного первого языка в детстве и полной языковой компетенции до статуса языка собственной этнической принадлежности без его овладения.

В ситуации отсутствия языковой компетенции этнический язык в сознании индивида может получить особый символический статус, который также варьируется различной степенью эмотивной валентности. Таким образом, в современной отечественной психолингвистике наблюдается тенденция отказа от термина «родной язык», так как он включает в себя определенную эмоциональную составляющую. Об особом отношении к родному языку говорят и социологические исследования: «для населения родной язык представляет очевидный интерес и вмещает вполне обозримый набор определений «язык детства, семьи, родственников», «язык постоянного пользования», «язык страны, региона, государственный», «национальный (этнический) язык» и т.д. [Степанов, 2019, с. 143]. Психолингвистические исследования указывают также на то, что «в различных регионах РФ степень распространения национальных языков и их знания людьми, определяющими свою идентичность по национальному языку, неравномерна. В частности, типичным является фактическое незнание родного языка при определении своей идентичности по национальному признаку, при указании национального языка в качестве родного, а также двойная этническая и языковая идентификация» [Балаясникова, Уфимцева, 2019, с. 101].

На неоднозначность термина «родной язык» указывает и А.А. Сомин: «родной язык многозначен и покрывает целое семейство терминов — *этнический язык, титульный язык, основной язык, материнский язык, первый язык*, среди которых есть как те, которые в определенных контекстах и у определенных авторов будут синонимами, так и те, которые могут обозначать разные явления, но при этом все могут быть заменены на зонтичный *родной язык*» [Сомин, 2021, с. 14].

В зарубежном научном дискурсе функционируют различные термины для обозначения родного языка (*mother tongue*): *heritage language* (язык своей культурно-этнической принадлежности), *native language* (язык, который усваивают в детстве и, как правило, владеют им в совершенстве), *L1* (первый язык, родной язык). В российской науке, как было сказано выше, мы наблюдаем агрегирование различных форм существования языка в одно понятие. Так, в «Словаре социолингвистических терминов» понятие «родной язык» включает четыре определения: 1) материнский язык; 2) этнический язык; 3) функционально первый язык; 4) национальный язык — язык любого народа РФ, кроме русского [ССТ, 2006, с. 187]. Следует особо подчеркнуть, что в связи с внесением изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», который вызвал широкий общественный резонанс и стал обозначаться в научном дискурсе как языковой конфликт 2017-2018 гг. [Цит. по: Хилханова, 2020, с. 781], родной язык перестает соответствовать дефиниции п. 4 вышеуказанного словаря. Кроме этого, в связи с вышеуказанным этнолингвистическим конфликтом, вследствие которого стал возможным выбор русского языка в рамках дисциплины «Родной язык» и усиление роли русского языка в Конституции при помощи идеологемы «язык государствообразующего народа», что привело к конкуренции русского языка и этнических языков, воспринимаемых как родные [Арутюнова, 2021, с. 118]. При этом конкуренция происходит не в пользу общенационального языка, что усиливает символическую роль родных языков как идеологических конструктов. Кроме этого, «данное противопоставление сформировало и закрепило повседневные языковые практики и стало базовым для активистских дискурсов и идеологий этнических национализмов» [Там же]. На устойчивый тренд возрастания общественной ответственности за судьбу родного языка, который проявляется в том числе и в дискурсе языковых активистов, указывают многие исследователи [Хилханова, 2020, с. 775; Нигматуллина, 2021, с. 156; Арутюнова, 2019].

Таким образом, неоднозначность термина «родной язык» приводит, с одной стороны, к определенному диссонансу в сознании обывателя, с другой стороны — к коммуникативной помехе, в частности в политической риторике и дискурсе СМИ. На наш взгляд, обновление терминологического аппарата необходимо и для анализа результатов Всероссийской переписи населения 2021, в которой вопросы о том, какой язык респондент считает родным, каким языком владеет и на каких языках говорит в повседневной жизни, демонстрирует различную семантику термина «родной язык».

ПРОБЛЕМЫ НЕСБАЛАНСИРОВАННОГО ДВУЯЗЫЧИЯ У САХА (НА МАТЕРИАЛЕ ЯКУТСКОГО АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ)

*И.С. Хохолова, А.П. Васильева (Якутск)
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
iskhokholova@mail.ru, alinavasilyeva88@gmail.com*

Работа выполнена в рамках реализации гранта Правительства Российской Федерации № 075-15-2021-616 на 2021-2023 гг. «Сохранение языкового и культурного разнообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации».

Сегодня в связи с глобализацией и урбанизацией, языки малых народов теряют свою значимость, становится более прерогативным социально престижный язык.

С целью изучения транслингвизма и выявления их факторов влияния в ассоциативно-вербальной сети (далее — АВС) сахаязычных билингвов (на материале якутского ассоциативного словаря) за основу анализа были выбраны частотные эквивалентные реакции респондентов — сахаязычных билингвов, которые были даны на русском языке с указанием слов-стимулов и их количества.

Из общего количества полученных 13987 реакций в якутском ассоциативном словаре (<http://adictsakha.nsu.ru>) 1849 реакций (при первом упоминании) на стимулы якутского языка были даны на русском языке, что составляет 13,22% от общего количества реакций в целом.

В АВС всего получены 311 частотных эквивалентных реакций на русском языке на слова-стимулы якутского языка. Эти 311 частотных эквивалентных реакций являются реакцией для 431 разного стимула на якутском языке. При этом 311 реакция рассматривается нами только при первом своем упоминании. Также нами не были рассмотрены слова-реакции на русском на слова-стимулы якутского языка, которые встречаются один раз — единичные реакции. Единичные реакции на русском языке составили всего 2030 слов.

Также среди реакций выделяются отдельно реакции-слова, не имеющие эквивалентов в якутском языке (268 реакций), заимствованные и передающиеся обычно на якутском языке в последнее время без изменения.

Реакции, которые возникают на втором (русском) языке на слово-стимул родного (якутского) языка у испытуемых саха могут быть вызваны, прежде всего, экстралингвистическими факторами, т.е. внешними факторами (53,5%), связанными со знаниями общенациональной российской культуры, под влиянием которых происходят отбор и организация языковых средств.

Следует отметить, что реакции, относящиеся непосредственно к устройству самого языка, его уровневой структуры, грамматики в широком смысле слова и лексики с

ее многослойной стратификацией, с ее сложной системой зависимостей составляют 10,9%.

Мы видим изменения в элементах структуры якутского языка под влиянием русского языка, имеющего высокий статус как государственного языка страны, языка образования, бизнеса и культуры на национальном уровне и конкурирующего с якутским языком в Республике Саха (Якутия), имеющим статус государственного языка, но не имеющим официального статуса за пределами республики. Мы можем рассматривать это как показатель несбалансированного двуязычия у носителей саха-билингвов через призму перевода, когда билингвы (полилингвы) способны переключаться между языками, и различные языки формируют их репертуар как интегрированную систему. К тому же для сахаязычных билингвов русский язык более удобен в качестве реактивного в целях экономии времени, что соответствует нынешнему образу жизни, требующему мобильности, динамичности в условиях глобализации.

МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ ПИСЬМЕННОГО БИЛИНГВИЗМА У ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

О.Б. Чеснокова (Москва)

Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова

olgach1234@googlemail.com

В идеале, **сбалансированный билингвизм** — это способность продуцировать устную и письменную речь, использовать их в зависимости от требований коммуникативной ситуации, с легкостью переключаться с одного языка на другой, не смешивая при этом системы разных языков [Чиршева, 2000; Андреева, 2009]. Исследователи билингвизма подчеркивают, что степень сбалансированности языков может варьироваться на протяжении всей жизни в зависимости от изменяющихся обстоятельств, таких как смена места жительства, смена образовательного учреждения, психосоциальная и личностная идентичность. Определение степени сбалансированности языков приобретает важное значение для биэтнических билингвальных семей (русско-немецкие и русско-английские семьи), особенно в ситуации, когда такие семьи в силу, например, профессиональной необходимости перемещаются из страны в страну. В этом случае дети школьного возраста должны не только адаптироваться к новым системам образования, но и полноценно функционировать на доминирующем школьном языке, на котором ведется школьное образование, предъявляющее в любой стране высокие требования к владению письменной речью. В такой ситуации поддержание письменной речи на недоминирующем нешкольном языке является чрезвычайно сложной задачей, требующей индивидуальной траектории развития обучения. Сбалансированный и несбалансированный билингвизм в контексте речевого общения и чтения изучен достаточно подробно, однако письменный билингвизм изучен гораздо в меньшей степени.

Важное значение для построения индивидуальной траектории обучения и развития является определение степени сбалансированности владения письменными языками (например, язык школьного обучения и семейного общения). С этой целью мы

использовали в письменной форме модифицированный **субтест на семантическую гибкость из методики ассоциативных рядов** [Thurstone & Thurstone, 1962; Benton, 1967], которая в последнее время является не только частью нейропсихологических обследований [Ахутина и др., 1989; 1996], но и используется в исследованиях по билингвизму [Ostrosky-Solis et al., 2007; Grogan et al., 2009; Bialystok et al., 2012]. Им тестируются семантические способности билингвов для определения того, являются ли дифференциальные эффекты семантической беглости (знание словарного запаса, хранение и извлечение долговременных семантических и лексических знаний, стратегический поиск и переключение с одного языка на другой) одинаковыми или разными для первого языка (L1) по сравнению со вторым языком (L2). Этот субтест был нами модифицирован (1) на основе использования **приема дидактического синквейна** (в контексте определенной коммуникативной задачи к определенной семантической категории подобрать прилагательные и глаголы по четкому алгоритму) и дополнен (2) задачей составить **одно развернутое предложение** на тему этой семантической категории. Задания выполнялись младшими, средними и старшими школьниками в течение 1 минуты в письменной форме на двух языках, очередность которых определялась самостоятельно участниками исследования. Для оценки сравнивались ошибки, допущенные на каждом языке, очередность выбора языков и переключение с одной языковой системы на другую, временные параметры, беглость и продуктивность в рамках каждого задания на лексическом и синтаксическом уровне на каждом языке, образность языка, длина и структура предложения, его смысловые характеристики, уровень владения каждым языком (понимание лексико-грамматических отношений между членами предложения; актуализация накопленного словаря; письменное оформление связности и четкости в построении предложения; анализ и синтез словесного состава предложения; способность порождать в письменной форме речевое высказывание на определенную лексическую тему).

Количественный и качественный анализ этих характеристик позволяет оценить степень владения письменной речью на каждом языке и наметить программу поддержания сбалансированности письменного билингвизма.

Секция 7
**АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ:
ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА**

**ИЕРАРХИЯ СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
КАЗАХОВ И РУССКИХ: АССОЦИАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ**

*Р.А. Арынбаева, Н.В. Дмитрюк (Шымкент)
Южно-Казахстанский государственный
педагогический университет
rimma10.69@mail.ru, nvdmitr@yandex.ru*

Наши исследования посвящены выявлению сложившихся ценностных ориентиров в семейно-родственных отношениях, отраженных в языковом сознании русских и казахов. Надежным средством овнешнения таких мировоззренческих ценностей этноса являются материалы ассоциативных экспериментов, которые способны представить объективную картину общих и специфических представлений о семье у сопоставляемых этносов.

В ходе интерпретации полученных нами материалов проведенного свободного ассоциативного эксперимента на русском и казахском языках (более 500 респондентов-студентов, 120 слов-стимулов, среди которых 18 номинаций степеней родства) была выбрана апробированная методика сопоставительного анализа ассоциативно-вербальной сети ответных реакций, структурированная в виде семантических гештальтов (предложенная Ю.Н. Карауловым), наглядно представляющая картину общности и специфики представлений о родственных отношениях двух этносов.

Представленный сопоставительный анализ гештальтов стимулов **ана/мать, эке/отец, эже/бабушка, аға/старший брат, іні/младший брат, жанұя/семья** и др. отражает весьма наглядную картину ценностных предпочтений общества, своеобразия духовной культуры и специфически маркированных семейно-родственных отношений в зеркале базовых ценностей сопоставляемых этносов. Исследованный ассоциативно-языковой материал позволил сделать ряд выводов о содержании представлений о семейно-родственных отношениях в языковом сознании казахов и русских. И то, что казалось на первый взгляд безусловной общностью положительных, комплиментарных представлений о семье, родителях, близких кровных родственниках, в материалах нашего эксперимента не вполне совпадает: выявились некоторые черты исчезающих ценностей. Так, приходится констатировать отсутствие весьма актуального в недавнем прошлом представления русских о бабушке как о хранительнице семейного очага, незаменимой детям няни и защитницы, рассказчицы пленительных сказок — этот образ бабушки представлен в казахском ассоциативном гештальте, но у современных русских уже утрачен.

Примером очевидного отличия следует считать четкую возрастную и гендерную стратификацию номинаций родства у казахов: в тюркоязычной культуре в непростой системе родства разделяются не только большие группы родственников по отцовской и материнской линии (нағашылар), но и внутри семьи все родные братья и сестры имеют разный «внутрисемейный статус» и по-разному называются в зависимости от возраста и гендерной принадлежности: младшая сестра для старшей — *сіңлі*, а для старшего брата — *қарындас*, старшая сестра для младших — *әпке*). Четко различаются

и братья в семье: *ага* — старший и *іні* — младший, которым также предназначены разные социальные внутрисемейные роли и статусы. Это отчетливо прослеживается в казахском ассоциативном корпусе полученного нами материала и, естественно, не имеет аналогов в русском ассоциативном материале. Так, старший брат (*ага*) у казахов имеет большой вес, авторитет в семье, особенно у младших, ассоциируется с заботой (*қамқор* 26%), защитником (*қорғаушы* 9,8%), крепостью (*қорған* 6,1%), опорой (*тірек* 4,6%) и др., в то время как младший (*іні*) — родной и милый (*бауыр* 10,7%, *сүйкімді* 3,9%), это баловень и любимец (*сүйікті* 3,6%), но в то же время — помощник (*көмекші* 5,7%, *қолғанат* 2,8%), последователь (*ізбасар* 2,8%) и тот, кого удобно использовать «на побегушках», судя по частому фразеологизму *Інісі бардың — тынысы бар* (Иметь младшего брата — иметь возможность отдохнуть).

В целом, наряду с ожидаемыми чертами сходства семейных ценностей у сопоставляемых этносов (особенно в распространенной комплиментарности характеристик) наблюдаются и весьма характерные, специфические для каждого этноса внутрисемейные отношения, морально-нравственные ценности и традиционная внутрисемейная статусная иерархия.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ И ЕЕ ТЕКСТОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

Л.И. Богданова (Москва)

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
libogdanova1@mail.ru*

Пересмотр традиционных ценностей, происходящий в современном мире, приводит к их трансформации, получающей отражение в языке. Для слов, обозначающих ценности, так же, как и для оценочной лексики, характерен отрыв от объективных характеристик предметов [Арутюнова, 1998, с. 50], что может привести к смене оценочного знака. В задачу настоящей работы входит выявление языковых маркеров, указывающих на изменения в мире культурных ценностей. «Симптомами» динамики в ценностной картине мира могут быть изменение частотности употребления тех слов, которые обозначают ценности, расширение или сужение соответствующих лексических значений, изменение оценочного знака для ряда слов и др. Одним из важных показателей изменений в ценностных ориентирах носителей языка является способность ключевого слова, обозначающего ценность, менять свое синтагматическое окружение. Анализ данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ) показывает, что изменения в сознании людей находят свое отражение в синтагматике слова. Рассмотрим изменения в синтагматическом окружении слов *амбициозный* и *скромный*. Для текстов XX века была характерна резко отрицательная оценка амбициозности, а в XXI веке оценочный знак нередко меняется на противоположный: ср. 1) *амбициозный и бездарный интриган* (Л.Д. Троцкий, 1933) и 2) *Этот человек очень талантливый и амбициозный* (Артем Тарасов, 2004). В современном употреблении *амбициозный* может использоваться и как автохарактеристика, что косвенным образом подтверждает тенденцию к смене оценочного знака: Да, *я амбициозный человек и к тому, что успех уйдет, не готов абсолютно* (Алексей Учитель, 2014).

Если *честолюбие* и *амбициозность* — это те качества, которые помогают в наше время стать *успешным* человеком, то *скромность*, *застенчивость*, *стеснительность*, по мнению многих молодых людей, мешают двигаться вперед. В XIX-XX в.в. слово

скромный синтагматически связывалось со словами положительной оценки: *солидный* и *скромный*; *скромный* и *серьезный*, *скромный* и *душевный*: *Он и скромный, и чуткий, и добрый, и отзывчивый* (В. Гроссман, 1960). В текстах, начиная с конца ХХI в. оценочный знак скромности постепенно меняется: *Тихий, скромный, но толковый. Дело понимает* (Л. Баконина, 2000), где союз *но* создает оценочную оппозицию, в которой *тихий* и *скромный* — плохо, а *толковый* хорошо. Итак, проведенный анализ подтверждает мысль Питирима Сорокина о том, что изменение одних элементов культуры с неизбежностью повлечет за собой изменение других ее частей [Сорокин, 1992, с. 449]. Как мы видим, на фоне развития положительной оценки у таких лексических единиц, как *карьер*, *честолюбие*, *честолюбивый*, *амбициозный*, прилагательное *скромный* начинает постепенно терять свою положительную оценку. Основываясь на анализе современных текстов, мы можем сделать вывод о частичной трансформации ценностей, связанных с процессом формирования будущего успешными, амбициозными, честолюбивыми, но не очень скромными людьми.

МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Т.Е. Владимирова (Москва)

*Российский университет дружбы народов
yusvlad@rambler.ru*

Архаичная «все-сакральность» (В.Н. Топоров) в значительной степени обусловила концептуализацию мира и бытия, а также те ментальные установки, которые сформировали ценностное ядро языковой картины мира. Статья посвящена аксиологии восточнославянской мифологемы священного брака Неба и Земли на фоне ее сопоставления с мифами Китая, Греции и Египта. Отнесем мифологему изначального единства Неба и Земли к числу древнейших когнитивных актов архаичного мировосприятия и попытаемся ответить на вопрос: является ли данная мифологема культурной универсалией и какова степень ее общности в мировой культуре? Чтобы ответить на эти вопросы, кратко представим данную мифологему в древнейших культурах (китайской, египетской, греческой), а на этом фоне рассмотрим мифопоэтические представления восточных славян в аксиологическом аспекте. В китайской космогонической картине мира небо и земля были подобны содержимому огромного яйца и отделились друг от друга, когда в нем родился Паньгу и, вставая, расколол его. Тогда всё легкое и чистое поднялось наверх и образовалось небо (*ян* — мужское начало), а тяжелое и грязное стало землей (*инь* — женское начало). Встав во весь рост, Паньгу отделил небо от земли, чтобы опять не возник хаос. Когда же он умер, его вздох превратился в ветер, глаза — в солнце и луну, а паразиты на его теле — в людей, которых ветер развеял повсюду. Таким образом, мужское и женское начала в китайском мифе подчеркнута не равны, а люди имеют уничижительное происхождение. В древней Греции Небо и Земля также изначально воспринимались как «единое целое» [Лосев, 1988, с. 549], но у Гесиода «Гея же прежде всего родила себе равное ширью / Звездное Небо, Урана, чтоб точно покрыл ее всюду» [Гесиод, 2001, с. 24]. Однако дети, рожденные от брака Геи-Земли и Урана-Неба были уродливы, и поэтому отец прятал их в недрах Земли. Уступив просьбам матери, Кронос оскопил Урана, и власть в итоге перешла к «богу всех богов» Зевсу, который стал отцом богов, героев и людей.

Египетский бог Земли Геб, брат и муж богини Неба Нут постоянно дрался с ней, так как она ежедневно заглатывала своих детей (звезды и солнце), а потом рождала их снова, и таким образом происходила смена дня и ночи. В результате их отец бог воздуха Шу, почитавшийся как правитель Египта и «князь князей», разделил своих детей, подняв Нут наверх, а Геб остался лежать на земле. Таким образом, в египетской мифологии о супружеской паре Геба и Нут акцентирована роль их отца. Возможно, это объясняется тем, что весенний расцвет природы ассоциировался у египтян с браком Шу и богини влаги Тефнут, родителей Геба и Нут.

Согласно дошедшему до нас мифообразу «первоначальных времен», восточные славяне унаследовали представление о браке Неба и Земли и идею дополнительности мужского (оплодотворяющего) и женского (рождающего) начал. В подтверждение сошлемся на летописное свидетельство (1095 г.): *Да аще им есть земля матери, то отец им есть небо*, а также на вокативы из заговора: *Ты, Небо-отец, ты, Земля-мать!* [Комарович, 1960, с. 98]. А идея «перенесения семейно-брачных отношений на природные объекты» и «космизации “первых людей”» [Мелетинский, 1976, с. 204] характерна для пословиц: *Жона — земля, а чоловік — насіння* (руси.); *Женщина — земля, а мужчина — семена* (русск.); *Жінка — земля, а чоловік — насіння* (укр.) [Поп, 2011]. Известно также, что Небо-отец Сварог (санскрит. *svarga* ‘ходячее небо’), демиург-богатырь и мифический герой установил первые законы, повелев каждому мужчине иметь только одну жену, а жене — одного мужа [Рыбаков, 1981, с. 547]. Таким образом, мифологема союза Неба-отца и Земли-матери как культурная универсалия брачного взаимодействия приобрела в процессе христианизации нравоучительный оттенок, свидетельствуя об утверждении в восточнославянском сознании аксиологической доминанты.

БЕЗОПАСНОСТЬ И ЗАЩИЩЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕЙСЯ РЕАЛЬНОСТИ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Д.Г. Выговская (Челябинск)

Южно-Уральский государственный университет (НИУ)

vdariag@mail.ru, vygovskaiadg@susu.ru

В современной мировой и российской публицистике одним из самых часто встречающихся понятий является понятие **безопасность**. Возможность жить, не подвергая себя различным рискам и опасностям, высоко ценится в человеческом обществе. Это означает, что безопасность приобретает форму внутренней ценности и реализует себя в индивидуальном и общественном сознании. Характерно, что эта ценность имеет универсальный характер и признается в качестве фундаментальной всеми людьми, вне зависимости от их расы, национальности, пола, возраста, социального положения. Хотя, естественно, существует определенный разброс мнений, отражающих степень предпочтений различных категорий людей. Часто он обуславливается влиянием той или иной ситуации. В мирных условиях, в достатке, в размеренной и спокойной жизни ценность безопасности отходит на второй план и не актуализируется. Социальные потрясения, бедствия, войны, террористические акты обостряют ее значение, выводят в число наиболее востребованных людьми и обществом [Безопасность ... : электр. ресурс].

Доказательством служат процессы, происходящие в современном обществе, связанные с ростом националистических движений, экстремистской деятельности, террористических актов и т.д. Периодически мы узнаем о появлении новых «горячих точек» и, как следствие, увеличении количества жертв, как среди военных, так и мирного населения, потоках миграции, беженцах и искалеченных человеческих судьбах в целом.

Совсем недавно никто не мог себе представить, что болезнь, скрывающаяся сейчас за аббревиатурой COVID-19, окажет такое влияние на человечество. Миллионы заболевших и сотни тысяч погибших. Работающие на пределе своих возможностей системы здравоохранения. Врачи, не знающие отдыха и сна. И всё это — на фоне апокалиптических картин пустых городов, замерших аэропортов, неработающих предприятий и организаций, закрытых границ и, как следствие, несущихся под откос национальных экономик. Кризис не просто подверг огромной опасности жизни миллионов людей, он обнажил риски, к которым оказались не готовы самые передовые, самые технологичные государства. Нанес сильнейший удар по глобализации, считавшейся основой межгосударственного взаимодействия в XXI веке [Медведев: электр. ресурс].

В нашем исследовании нам представлялось важным оценить, какое отражение находят понятия «безопасность» и «защищенность» в языковом сознании носителей русской культуры в условиях меняющейся действительности. В докладе представлены результаты ряда психолингвистических экспериментов, проведенных в группах респондентов с одинаковыми социально-демографическими характеристиками, но в разные годы, в условиях разной социально-политической обстановки. Подробный анализ данных позволяет сделать выводы о качестве и количестве изменений в смысловом наполнении интересующих нас стимулов.

АФФЕКТИВНО-КОГНИТИВНЫЕ АНТИЦЕННОСТИ В МЕНТАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ

*В.А. Ильина (Москва)
Российский новый университет
violette-viola@inbox.ru*

Целью исследования было описание содержания группы «аффективно-когнитивных антиценностей» [Ильина, 2015] в ментальном лексиконе на основе дендрограмм, построенных в ходе психосемантического эксперимента, направленного на анализ базовых ценностей россиян [Вашунина и др., 2020, с. 17]. По мнению респондентов, аффективно-когнитивные антиценности подразделяются на 9 групп: 1) **слабость** и **одиночество**; 2) **война** и **хамство**; 3) **черствость**; 4) **агрессия** и **порабощение**; 5) **черствость**, **одиночество**, **слабость**, **месть** и **лень**; 6) **жестокость**; 7) **зависть**; 8) **одиночество**, **слабость** и **месть**; 9) **обман** и **подлость**.

Первую группу образуют **одиночество** и **слабость**, при этом одиночество может интерпретироваться как слабость, а слабость как причина одиночества. Вторую группу составляют семантически не связанные антиценности **война** и **хамство**, но объединенные в одну группу из-за агрессии, которая лежит в основе переживания этих концептов. В состав третьей группы входит **черствость**, напрямую не связанная с другими аффективно-когнитивными антиценностями. Антиценности **агрессия** и

порабощение с общим семантическим компонентом 'захват' образуют четвертую группу. По мнению респондентов, это явления одного порядка: агрессия приводит к порабощению физическому, политическому, экономическому или духовному, а порабощение является актом агрессии. Антиценности **черствость**, **одиночество**, **слабость**, **месть** и **лень** при отсутствии общих семантических компонентов образуют пятую группу. Согласно точке зрения носителей русской культуры, переживание черствости, одиночества, слабости, мести косвенно связано с переживанием лени. Шестая группа состоит из антиценности **жестокость**; **зависть** была выделена в седьмую группу. Компоненты этих групп непосредственно не связаны с другими объектами этой группы. Восьмая группа состоит из антиценностей **черствость**, **одиночество**, **слабость**, **месть**, не имеющих общих семантических компонентов, но их объединяют негативные эмоциональные переживания, в основе которых лежит фрустрация. В девятую группу входят антиценности **обман** и **подлость**. Обман как мошенничество и подлость как бесчестность обладают общим семантическим компонентом 'отсутствие честности', то есть обман воспринимается как подлость, а подлость как обман, что свидетельствует о культурной традиции крайне низко оценивать людей, склонных ко лжи.

Подводя итоги, отметим, что, во-первых, было выявлено, что причинно-следственная связь объединяет антиценности в первой, четвертой и девятой группах (например, **одиночество** и **слабость**). Во-вторых, ассоциативная связь является основой для выделения второй, пятой и восьмой групп (**война** и **хамство**). В-третьих, по мнению респондентов, в шестой, седьмой и третьей группах выделяется только один компонент (**жестокость**, **зависть**, **черствость**), не имеющий непосредственных связей с другими антиценностями из этой группы. Таким образом, в содержании аффективно-когнитивных антиценностей актуализируются ситуативно-детерминированные смысловые компоненты в ментальном лексиконе.

РОЛЬ РОДНОГО ЯЗЫКА В НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ЛИЧНОСТИ

*Ю.В. Мочалова (Москва)
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
vassom@mail.ru*

Любая культура предъявляет к своим детям определенные требования в надежде сформировать у них конкретную систему ценностей, а не только необходимые для их выживания и развития знания, умения и навыки. Эта внутрикультурная воспитательная деятельность позволяет обществу формировать личности, принимающие на себя ответственность за жизнь общества.

Проверенные временем внутрикультурные традиции помогают стабилизировать психическую жизнь личности. В истории России XX века мы видим, что, начиная с 1917 года, решительно упразднилась аристократия как класс. Она оказалась под запретом, и само слово «аристократия» чуть было не исчезло из русского языка, как и слова «благородство» и «благочестие» за ненадобностью. Между тем, первейшая обязанность аристократии — хранить высшие идеалы и ценности народа и общества (ценностно-смысловое ядро культуры народа).

В подобной ситуации единственная надежда культуры на выживание заключается в воспитании взрослыми людьми в самих себе и в своих детей внутреннего аристократизма. Это воспитание в традиционных условиях осуществляется, как нам видится, в рамках внутрикультурной системы этосов благородства, благочестия, героизма, деспотизма и подчинения, выживания [Мочалова, 2018, с. 969]. Эти этосы являются нравственными предписаниями (кодексами) по отношению к личности. Они помогают формированию ее нравственного стержня.

Этос благородства ожидает от личности умения преодолеть свою приверженность эгоистическим интересам ради высоких идеалов или других людей. Конфуций, например, высказался о благородстве так: «Благородный муж постигает справедливость, малый человек постигает выгоду» [Конфуций, 1998, с. 33]. Благородный муж, согласно Конфуцию, «не расстается с человечностью даже во время трапезы» [Конфуций, 1998, с. 31].

Этос благочестия предписывает правила почитания религиозных святынь народа. Этос героизма представляет собой внутрикультурные представления о подвиге и героических свершениях. Этос деспотизма и подчинения содержит внутрикультурные образцы авторитетного поведения людей, наделенных властью, а также правила честного исполнения властных распоряжений подчиненными. Этос выживания представляет собой выработанные в обществе способы разрешения затруднительных ситуаций, психологические стратегии так называемого совладающего поведения (коупинг-стратегии), способы выживания в экстремальных ситуациях.

За этос благородства исторически отвечает светская аристократия, за этос благочестия — духовная аристократия, за этос героизма — воинская аристократия.

Родной язык сохраняет для будущих поколений важнейшие (базовые) внутрикультурные ценности в преданиях, пословицах, поговорках, песнях, стихах, сказках, и литературе [Матвеева и др., 2021, с. 100]. В них можно обнаружить внутрикультурные сценарии чувств, отношений между людьми и поступков.

Этос благородства и героизма в русском языке выражает пословица *Сам погибай, а товарища выручай*. С этосом благочестия связана пословица *Без Бога не до порога*. Голос этоса выживания слышен в пословице *Лучше хлеб с водой, чем тирог с бедой*. Этос деспотизма и подчинения прослеживается в пословице *Хозяйство крепкую руку любит*.

В ситуации разрушения этосов благородства и благочестия русский язык стал народной сокровищницей внутрикультурных идеалов, ценностей, целей и духовных смыслов.

Секция 8
АССОЦИАТИВНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ.
ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АССОЦИАТИВНЫХ
СЛОВАРЕЙ

АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ
ВЕРБАЛЬНОЙ ПАМЯТИ ГОВОРЯЩИХ

Н.И. Коновалова (Екатеринбург)
Уральский государственный педагогический университет
sakralist@mail.ru

Вербальная память, понимаемая как «смысловая память, память мысли в словесной форме» [Рубинштейн, 1999, с. 291], играет особую роль в когнитивной обработке и структурировании метаязыкового знания, поскольку его понятийные компоненты, как правило, не визуализируются, т.к. сами по себе, без специального перевода на другой код, не имеют образных аналогов. Некоторым исключением являются принятые в практике обучения русскому языку конвенциональные знаки, выступающие условными обозначениями (элементами метаязыка): например, орфограммы, обозначения главных и второстепенных членов предложения и т.п. В качестве рабочего определения под метаязыковым знанием понимается некоторая совокупность представлений пользователя о системе и структуре языка, его функциях, развитии, в том числе динамике нормы и ее коммуникативной целесообразности в разных коммуникативных ситуациях. Предметом исследования при таком подходе становится ассоциативно-вербальная сеть (АВС), фиксирующая как особенности вербальной памяти говорящего, так и сами правила оперирования метаязыковыми знаниями.

Развитие вербально-логического мышления характеризуется синтезом так называемого «симпрактического» и «синсемантического» опыта (А.Р. Лурия) в процессе образования понятий. В таком случае, если речь идет о метаязыковом знании, анализ АВС говорящих может выявить факты языкового автоматизма, которому предшествовал длительный процесс систематического обучения русскому языку в школе. Данные ассоциативных словарей становятся инструментом исследования вербальной памяти говорящих, обнаруживаемых в реакциях разного рода, эксплицирующих как индивидуальные мнестические стратегии, так и механизмы автоматизации языкового знания.

Зона поиска вербальных ассоциативных связей значительно расширяется и делает выборку ассоциатов более репрезентативной за счет использования онлайн-ресурсов: wordAssociation.Ru, onlineslovo.ru, thesaurus.ru, it-claim.ru, wordassociation.net.

Для интерпретации представленных в отмеченных выше источниках ассоциативных полей в данном исследовании использовался метод дихотомической классификации по характеру стимулов и реакций в моделируемых ассоциативных полях. Таким образом, в качестве исходных оснований учитывалось, во-первых, *эксплицированное ассоциатами метаязыковое знание*, т.е. анализу подвергаются лишь реакции терминологического плана. При этом возможны два варианта: а) ассоциаты (и стимул, и реакция) относятся к лексике метаязыковой сферы, б) стимул не является лингвистическим термином, а реакция квалифицируется как метаязыковая. Во-вторых, основанием для включения в сферу интерпретации было *имплицитное (выводное)*

метаязыковое знание, когда и реакции, и стимулы не являются собственно терминами из сферы языкознания, но опосредованно само их появление в ассоциативной паре свидетельствует о наличии в сознании говорящих системных связей вербальных единиц.

Психолингвистический подход к изучению вербальной памяти, предполагающий экспериментальную верификацию актуальности метаязыкового знания обращает исследователей к таким аспектам феномена, как автоматизм / рефлексия, универсальные речемыслительные действия / индивидуальные стратегии когнитивной обработки языкового материала, алгоритмизация процедур мнезиса / креативные мнемотехники и т.д. Комплексная интерпретация рефлексивной составляющей языкового сознания по данным ассоциативных словарей и академических цифровых онлайн-ресурсов может дать инструментарий для разработки методик обучения русскому языку (как родному и неродному) с учетом механизмов восприятия и продуцирования информации.

ВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ БЕЛОРУСОВ (НА МАТЕРИАЛЕ «СЛАВЯНСКОГО АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ»)

И.И. Короткевич (Минск)

*Белорусский государственный университет
viachirynka@gmail.com*

В основе мировосприятия каждой культуры лежит своя система социально значимых представлений, когнитивных схем, т.е. запас культурных ценностей, выраженных в языковых единицах, который необходим для нормального развития общества и передается последующим поколениям через образовательную и поведенческую традицию (прямое и опосредованное воспроизведение) и комплекс ассоциативных связей.

В «Славянском ассоциативном словаре» [САС, 2004] в числе белорусских ответо-реакций было выявлено 137 этнокультурных элементов в качестве устойчивого набора реакций на слова-стимулы. Самыми распространенными явились реакции, соотнесенные с творчеством классиков белорусской литературы.

Реакцией на стимул **родны** явилось слово *кут* — общеизвестное вступление к поэме Якуба Коласа «Новая зямля» (69 реакций). Ответом на слово **дзядзька** стало упоминание самого обаятельного образа из той же поэмы — дядьки Антося: *Антось* (26), *кухар* (3), *Колас*, *дзядзька з «Новай зямлі», паэма «Новая зямля»* (по 1 реакции). Слово **хлопчык** ассоциируется со словами *лётчык* (10), *і лётчык* (3) («Хлопчык і лётчык» — стихотворение другого белорусского классика Янки Купалы, изучаемое в начальной школе). Прилагательное **чорны** вызывает в памяти имя белорусского писателя-классика Кузьмы Чорного — *Кузьма* (4) и др.

Вызывают ассоциации с творчеством белорусских авторов и слова **голос** — *сэрца* (6) («Голос сэрца» — поэма П. Бровки); **шчасце** — *трывожнае* (1) («Трывожнае шчасце» — название пенталогии И. Шамякина); **чорны** — *замак* (2) («Чорны замак Альшанскі» — роман В. Короткевича) и др. Все эти произведения предусмотрены учебной программой по белорусской литературе для средней школы и хорошо знакомы белорусам.

Некоторые понятия-стимулы ассоциируются с известными лицами и явлениями национальной культуры и истории. К таким реакциям можно отнести ответ на стимулы **вольны** — *Магдэбург* (1) (Магдебургское право существовало в Беларуси на протяжении XIV-XIX вв.), *Купала* (1) (поэт, творчество которого является национально-определяющим в белорусской литературе); **белы** — *белыя росы* (1) (название известного кинофильма студии «Беларусьфильм»); **белы, чорны** — *бусел* (соответственно 5 и 4 ответов) (образ аиста (*бусла*) — один из символов Беларуси); **слова** — *Якуб Колас* (1), *Ніл Гілевіч* (1) (белорусские поэты, которые сочетали творчество с активной общественной деятельностью); **чалавек** — *Скарына* (1) (белорусский просветитель и первопечатник); **багаты** — *Радзівіл* (1) (фамилия одного из богатейших белорусских магнатов).

Анализ данных ассоциативного эксперимента подтверждает влияние социокультурных факторов на формирование ассоциативных связей языковой личности. Национально-культурная специфика некоторых реакций обусловлена как образовательной традицией и высокой частотностью цитирования произведений классиков национальной литературы, так и социальной востребованностью обращения к образам некоторых лиц и явлений национальной культуры и истории.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «КУЛЬТУРА» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ШКОЛЬНИКОВ КРАСНОЯРСКА

Т.М. Низамутинова (Красноярск)
Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева
nizamutinovatm@bk.ru

В докладе анализируются результаты свободного ассоциативного эксперимента среди школьников 5-11 классов г. Красноярск. Цель исследования — выявить особенности психолингвистического восприятия словоформы «культура» учащимися трех возрастных групп средних общеобразовательных школ Красноярск на материале ассоциативных полей «от стимула к реакции», зафиксированных в «Ассоциативном словаре школьника Красноярск».

Наше исследование посвящено анализу фрагмента модели языкового сознания «культура» (эстетические представления) в языковом сознании школьников на материале «Ассоциативного словаря школьников 5-11 классов Красноярск» (АСШК), который был создан в результате обработки данных свободного ассоциативного эксперимента (САЭ). Ассоциативный эксперимент был проведен в 2019-2021 гг. в школах № 18 и 156 города Красноярск, в нем приняли участие 495 школьников 5-11-х классов, носители русского языка в возрасте 11-18 лет, из них 264 респондентов женского пола и 231 — мужского. Эксперимент проводился в устно-письменной форме. Во время САЭ обучающимся был предложен список стимулов, одинаковых для всех участников эксперимента, который был представлен 95 общелитературными словами, содержащими базовые эстетические, этические ценностные концепты.

Возрастная динамика ценностных представлений в языковом сознании школьников отражена следующим образом:

Школьники младшей группы считают, что территориальная отнесенность культуры — внутри страны, этому соответствует первая (ядерная позиция) — *России*, учащиеся

5-6-х классов более охотно готовы следовать правилам этикета, чему свидетельствуют реакции *послушание; быть вежливым; приличность; правильность; за столом; ты становишься интересным для других и порядочней.*

У школьников средней группы отмечаются резкие колебания в оценках, представленные, с одной стороны, реакциями *древнее русское уважение; моя душа; красивая; уважение учителей; уважение друг друга; нашего времени; народное достоинство* и, с другой стороны, резко негативными реакциями *то, чего нет* 2 (0,9%); *нет* 1 (0,5%); *ее уже почти нет* 1 (0,5%); *бред* (0,5%); ? 1 (0,5%).

В младшей группе наблюдается отождествление себя с культурой и культуры — с добром: *Я культурный человек* (0,5%); *культура — добро* (0,5%). У школьников средней группы — отождествление себя с культурой и культуры со злом: *Я культура* (0,9%); *культура — зло* (0,5%).

В семантической зоне Объекты самой частотной является реакция *музей*. Учащиеся старшей группы чаще всего отмечают *музей* (9-11-е классы — 4,2%), средней группы — *музей* (1,9%) и *театр* (1,9%) (7-8-е классы), младшей — *музей* (1,8%) и *театр* (1,4%).

Средняя и младшая группа испытуемых дают на стимул *культура* не только реакции *уважение, этикет, но и не знаю; бесполезно; неинтересно; я не знаю; нинаю* (младшая группа); *то, чего нет; нет; ее уже почти нет; бред; ?* (средняя группа). Старшая группа призывает *сохранять* ценности и традиции и в тоже время констатирует: *культура — иллюзия.*

Анализируя ассоциативное поле слова-стимула *культура*, мы увидели, что общим определением данного понятия для 495 учащихся разных возрастов является: *России* (4,2%); *речи* (3,4%); *искусство* (2,6%). Следует отметить, что конкретных памятников, произведений культуры или художников, скульпторов, музыкантов и др. они не называют.

Из 495 респондентов на слово-стимул *культура* лишь три назвали фамилию великого русского поэта, драматурга и прозаика Пушкина; два — фамилию советского политического и государственного деятеля Ленина; один — фамилию французского живописца Моне; один — название одного из крупнейших и самых популярных художественных музеев мира *Лувр*.

Полученные сведения должны стать поводом для обсуждения с родителями, коллективом учителей и определения ключевых точек и направлений воспитательной работы.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ АССОЦИАТИВНО-КОНТЕКСТНЫЙ ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ОСНОВА ТЕКСТОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ИНТЕНЦИОНАЛЬНОГО КОГНИТИВНОГО АГЕНТА

Н.Н. Степанчук (Донецк)
ГУ «Институт проблем искусственного интеллекта»
stepanchuk_natala@mail.ru

Современное общество характеризуется ускорением информационных процессов, развитием индивидуализированного производства, совершенствованием коммуникационных средств, «демассификацией» общества и культуры, словно подтверждая теорию постиндустриального общества («цивилизации Третьей волны»),

предложенную американским философом и футурологом Э. Тоффлером. Потребители, в самом широком смысле этого слова, вовлекаются в «производство для себя», получая возможность создавать свои собственные «жизненные стили, которые будут более разнообразными, менее монотонными, полнее удовлетворяющими творческие наклонности и менее ориентированными на рынок, чем жизненные стили, типичные для цивилизации Второй волны» [Тоффлер, 1990, с. 450]. Высокотехнологический базис позволяет пользователям не только конструировать изделия для себя и выбирать производственные процессы, но и оказывать помощь самому себе [Там же. С. 444].

Актуальные достижения в области искусственного интеллекта способствуют повышению доступности психологической самопомощи и возможного уровня автономии личности. Растет интерес к компьютерным приложениям, позволяющим общаться посредством естественного письменного языка. Однако обязательным условием эффективного взаимодействия человека и компьютера является взаимное самораскрытие [Rapp, 2021, p. 46], что требует наличия у программно реализованного когнитивного агента определенной картины мира, использования собственной ассоциативной памяти и «жизненного опыта» для обработки контекста возможных ситуаций [Степанков, Душкин, 2020, с. 725].

Обеспечение когнитивного агента базой знаний в виде набора тематических ассоциативно-контекстных индивидуальных словарей (далее — ТАКИС, ассоциативно связано с «таксис») позволит ему оперировать смысловыми фрагментами, обеспечивая необходимый уровень персонализации коммуникативного процесса как в аспекте теста Тьюринга, так и в аспекте психологической помощи (принятие собеседника, его языка и картины мира, «подстройка», раппорт и т.п.).

Методологической основой для создания такой базы данных являются концепции феноменологической герменевтики П. Рикёра, семиосферы Ю.М. Лотмана, фольклорной модели коммуникации В.Я. Проппа, теоретической модели пострелятивизма С.Ю. Бородая.

Предлагается следующий алгоритм проведения свободного ассоциативного эксперимента для составления набора ТАКИС:

1. Предъявление пользователю набора визуальных стимулов — образов, персонажей, героев, сюжетных композиций с их участием.
2. Выбор пользователем из предложенного набора персонажа, представляющего его самого, и персонажа, представляющего его потенциального собеседника (или в текущем состоянии, или в желаемом состоянии).
3. Получение ассоциаций (реакций на стимул) в контексте предъявляемого сюжета.
4. Расширение смысла полученных ассоциаций до употребления в контексте (путем направленной беседы, преимущественно с использованием открытых вопросов).

Вариативность предъявляемых визуальных стимулов-персонажей, используемых впоследствии в качестве аватаров (как для пользователя, так и для когнитивного агента) предполагает расширение ролевого репертуара и поведенческой гибкости индивида, изменение его защитных стилей реагирования, развитие способности к децентрации [Степанчук, 2019, с. 403].

Более того, итогом взаимодействия по указанному алгоритму может стать индивидуальная когнитивная модель целостного благополучия личности — личностно ориентированная цель взаимодействия. Это позволяет организовать такое взаимодействие в виде рекуррентной процедуры как для данного конкретного пользователя, так и для общности, ансамбля пользователей с их последующей кластеризацией.

АНАЛИЗ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ АССОЦИАЦИЙ В «КРЫМСКОМ АССОЦИАТИВНОМ СЛОВАРЕ»

*А.Ю. Филиппович, Г.А. Черкасова (Москва)
Московский государственный технический
университет им. Н.Э. Баумана
annafil@bk.ru, gacherk@mail.ru*

В докладе на материале «Крымского ассоциативного словаря» (КАС) показаны результаты сопоставления ассоциативных полей одних и тех же стимулов для респондентов мужского и женского пола. Хотя в КАС опрос проведен по 1000 стимулов, в анализе рассмотрены статьи по 140 словам-стимулам, представленные по адресу https://iling-ran.ru/web/ru/publications/bd_krym и в [Филиппович, Черкасова, 2021].

Количество опрошенных мужчин и женщин примерно одинаково и равно 250. Анализировались реакции, которые даны двумя и более опрошенными.

Подавляющее большинство стимулов имеет значительно совпадающие ассоциативные поля, в которых сходные последовательности повторяющихся реакций и их частоты близки по значениям.

Наименьшее количество повторившихся ответов у мужчин отмечено для стимулов: **я** — 20.5%, **личность** — 22.6%, **ярость** — 24.2%, в то время как у женщин это: **ярость** — 19.5%, **коммунист** — 21.7%, **личность** — 22.6%, т.е. только каждая пятая-четвертая реакция повторяются в мужских и женских ответах.

Наибольший процент совпадения реакций для мужчин выявлен для слов: **родной** — 48.9%, **гражданин** — 47.5%, **потерять** — 47.1%; для женщин: **потерять** — 49.6%, **владелец** — 46.1%, **родной** — 44.7%, т.е. почти половину ответов дали представители обоих полов.

Приведенные фрагменты статей стимула **культура** для мужчин (М) и для женщин (Ж) показывают, что повторяются почти все реакции с частотой >2; совпала 51 реакция (чуть более 20%) (несовпавшие ответы помечены курсивом):

М: речи **67**; искусство **12**; речь **8**; народ **6**; театр **5**; *жизнь*, общество **4**; воспитание, живопись, история, наследие, памятник, своя, традиции **3**; архитектура, *вандализм*, жизни, картина, *картины*, книга, музей, музыка, нации, *национальная*, общение, общения, память, *пития*, предмет, русская, слова, *творчество*, ценности, *эстетика* **2**; ... **251+118+0+84**

Ж: речи **60**; искусство **17**; речь **7**; народ, народа, театр **6**; история, музей **4**; живопись, *мультитура*, нация, общения, обычаи, России, страны **3**; архитектура, воспитание, жизни, интерес, *красота*, мира, народов, поведения, *родная*, традиции, ценности, язык **2**; ... **246+115+3+88**.

Авторы отмечают заметные различия в словарных статьях прямого ассоциативного словаря для стимулов: **авторитет**, **армия**, **беспредел**, **брат**, **главный**, **дело**, **доброта**, **друг**, **закон**, **иметь**, **красивый**, **сильный**. Отличается как последовательность и частота реакций, так и наличие неповторяющихся частотных реакций для мужчин и женщин. Например, в приведенном фрагменте для стимула **беспредел** у женщин отсутствуют реакции *порядок*, *90-е*, *повсюду* и др. Среди мужских ответов нет *ужас*, *в голове*, *в комнате* и др. При этом самая частотная ассоциация *хаос* дана всеми испытуемыми.

М: хаос **21**; нарушение, *порядок* **7**; беспорядок **6**; анархия, бардак, в стране, полиция, улица **5**; *90-е*, беззаконие, на улице, *повсюду*, преступление **4**; *бандит*, *бандитский*, везде, власти, драка, ментовский, наказание, *полицейский*, полный **3**; в

доме, в работе, власть, война, государство, грабеж, девяностые, люди, мир, беспорядок, переворот, плохо, политика, разбой, Россия, тюрьма, уличный, шум 2; ... 249+140+1+99

Ж: хаос 31; полный 9; анархия, беспорядок 7; ужас 6; в голове, политика, полиция 4; бардак, бунт, в комнате, в мире, везде, вокруг, драка, на улице, нарушение, разбой, Украина 3; в государстве, в стране, власти, всегда, закон, кошмар, люди, мир, наказание, непослушание, предел, раздор, творится, творить, шум 2; ... 248+146+1+112

Еще один фрагмент статьи для стимула **иметь**:

М: деньги 22; друзей, в виду 8; право 9; владеть 8; дело 7; возможность, друга, обладать 6; машину 5; вещь, власть, дом, получать, собственность, честь 4; богатство, все, всё, девушку, жизнь, имущество, мнение, пользоваться, семью, совесть, цель 3; 100 рублей, авторитет, вес, вещи, желание, людей, много, наслаждаться, не нуждаться, нуждаться, получить, потерять, что-то 2; ... 249+117+0+76

Ж: деньги 18; семью 9; дом, друга, друзей 8; в виду, совесть, честь 7; владеть, возможность 6; всё 5; время, мозги, право, что-то 4; выбор, дела, дело, мнение, счастье, хотеть, хранить, цель 3; брата, брат, вещи, власть, всех в виду, детей, должность, есть, использовать, место, недвижимость, обладать, образование, пользоваться, права, ребенка, силу, смысл, стимул, стремиться 2; ... 250+123+2+79

Хотя пары **иметь семью** и **дом** для женщин имеет частоту втрое больше, чем для мужчин, эти различия являются не столь существенными.

МАРКЕРЫ ТЕРРИТОРИИ В АССОЦИАТИВНЫХ СЛОВАРЯХ

Е.В. Харченко (Челябинск)

*Южно-Уральский государственный университет НИУ
ev-kharchenko@yandex.ru*

«Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 22-18-20022, <https://rscf.ru/project/22-18-20022/>»

Ассоциативные словари давно вошли в список источников для изучения разных аспектов языкового сознания, межкультурной коммуникации, лексикона, грамматики и т.д. В нашем исследовании мы хотели бы выделить региональный аспект ассоциативных словарей, т.е. те маркеры, которые обозначают территориальную принадлежность респондентов, а также то, как в ассоциативных полях может быть обозначена территория. Топонимы, которые встречаются в ассоциативных словарях, выявить относительно легко, поскольку все имена собственные, к которым относятся и названия городов, и других поселений, пишутся с заглавной буквы. К тому же многие топонимы образованы с помощью типичных аффиксов. Можно выделить и стимулы, ассоциативные поля которых предполагают большое количество топонимов, поскольку сам стимул является по отношению к ним родовым понятием. Например, **деревня:** *Калуго-Соловьевка; Ведрица; Золотая Сопка; Лужки; Пушки; Хатынь; в Англии; Красные маки; Николаевский; Романовка; Терновк; Ходорово* [Леонтьев, 1977]. Однако в других случаях приходится ориентироваться на необычное слово или нестандартное написание **бабушка:** *деданька, Киев, Ленинград* [Там же].

Поиск в интернет-источниках дал несколько вариантов использования этого слова, причем во всех случаях было обозначено место. В качестве примеров приведем статью на сайте: «*Деданька. Удивительное слово! Так в семье все звали моего прадеда. Мама*

вспоминает, когда она, будучи школьницей, произносила это слово, учительница-москвичка всегда делала замечание: нет такого слова «деданька», говорить нужно «дедушка». И даже жаловалась моему прадеду (он в послевоенные годы работал преподавателем машиноведения в школе) по поводу маминого произношения. Село Курманаевка [https://kurmanaevka.bezformata.com/listnews/dedanka/56246/].

Во втором случае именно это слово используется для названия фильма «Деданька», в котором рассказывается об удивительном деревенском музыканте, А.Г. Дуранове (и также дается точное название места — село Михайло-Овсянка, Пестравского р-на Самарской области) [https://www.youtube.com/watch?v=pbFoJ16XC-E].

Таким образом, маркерами местности в ассоциативных словарях могут быть топонимы, диалектизмы, регионализмы и другие слова. На наш взгляд, особого внимания заслуживают именно регионализмы, поскольку появление этих слов часто показывает, что у представителей данного региона появилась необходимость 1) выделить и зафиксировать какой-либо предмет или явление, которые отсутствуют в литературном языке; 2) «включить» в новое название предмета или явления дополнительные смыслы, коннотации; 3) «зашифровать» известный предмет или явление с помощью языка для разделения на «своих» и «чужих».

Свободный ассоциативный эксперимент может помочь выявить эти маркеры территории, которые в дальнейшем исследовании можно «вернуть» жителям конкретной местности в качестве стимулов при проведении свободного или направленного ассоциативного эксперимента, выявить *психологическое значение* этих слов (термин И.А. Стернина) с помощью метода свободных дефиниций или установить частотность и ареал использования этих слов в результате анкетирования. На наш взгляд, наиболее интересные результаты могут быть получены именно в ходе комплексных исследований, итогом которых может быть овнешнение особого образа мира, сложившегося у жителей регионов.

ПОСТРОЕНИЕ ПАРАМЕТРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ДИНАМИКИ ОЦЕНКИ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНЫХ СЛОВАРЕЙ

Е.Б. Чернышова (Борисоглебск)

*Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета
elena-chernishova@yandex.ru*

Проблема описания динамики оценки в русском языковом сознании является актуальной в связи с необходимостью изучения коренных изменений ценностных ориентаций русского этноса на рубеже XX и XXI веков.

Оценка — это положительная/отрицательная характеристика объекта, ассоциированная в сознании носителя языка с телом определенного языкового знака [Чернышова, 2017, с. 39].

Содержание оценочных единиц в сознании носителей языка изменяется под влиянием фактора времени. Такие изменения мы рассматриваем как динамику оценки.

Комплексное описание, отображающее динамику оценки в языковом сознании, позволяет выполнить параметрическое моделирование. Параметрическое моделирование (или параметризация) является методом «системного анализа того или

иною объекта, заключающимся в выделении и количественной / качественной оценке его существенных параметров» [Чернышова, 2015, с. 205].

При построении параметрической модели динамики оценки в русском языковом сознании использовалась методика представления индекса параметров в численной форме, разработанная И.А. Стерниным и М.А. Стерниной [Стернин, Стернина, 2011; Стернина, 2014; 2018].

Материалом исследования для построения параметрической модели динамики ядерной зоны «Оценка» в русском языковом сознании послужили следующие ассоциативные словари:

- Словарь ассоциативных норм русского языка;
- Русский ассоциативный словарь;
- Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус;
- Русская региональная ассоциативная база данных.

Анализ ассоциативных данных указанных словарей, положенный в основу построения параметрической модели динамики оценки в русском языковом сознании, позволил сделать следующие выводы:

- наблюдается положительная динамика параметров состава оценочной зоны ядра русского сознания с 2000 года к 2015 году; доли оценочных имен существительных; доли ядерных единиц частной оценки и их значимости в структуре зоны «Оценка»;

- регистрируется отрицательная динамика параметров состава оценочной зоны ядра русского сознания в последней трети XX века; доли оценочных имен прилагательных и наречий;

- отмечается стабильность следующих параметров: доля абсолютной и рациональной оценок; доля постоянных симметричных ассоциативных связей у слов положительной оценки; доля ассоциативных оценочных моделей с парадигматическими и синтагматическими связями; биполярность структуры оценочной зоны ядра русского языкового сознания, предполагающая обязательное наличие «плюса» и «минуса» оценки, и ее двухъядерность, которая представлена оппозицией хорошо/плохо (оценочные триплеты отсутствуют).

Таким образом, анализ данных ассоциативных словарей обнаруживает огромный потенциал в выявлении динамических процессов в языковом сознании носителей языка. Построение параметрической модели оценочной зоны ядра русского языкового сознания позволяет решить проблему описания динамики ценностных ориентаций русского этноса.

Секция 9 НОВЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА РЕЧЕВЫХ ПРАКТИК

ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО СДВИГА С ПРИМЕНЕНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОТБОРА И АНАЛИЗА ТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

*А.С. Антипова, Г.В. Денисова, М.Д. Рабесон (Москва)
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
maria.rabeson@gmail.com*

Увеличение числа оцифрованных текстов, ежедневно доступных публике в Интернете, создало медиа-ориентированное пространство, главной характеристикой которого является постоянное изменение содержания. Таким образом, каждую конкретную социальную сферу можно проследить по контенту, представленному в медиа-источниках международного и локального масштаба.

В настоящее время традиционный подход к семантическому сдвигу фокусируется на результирующем изменении значения, а также на классификации этих изменений [Traugott, 2017]. При этом частные примеры смыслового изменения рассматриваются отдельно от широкого контекста их употребления. Последние исследования в этой области были направлены скорее на выявление прагматических факторов, приводящих к семантическому сдвигу, чем на описание сущности конкретных изменений.

Семантический сдвиг часто вызывается изменением языковых соглашений в группе говорящих. Этот процесс глубоко укоренен в социокультурных и дискурсивных практиках, а также в других паралингвистических факторах. Например, разработка системы анализа ключевых слов [Wierzbicka, 2006, с. 17] выявляет не только тенденции в лексике наряду с изменением культурных схем, но и то, как меняется лексическое значение, отражая и способствуя культурным изменениям.

К изучению семантических сдвигов применялось несколько исследовательских подходов [Dubossarsky, 2018, р. 3]. Эти парадигмы различаются по трем параметрам: 1) режим обработки информации «сверху вниз» или «снизу вверх»; 2) крупномасштабная или узкая сфера деятельности; 3) использование строгого статистического метода. Стоит отметить, что все виды исследовательских методологий в настоящее время широко используются в семантических исследованиях и скорее поддерживают, чем заменяют другие.

Целью данного исследования было выявить контекстуальные изменения краткосрочного значения терминологии в ведущих федеральных российских газетах «Комсомольская правда», «Российская газета» и «Коммерсантъ», а также в интернет-СМИ, таких как Лента.Ру и Газета.RU. Корпус из 10707 текстов был сформирован на основе освещения конфликтной тематики.

Отбор и анализ публикаций осуществлялся с использованием информационно-поисковой системы мониторинга и анализа СМИ «Интегрум» и алгоритма на основе искусственных нейронных сетей word2vec. Оригинальная методика позволила выявить ключевые тематические направления информационной повестки, особенности ее географии, описать смысловое поле конфликта и показать его динамику во времени.

НОРМА И НОРМАЛЬНОСТЬ

И.И. Валуйцева (Мытищи)
Московский государственный областной университет
irinaiv-v@yandex.ru

Мир многообразен, многоаспектен, вариативен. И эта вариативность, возможность существования различных социумов, членов социумов, культур, наук, научных подходов постулируется постмодернизмом и провозглашается неотъемлемой характеристикой современной жизни.

В обществе существует некое имплицитное понятие нормы, относительно которой рассматриваются отклонения от нее, хотя в последние годы во всех сферах жизни она декларируется все менее обязательной и размытой. Лингвисты могут это наблюдать по отношению к нормативным словарям и грамматикам, вариативности узуса, особенно в медийной сфере, столь разросшейся в эпоху Интернет-коммуникации и получившей особую значимость в период пандемии Covid-19. Еще одним фактором вариативности языка, изменения семантики слов, на наш взгляд, является стремление носителей языка к (употребим биологический термин) доминантности, желание выделиться в информационном потоке.

В 2020 году «дорожные карты», «вызовы современности» были потеснены «новой нормальностью» — калькой с английского «the new norm». Экономисты считают, что данное словосочетание появилось еще в 2008 году в связи с экономическим кризисом. Остановимся сначала на понятии «нормальность». При обращении к словарям первым дается значение из специального словаря по химии, далее следуют определения из словарей по психологии, словарь синонимов дает следующие эквиваленты — «адекватность, естественность, разумность, пропорциональность, типичность, обычность, соответствие» [Словарь синонимов русского языка]. Данные основного корпуса НКРЯ [<http://ruscorpora.ru>] позволяют заключить, что «нормальность» означает прежде всего соответствие норме в технике, в психической организации человека, в социальном поведении, причем лексема употребляется в кавычках и часто в сочетании с лексемой «норма». В ассоциативном словаре русского языка [<http://thesaurus.ru/dict/>] слово-стимул «нормальность» не обнаружено, есть только **норма**, максимально частотными реакциями на которое являются *жизни и поведения*.

Словосочетание «новая нормальность» встречается в газетном подкорпусе НКРЯ (всего 26 вхождений). В большинстве случаев употребляется в кавычках (80%) и, хотя в большинстве контекстов выступает как термин, никак не дефинируется, а только иногда соположено со словосочетанием «новая реальность» (*есть не просто новая реальность, а «новая нормальность»*) [Николай Вардуль. Паранормальная экономика // Московский комсомолец, 2016]). Проведенный нами анализ позволяет заключить, что в языковом сознании носителя русского языка формируется под влиянием СМИ новое понятие/концепт «новая нормальность», включающее в себя такие компоненты, которые никогда ранее нормальными не признавались, но в контексте современных реалий их предлагается признавать соответствующими норме в современном многообразном мире.

В этой связи хотелось бы упомянуть статью в Forbes [<https://www.forbes.ru/partnerskie-materialy/404945-chno-takoe-novaya-normalnost>], в которой четко излагаются 10 заповедей «новой нормальности», среди которых выделяются реальность виртуальных мероприятий, предпочтение обучения в дистанте и др.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ АНАЛИЗА РЕЗУЛЬТАТОВ АССОЦИАТИВНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

*К.П. Захаркина, Ю.Н. Филиппович (Москва)
Московский политехнический университет
ksuy.nevil@mail.ru, y_philippovich@mail.ru*

Различные технологии проведения вербальных ассоциативных экспериментов в настоящее время являются наиболее часто используемым инструментарием психолингвистических исследований. Лексикографическая форма представления их результатов является самой распространенной. В первую очередь это словари и тезаурусы, представленные как в печатном виде, так и в виде компьютерных баз данных, информационных систем различного типа.

Мы представляем информационную технологию анализа данных ассоциативного эксперимента с носителями русского, татарского и башкирского языков. Материал составляет 76 стимулов по 2230 ассоциатов на русском, 180 ассоциатов на башкирском, 399 ассоциатов на татарском языке.

Исходными данными ассоциативных экспериментов являются:

- материалы по русскому и татарскому языку из информационно-справочной системы «Ассоциативный пилотажный эксперимент в республиках Коми и Татарстане» http://persons.it-claim.ru/assoc_quest/words.php на странице «Статистика (объединенная)». Использовались фильтры: Возраст: от 17 до 25 лет; Язык текста: русский/татарский; Пол: все; Тип анализа: прямой.
- результаты ассоциативного эксперимента на башкирском языке, проведенные в рамках выпускной квалификационной работы в 2018 г. Н.К. Байгужиной. В эксперименте участвовало 210 студентов (60 мужчин и 150 женщин) из более чем 12 вузов.

Технология представляет собой комплекс: (1) базы данных русско-татарско-башкирского ассоциативного словаря (БД АРТБ); (2) информационную систему создания и ведения БД АРТБ, включая методику формирования запросов; (3) программный комплекс расчета аналитических показателей; (4) конструктор сценариев проведения анализа словарных статей АРТБ.

Основной задачей анализа является выявление меры сходства (близости) между словарными статьями на русском, башкирском и татарском языках. Фактически сравниваются статья на русском языке и соответствующие ей переводы на русский с татарского и башкирского. Учитываются нормализованные частотные характеристики первых 10 слов-реакций, составляющих больше половины от их общего количества. Мера сходства представляет собой долю совпадающих реакций от общего количества реакций:

$$W = \sum_{i=1}^k \frac{f_{i1} + f_{i2} - |f_{i1} - f_{i2}|}{N_1 + N_2 - |N_1 - N_2|}$$

где: k – сумма различных ассоциаций в обеих группах; f_{i1} , f_{i2} – частоты i -той ассоциации в обеих группах; N_1 и N_2 – число выборок в обеих группах.

Было проведено тестирование программного обеспечения и баз данных. В качестве примера рассматривался сценарий тематической группы «семья», представленный шестью словами-стимулами (*бабушка, брат, любовь, мать, отец, ребенок*). В диалоговом режиме формировались словарные статьи «вариативного перевода»

слов реакций с татарского и башкирского языков на русский, далее осуществлялось программное попарное сравнение словарных статей и расчет меры сходства.

По средним значениям показателя сходства связь является сильной для стимулов **брат, отец, ребенок**. По анализу средних значений сходства для различных пар языков сильная связь существует между реакциями на башкирском и татарском языках по всем исследованным стимулам.

ИНСТРУМЕНТЫ АНАЛИЗА МЕДИАФРЕЙМИНГА: КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГЕМА

*Н.К. Радина (Нижний Новгород)
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
rasv@yandex.ru*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 22-28-00015

Под медиафреймингом (фрейм — некая структура, схема) в исследованиях понимается процесс и результат отбора медиа-агентами определенных аспектов отображаемой реальности с целью придания им особенного характера представленности [Santos, Tainsky, 2013]. Медиафрейминг в общем потоке изучения политической коммуникации — достаточно разработанная и популярная область медиаисследований [Peicheva, Rayceva, 2017]. Специфику медиафреймирования изучают в контексте использования устоявшихся фреймов (как систем знаний), опираясь на привычные стереотипы и социальные представления, или при создании иной реальности с помощью внедрения новых фреймов [Lokot, Diakopoulos, 2016]. Анализ медиафреймирования востребован при оценке воздействия медиа на население в период кризисов, а медиафрейминг считается необходимым для формирования (через медиа) доверия общества к правительству.

Теоретическое поле медиафрейминга в коммуникативистике — открытая площадка для поиска и экспериментирования, включая создание инструментов для анализа фреймирования медиадискурса. Одним из инструментов изучения медиафреймирования является методика идентификации контекстуальных идеологем [Радина, 2021]. К контекстуальным / смысловым идеологемам относят слова и фразеологизмы, идеологическое значение которых формируется в результате активного употребления в определенных идеологических контекстах [Карамова, 2015]. Идентификация контекстуальных идеологем в медиадискурсе возможна с опорой на методы компьютерной лингвистики. Особым ресурсом следует считать реконструкцию семантических полей контекстуальной идеологемы: семантические поля раскрывают смысловое наполнение идеологемы, что особенно важно при изучении цифрового дискурса — значительных медийных массивов.

Методика идентификации контекстуальной идеологемы позволяет определить идеологемы, которые создает медийный дискурс, а реконструкция семантических полей контекстуальной идеологемы детализирует особенности репрезентации контекстуальной идеологемы в тексте, что особенно значимо при сравнительном анализе идеологем разных медийных дискурсов.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЕТЕВОЙ ПРОТЕСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е.А. Репина (Москва)

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
repina69@mail.ru*

В последние два десятилетия площадкой для выражения политических взглядов и настроений все чаще становятся социальные сети и мессенджеры. Они используются не только как средство распространения информации о политических акциях, но и как инструмент мобилизации участников протестных движений. На рубеже 2010-х годов социальные сети, в первую очередь Twitter и Facebook, придали политическим протестам новый смысл. Появился термин «Твиттер-революция», суть которого заключается в том, что посредством социальных сетей каждый пользователь может стать участником политического протеста и влиять на принятие политических решений. С середины 2010-х годов важную роль в протестной коммуникации начинают играть и мессенджеры.

Всё это обуславливает высокий интерес исследователей к различным аспектам сетевизации политической коммуникации и политического протеста. В частности, данная проблематика находится в фокусе внимания таких отечественных ученых, как А.В. Кинсбургский, А.И. Соловьев, С.В. Володенков, И.В. Мирошниченко, А.В. Ваньке, Л.В. Сморгунюв и др. Среди западных исследователей можно выделить такие имена, как С. Валенсуэла, С. Стауффер, Р.Мертон, М. Кастельс, В. Беккерс, А. Мелучи и др.

Значительная часть работ посвящена изучению роли социальных сетей в активизации протестных настроений, а также их способности служить коммуникационным каналом для организации и координации протестных действий. Известно, что социальные сети способны накапливать и концентрировать протестный потенциал, который затем может распространяться за пределы Интернета. В рамках нашего исследования мы предприняли попытку применить психолингвистический подход к изучению сетевой протестной коммуникации.

Целью исследования было выявление психолингвистических особенностей коммуникации в социальных сетях и мессенджерах, предваряющей и сопровождающей различные протестные акции. В задачи исследования входил, в частности, анализ используемых в коммуникации речевых средств, выявление модусов как средств передачи смысла в протестной коммуникации, определение сопровождающего коммуникацию эмоционального фона, выявление стереотипов и установок участников сетевой коммуникации.

В качестве общего методико-методологического подхода был выбран метод кейс-стади. Хронологические рамки исследования охватывают период с 2010 г. по настоящее время. В фокусе внимания находились протестные акции, которые широко обсуждались и/или получили активную поддержку в социальных сетях. Анализ информационного массива осуществлялся с помощью контент- и интент-анализа. Для мониторинга социальных сетей использовалась система Brand Analytics.

Примененный в исследовании комплексный подход позволил осуществить анализ языковой составляющей сетевого протестного дискурса в его обусловленности ситуацией и контекстом, а также эмоциональным состоянием участников

коммуникации. Итогом исследования стало описание эмотивов как индикаторов уровня протестного потенциала, их соответствие этапам протестной мобилизации, в частности фазе *перерастания протестных настроений в протестную активность, предполагающую* в том числе выход за пределы Сети.

ТЕХНОЛОГИИ АНАЛИЗА ВЕРБАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

Т.М. Рогожникова (Уфа)
Уфимский государственный авиационный
технический университет
*burzian@yandex.ru*mailto:ivanov@mail.ru

В докладе анализируются технологии, которые позволяют получать доказательные результаты, востребованные в разных областях. Некоторые технологии имеют давнюю традицию применения в технических науках и могут считаться новыми только для гуманитарных областей. Есть и те, которые впервые введены автором в научный обиход недавно.

1. *Технологии распределения частотности единиц.* Опорой для исследований в этой области стали законы Ципфа, описывающие закономерности частотного распределения слов в тексте на любом языке. Для процедур анализа основной единицей была выбрана буква, при этом частотность является и вероятностью появления буквы. Создан специальный блок компьютерной программы с возможностями визуализации и оценки степени отличия различных текстов от языковой нормы.

2. *Технологии распределения избыточности.* Опорой для создания алгоритма анализа послужила математическая теория информации Шеннона, позволяющая измерять количество информации, содержащееся в символе. Технология использовалась автором в судебной экспертизе для анализа вероятности множественных трактовок содержания. Лингвистически избыточность можно определить как разницу между максимальной информативностью и реальной информативностью. Математически — это разница между абсолютной энтропией и общей удельной энтропией.

3. *Технологии изучения электрических сигналов.* Организм человека содержит много источников электрических сигналов, которые можно выделить с помощью специальной аппаратуры, используя для активации паттерна вербальные раздражители. Для анализа ритмов мозга используется 16-канальный электроэнцефалограф, многофункциональный компьютерный комплекс для исследования ЭЭГ, ЭМГ сигналов и ВП — «Нейрон-Спектр-2». Для изучения эмоциональных состояний с помощью кожного потенциала используется анализатор электрической активности мозга «АМЕА», фиксирующий уровень постоянных потенциалов мозга.

4. *Технология проведения синкризы.* Новая технология, введенная автором, представляет собой основанный на сравнении полимодальных данных «детектор», позволяющий оценивать когерентность эмоционального состояния человека тому дискурсу, который порождается им, и устанавливать факт согласованности или диссонанса между ними.

5. *Технологии изучения ритмических кодов вербальных моделей.* Доказано, что тексты с разной ритмической структурой обладают различным суггестивным потенциалом. Создана компьютерная программа, которая определяет коэффициент

среднеквадратичного отклонения и позволяет графически представлять уникальные ритмические коды авторских текстов.

6. *Технологии изучения психологической цветности вербальных моделей* опираются на достижения в области психосемантики цвета. Ассоциативная цветность изучается с помощью компьютерных программ на базе русского, английского, немецкого, башкирского и татарского языков.

7. *Технологии изучения модальности восприятия.* Технологии изучения языковых явлений в контексте полимодальности восприятия позволяют устанавливать изменения, происходящие в процессе кодирования информации об окружающем мире.

8. *Технологии лингвистической статистики и шкалирования* являются важным дополнением к экспериментам. Шкалирование позволяет выявлять латентные структуры с использованием количественных показателей. Статистический анализ — строить уравнения корреляционной зависимости, множественной регрессии, зависимости по значимым характеристикам и др.

9. *Технологии ранжирования* можно использовать как промежуточный этап сбора / анализа данных и как методику количественных измерений в соответствии с определенными критериями.

Секция 10
РУССКОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ:
ДИНАМИКА И ВАРИАТИВНОСТЬ
(КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВВ.)

РЕАЛИИ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РЕГИОНА

К.А. Козлова (Магнитогорск)
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова
ksyuhakolyhanova@mail.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 22-18-20022, <https://rscf.ru/project/22-18-20022/>

Культура любого народа отражается в языке, о чем свидетельствует наличие специфических единиц, малопонятных представителям других культур. В настоящее время на Южном Урале проживают 152 народности. Только в Челябинске и Магнитогорске действуют более 40 национально-культурных объединений. По особенностям говора и употреблению языковых реалий или культурем можно определить, к какому региону относится человек.

Слов, которые употребляются только на Урале, огромное количество. Для сохранения нашего колорита, традиций и обычаев наши урализмы должны регулярно фиксироваться в словарях, так как составляют богатство языка [Pesina, Solonchak, 2014; Песина, Зимарева, 2017]. Передать такие культуронимы-урализмы на иностранный язык возможно при помощи транслитерации и дальнейшего пояснения. Это позволяет сохранить национальный колорит наших реалий, отражающих субкультуру и уникальный жизненный опыт [Назарова, Песина, 2011; Песина, 2016; 2021].

Так, в Магнитогорске словом «Мордор» называют Магнитогорский металлургический комбинат (ММК) по аналогии с лексемой «Черная Земля» из романа-фэнтези Д. Толкина «Властелин Колец» (*mor* ‘черный’ и *dor* ‘земля’). Мордор, как известно из романа, — это страшное место возле действующего вулкана, из которого извергается лава, т.е. речь идет о высоких температурах. На ММК в домнах плавят металл, и над ним постоянно наблюдается смог, как над землей в Мордоре. Данные пояснения необходимы для понимания этой реалии, иначе они вряд ли будут понятны англоязычному реципиенту. Для англоязычного реципиента мы переведем таким образом: *Mordor is the Magnitogorsk Iron and Steel Works named so because of emissions and work with high temperatures*. Яркими примерами урализмов являются такие слова, как «маечка» (целлофановый пакет в форме маечки — метонимия) и «айда» — пойдём. Многие урализмы возникли благодаря башкирским и татарским корням. Так, слово «айда» на Урале употребляется как междометие, которое можно перевести также транслитом: *ayda, ajda*.

Итак, исследования в области языковой идентичности народа всегда служат лингвокультурологическим мостом между многочисленными народностями,

населяющими Россию. Подобные исследования будут способствовать укреплению взаимопонимания и облегчению коммуникации, а также позволят жителям других культур прикоснуться к культурному наследию уникального многонационального Южно-Уральского края.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О КРЫМСКОМ МОСТЕ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КРЫМЧАН

Е.А. Коновалова (Симферополь)

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
lkon55@list.ru*

Ассоциативно-вербальное поле «Крымский мост» представляет собой ключевое понятие русской культуры и менталитета. Ассоциативно-вербальное поле «Крымский мост» пересекается с концептом «Крымский мост». Ассоциативно-вербальное поле демонстрирует синтагматические и парадигматические связи, фонетические, грамматические, словообразовательные и тематические отношения. В содержание концепта помимо слов входит его образ и эмотивная составляющая. Ассоциативно-вербальное поле уже концепта, так как состоит только из языковых единиц.

Ассоциативно-вербальное поле «Крымский мост» и концепт «Крымский мост» находятся в эквиополентной оппозиции по отношению друг к другу, поскольку ассоциативно-вербальное поле не может являться структурной частью концепта из-за наличия в исследуемом поле ассоциатов, не относящихся к одноименному концепту, и тем более не совпадает с ним полностью. При этом значительная часть ассоциативно-вербального поля соотносится с фрагментом концепта.

Крымский мост мы рассматриваем как часть окружающего предметного мира, который формируется, закрепляется и отражается в языковом сознании индивидов. Сначала формируется сознание, потом происходит вербализация и формирование нового фрагмента языковой картины мира.

Ассоциативно-вербальное поле формирует языковую картину мира, отражающую все образы, понятия, знания в вербальной, знаковой форме, в виде значений, формирующих семантическое пространство языка. Языковая картина мира объективирует концептуальную картину мира вербальными средствами. Языковая картина мира состоит из семантического пространства языка, формируемого значениями языковых единиц, ассоциативными связями между словами. Языковая картина мира является частью концептуальной, поскольку вербализуется только часть содержания концептосферы. Ассоциативно-вербальное поле является частью ассоциативного поля, поскольку вербализуются только единицы, имеющие коммуникативную значимость.

Проведенное исследование показывает, как изменяется состав ассоциатов в языковом сознании. Крымский мост перестает ассоциироваться с паромной переправой. Реакция *паром* в 2018 году была отмечена 25 раз, а в 2019 году — только один. Значительно уменьшилось количество реакций в 2019 году по сравнению с 2018 годом: *люди, металлоконструкции, надежда, паром, перспективы, пробки, развитие, воссоединение, скорость, стройка, строители, строительство, труд, улучшение уровня жизни, улучшение качества жизни, низкие цены, аварии, автобус, бензин, бетон, бюджет, долг*.

Ни разу не было реакции в 2019 году: *крымская весна, лавочка «Крымский мост», металл, продукты, протяженность, рабочие, рабочие места, сваи, торговля, транспортное сообщение, транспортировка, экономика, передвижение, жизнь, новая жизнь, лучшая жизнь, инфраструктура, Крымская весна, коммуникация.* В 2019 году появились новые реакции: *объединяющий, автомобильная дорога, Краснодарский край, крымские вина.* Есть реакция, которые в 2018 году была единичной, а в 2019 году стала массовой — *соединяет.*

Стереотипное представление о Крымском мосте можно сформулировать следующим образом: доминантой языкового сознания выступает образ дороги через море, что отражает лексическое значение слова. В эмоционально-оценочной составляющей преобладает положительная оценка, отражающий надежды на улучшение жизни на полуострове.

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

А.Г. Полянская (Москва)

*Российский университет дружбы народов
polyanskaya-ag@rudn.ru*

В данной работе мы проанализируем целесообразность использования ассоциативного эксперимента как психолингвистического метода для исследования религиозной составляющей языкового сознания. В качестве материала будут использоваться данные ассоциативных словарей (РАС, ЕВРАС, СИБАС, Крымский ассоциативный словарь), а также результаты собственного эксперимента, проведенного в 2021 году, в котором в качестве испытуемых приняли участие 25 человек в возрасте от 17 до 21 года и 25 человек старше 45 лет. Объектом исследования являются реакции на слово-стимул **воскресенье**.

В таблице приведены реакции, связанные с христианством:

РАС (прямой)	<i>Вербное (1,3%), Христа (0,8%), святое, Христово (0,6%), Бог (0,4%), Господь, из мертвых, Пасха (0,2%)</i>	4,7%
РАС (обратный)	<i>Вербное (38,5%), верба (1,7%)</i>	38%
ЕВРАС (прямой)	<i>Пасха (1,5%), Христово (1,1%), вербное (0,9%), светлое (0,7%), церковь (0,6%), Бог, Иисус, прощенное, святое (0,4%), воскресение, Божий день, Иисус воскрес, крещеное, пасхальное, пост, прощенное, светлый день, свято, служба, служба храма, храм, Христа, (0,2%)</i>	8,6%
ЕВРАС (обратный)	-	0%
СИБАС (прямой)	<i>Христово (1%), вербное, Пасха, церковь (0,6%), день Господа, Иисус Христос, Христос, прощальное, прощенное, светлое, святое, храм, Христос воскрес! (0,2%)</i>	4,6%
СИБАС (обратный)	<i>Простить (2%)</i>	2%

Крым (прямой)	<i>церковь (2,1%), Пасха (0,6%), вербное, Иисус, Христово, Христос (0,4%), Бог, вера, Воскресения, молитвенное, православие, прощальное, прощение, религия, святое, храм, Христа, церковный праздник (0,2%)</i>	6,6%
Крым (обратный)	-	0%
Эксперимент 2021 (17-21)	<i>Церковь 8%</i>	8%
Эксперимент 2021 (45+)	<i>Библия, вечная жизнь, Литургия, Пасха, Христово, церковь (8%)</i>	48%

В результате анализа данных можно прийти к нескольким выводам:

– Реакции в РАС отличаются от результатов более поздних экспериментов количественно и качественно, что позволяет сделать вывод об изменении восприятия понятия *воскресенье* и, возможно, структуры и содержания религиозного языкового сознания вообще в последние десятилетия. Так, в РАС представлен наибольший процент реакций в обратном словаре, однако реакции, отражающие активную вовлеченность в жизнь Церкви, отсутствуют, а представленные реакции отличаются поверхностностью, клишированностью и большей связью слова-стимула с праздником Входа Господня в Иерусалим (вербным воскресеньем), чем с Пасхой, что еще раз доказывает большую шаблонность реакций.

– Реакции, отражающие связь с храмом и воскресной службой в наибольшей степени представлены в Крымском АС (2,5%). Для сравнения: ЕВРАС (1,2%), СИБАС (0,8%), РАС (0%), что позволяет предположить различия в структуре и содержании религиозного языкового сознания в разных регионах. Эксперимент 2021 г. в данном случае не учитывается, так как его участники были из разных регионов, а формат проведения эксперимента немного отличался (все стимулы в той или иной мере были связаны с христианством, что могло повлиять на некоторое увеличение объема целевых реакций).

– Возрастной фактор играет существенную роль при исследовании религиозного языкового сознания. В группе испытуемых старше 45 лет отмечается стремительное возрастание количества реакций в рамках прямого эксперимента, а сами реакции демонстрируют наибольшую вовлеченность в религиозный контекст (*Библия, вечная жизнь Литургия*).

– Данные прямых ассоциативных словарей имеют большую информативность для исследования структуры и содержания религиозной составляющей языкового сознания, чем данные обратных словарей.

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ НА ДИНАМИКУ АССОЦИАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА «БОЛЬНИЦА»

А.В. Разумкова (Калуга)

*Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
razumkova89@mail.ru*

Пандемия коронавирусной инфекции продолжает оказывать значительное влияние на все сферы жизни общества. Новые условия бытия не могли не

получить отражения в языке — через появление новых языковых единиц (*ковид*, *ковидник*, *ковидиот*, *удаленка* и пр.), переосмысление или расширение значения уже существующих слов (*корона*, *социальная дистанция*, *СИЗ*). Несомненно, изменениям подвергается не только лексическое значение слов, но и ассоциативное. Проанализируем ключевые изменения ассоциативного значения слова **больница**, которые произошли под влиянием социальных и экономических изменений, вызванных, в том числе, пандемией коронавирусной инфекции. Материалом исследования послужили данные Русского ассоциативного словаря (далее — РАС) и результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного осенью 2021 года (далее — эксперимент 2021). В ассоциативном эксперименте 2021 приняли участие 148 русских респондентов из Калуги и Калужской области в возрасте от 19 до 67 лет.

Согласно количественному анализу реакций по зонам, ядром ассоциативного поля слова **больница** был и остался Локус. На втором месте в РАС — Характеристика, в эксперименте 2021 — Субъект. Третье место разделили Объект и Действие (эксперимент 2021), а в РАС — Субъект. Сравнительное исследование процентного соотношения зон в двух экспериментах доказывает, что в период пандемии респонденты стали чаще ассоциировать **больницу** с субъектом (с 13% до 17%), действием, процессом (с 6% до 15%), состоянием (с 7% до 14%), а вот характеристик, как положительных, так и отрицательных, стало намного меньше (с 22% до 10%).

Ранее (РАС) **больница** была *на окраине города (7)* — самая частотная реакция (единичные реакции: *на краю города, на окраине*), *белого цвета (4)*, *городской (4)*, *старой (3)* *лечебницей (3)*. Сегодня **больница** — это *очереди к врачу (14)* (самая частотная реакция), *палата (12)*, где *лечение (7)* назначает *врач (7)*. **Больница** — *наше спасение (1)*, здесь делают *уколы (3)*, *операции (2)*, *оказывают помощь (2)*. Это по-прежнему *старое (3)*, *белое (3)* здание, может быть *городским (3)* *учреждением (3)*, где *много людей и нет записи (1)* (эксперимент 2021). Положительные характеристики *новая (2)*, *просторная (1)*, *чистая (1)* (РАС) дополняются реакциями *отличная (1)*, *светлая (1)*, *заботливая (1)* (эксперимент 2021). Отрицательные прилагательные, описывающие внешний вид, — *старая (3)*, *грязная (2)*, *дряхлая (1)*, *застойница (1)*, *старенькая (1)* (РАС) — сменяются на оценочные суждения: *неуважение к пациентам (1)*, *хуже, чем оказалось (1)*, *плохая (1)* (эксперимент 2021).

В 90-е годы отмечается усиление ассоциативной связи образа **больницы** с психологическими проблемами: *псих (2)*, *для психов (1)*, *палата номер шесть (1)*, *попадешь туда только от бешенности (1)*, *психиатрическая (1)*. Подобных реакций нет в ответах респондентов эксперимента 2021 года, что говорит о том, что сегодня образ рассматриваемой языковой единицы не ассоциируется с психологическими проблемами, а больше представлен разнообразными реалиями современной жизни.

В эксперименте 2021 года отмечаются ассоциаты, которые отражают реалии современной жизни, продиктованные пандемией: *прививка (2)*, *маска (2)*, *бахилы (1)*.

Таким образом, по результатам сопоставительного исследования за рассматриваемые периоды времени отмечается количественное и качественное изменение ассоциативного значения слова **больница**.

**ГРЕХ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА «ЖИТИЙ НОВОМУЧЕНИКОВ
И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ XX ВЕКА МОСКОВСКОЙ
ЕПАРХИИ»)**

Е.В. Суровцева (Москва)

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
surovceva-ekaterina@yandex.ru*

Исследователей уже привлекала проблема возрожденной лексики русского языка. Под *возрожденной лексикой* понимаются слова, возвращенные в активное употребление [Андрейченко, 2006, с. 47; Суровцева, 2011]. В связи с изучением данной проблематики закономерно обращение к произведениям современной художественной литературы [Андрейченко, 2006] и к современной журналистике [Суровцева, 2011]. Не менее важно обращение к жанрам современной церковной литературы, в том числе — к жанру современного жития.

В настоящий момент нами ведется работа по созданию корпуса житий новомучеников и исповедников (на материале «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии») [Суровцева, 2018] — корпус создается на основе 8-томного издания этих текстов [Жития, 2002-2005]. Одной из частотных лексем корпуса является лексема *грех*, в советское время выпавшая из употребления из-за ее тесной связи с религиозной лексикой (разумеется, понятие *должного* и *недолжного* существовало). По нашим подсчетам, слово *грех* встречается в корпусе 94 раза (в 36 текстах). Необходимо отметить также наличие однокоренных слов: *греховность* (1 раз в 1 тексте), *греховный* (4 раза в 4 текстах), *грехолюбивый* (2 раза в 1 тексте), *грешить* (2 раза в 1 тексте), *грешник* (3 раза в 3 текстах), *грешница* (1 раз в 1 тексте), *грешно* (2 раза в 2 текстах), *грешный* (24 раза в 8 текстах), *прегрешение* (4 раза в 4 текстах) / *прегрешенье* — 1 раз в 1 тексте, *прегрешить* (3 раза в 2 текстах). Итого в общей сложности 141 словоупотребление. При анализе материала необходимо рассмотреть два вопроса. Во-первых, что именно оценивается как *грех*? Например, произошедшая Октябрьская революция оценивается как наказание за грехи нашего народа (в связи с этим цитируются слова, например, преподобномучениц Веры Морозовой и Софии Селиверстовой). Во-вторых, вопрос о сочетаемости лексем. Так, слово *грешный* употребляется в таких сочетаниях, как *грешный человек*; *человеческая грешная природа*; *грешный мирянин*; *грешный монах*.

Возвращение важных для русской культуры лексем — в частности лексемы *грех* — в активный обиход имеет неопределимое значение как собственно для языка, так и всей культуры в целом, так как русское языковое сознание тесно связано с религиозностью нашего народа.

Секция 11 ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ И РОДНОГО ЯЗЫКА

АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ: ОТ ЯЗЫКА К СОЗНАНИЮ ЧЕЛОВЕКА

С.В. Ионова (Москва)

*Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
sionova@mail.ru*

Экология в качестве предмета изучения рассматривает экологические системы (экосистемы) — некое сообщество изучаемых явлений вместе со средой их обитания. В трудах отечественных ученых понятие среды и идея окружающей среды в ее гуманитарном толковании обсуждалась задолго до появления научных эколингвистических исследований. Среда в современных научных концепциях предстает в виде совокупности внешних условий, системы внешнего окружения, свойства которого накладывают отпечаток на объект изучения и изменяются под влиянием находящегося в нем объекта. Известны такие понятия, закрепившиеся в научном и быденном сознании современного человека, как «окружающая среда»; «производственная среда»; «информационная среда общества». Понимание информационной среды соотносится с представлениями о таких явлениях, как «ноосфера» В.И. Вернадского, «семиосфера» Ю.М. Лотмана, «культурная среда» Д.С. Лихачева. С этими понятиями соотносится сформулированное В.А. Звегинцевым понятие «психосферы»: «Человек как уникальный живой организм в равной степени ориентирован в своем строении и на биосферу, и на психосферу» [Матурана, Варела, 2001, с. 159-160]. В связи с тем, что все виды целенаправленной человеческой деятельности протекают с участием языка или посредством языка, понятие психосферы ученый связывает с уникальной отражательной и выразительной способностью языка, с функцией языка как вместилища общественного сознания, включающего в себя все добытое человеческим сознанием. Традиция к «языковлению» человеческого сознания в лингвистике обуславливает ситуацию, связанную с применением «охранных» мер (как части экологического подхода к исследованию объектов) к явлениям разного порядка: от языковых единиц (см. слова, иноязычных единиц, устаревшей лексики, жаргонизмов), языкового строя (тенденций к аналитизму, сохранения языков малых народов и исчезающих языков), норм речи (культуры речи, культуры коммуникации, этики общения, уместности речевых высказываний) [Сквородников, 1996] до сознания, психического и физического здоровья человека, его коммуникативной адаптации в обществе, межпоколенной связи [Матурана, Варела, 2001].

В связи с указанной проблемой в докладе предлагается выделять два аспекта экологических исследований [Ионова, 2013, с. 89], где языковые явления выступают в качестве объекта, находящегося под влиянием неязыковой среды, или, напротив, в качестве среды существования человека, психосферы его личности, сознания. Онтологическая связь этих аспектов не исключает эпистемологического подхода к их изучению и описанию в лингвистике и соответствует пониманию языка в психолингвистике как системы «ориентиров», необходимой для деятельности человека в окружающем его вещном и социальном мире: «Язык и речевая деятельность

участвуют и в формировании и функционировании <...> психического отражения, и в процессе опосредования этим отражением жизнедеятельности людей» [Леонтьев, 1997, с. 12].

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ НОСИТЕЛЕЙ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

*М.И. Кысылбаикова (Якутск)
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
kysylbaikova@mail.ru*

Работа выполнена в рамках научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства РФ, соглашение № 075-15-2021-616).

Обращаясь к этнокультурной специфике языкового сознания определенного лингвистического когнитивного сообщества, необходимо учитывать тот факт, что язык членов лингвокультурного сообщества является прежде всего основным инструментом его ассимиляции и распространения такой информации для человека.

Д.А. Нурушева считает, что «в отличие от исторического языкознания, которое изучает влияние одного языка на другой в процессе их развития или индивидуальное развитие языков, экологическая лингвистика занимается исследованием процессов вытеснения или выживания между конкурирующими языками в определенном пространстве, будь то сознание отдельного человека или какое-либо общество» [Нурушева, 2014, с. 890-893].

По мнению Н.В. Уфимцевой, «поиск новых путей исследования привел к формированию представлений о межкультурной онтологии анализа национальных (этнических) сознаний, когда образы сознания одной национальной культуры анализируются в процессе контрастивного сопоставления с образами сознания другой культуры» [Уфимцева, 2017, с. 33].

В качестве метода исследования языкового сознания носителей якутского языка был выбран свободный ассоциативный эксперимент, поскольку данный эксперимент позволяет выяснить, как фрагменты языкового сознания устроены у носителей языка. В нашей работе мы придерживаемся мнения В.П. Беянина, который считает, что «ассоциативный эксперимент показывает наличие в значении слова психологического компонента» [Беянин, 2007, с. 129].

По итогам проведенного исследования среди носителей якутского языка можно заметить яркое проявление национальной культуры, быта в языковом сознании якутов. Частотные реакции содержат в первую очередь элементы фольклора как основы национальной культуры народа Саха. По полученным данным мы видим, что фольклор на своем долгом пути развития, всесторонне отражая историю, жизнь и быт народа, вырабатывал свои духовно-эстетические специфические традиции. Его традиции передавались устно от одного лица к другому, от одного поколения к последующему. Несмотря на влияние глобализации, информатизации, сохраняется влияние национальной культуры в сознании народа, наблюдается возрождение интереса взрослых к изучению, возрождению родного языка. На экологию языкового сознания влияют социальные, культурные, природные условия, которые необходимы для сохранения самобытности этнической общности и ее языка.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕМОТИВИРОВАННЫХ АНГЛИЦИЗМОВ В СМИ КАК УГРОЗА ЭКОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

О.Ю. Мельник (Москва)

Всероссийская академия внешней торговли
oymelnik@ya.ru

Процесс глобализации активно влияет на современный русский язык, о чем свидетельствует большое количество заимствований и повышение интенсивности их употребления. Современный русский язык находится под сильным влиянием английского языка, количество заимствованных единиц из этого языка непрерывно растет. Англицизм — это английское слово или словосочетание, перенесенное в русский язык из английского языка, прошедшее определенную трансформацию или оставшееся в своем оригинальном облике. Значительная часть заимствований из английского языка представлена именами существительными, однако заимствуются также прилагательные и глаголы. Эти заимствования не являются русскими словами, несмотря на то что имеют формальные признаки русских слов. (*постить, фиксить*) и т.п.

Группа людей, иницилирующих заимствование, должна быть влиятельна или авторитетна в своей области, ее речевое поведение должно быть эталонным для других носителей языка. Некоторые ученые отмечают возникновение избыточного употребления англицизмов в русском языке, предпочтительность использования заимствованных слов вместо русских аналогов, их престижность. Однако активное употребление иноязычных заимствований во многих случаях может затруднять восприятие текста. Из-за того, что адресат чувствует свою некомпетентность в предлагаемом ему тексте, создается коммуникативное напряжение, при этом мысль, выраженная с помощью употребления иноязычного заимствования, может не дойти до получателя информации.

Нами было проанализировано 60 новостных статей, опубликованных в газетах «Аргументы и факты», «Коммерсантъ», «Комсомольская правда», «Известия» за период с 02.2018 по 02.2022. Все англицизмы, заимствованные на современном этапе, были использованы в СМИ в отрыве от контекста языка-донора. Это позволяет сделать вывод о значительном уровне проникновения англицизмов в русский язык. На наш взгляд, данная лексика не обогащает русскую речь, а всего лишь дублирует уже имеющиеся в составе русского языка слова: *ангрейд, апдейт, бэкграунд, гайд, дедлайн, инсайдер, кейс, комьюнити, контент, лайфхак, локация, локдаун, мейнстрим, мониторить, паттерн, своп, селебрити, селфи, сет, спайсы, спойлер, фейк, фидбэк, флешмоб, чек-лист, челендж, санитайзер, аутлет, барбершоп, мерч, рестаيلлинг* (бытовая лексика); *блог, блогер, лайк, логин, мессенджер, онлайн, оффлайн (офлайн), паблик, плейлист, пост, свайтинг, скроллинг, спам* (Интернет); *баннер, билборд, промо, реали-шоу, ребрендинг, слоган, стендап (стэндап), таргетинг, флаер, эдиториал* (СМИ и реклама); *кейбэк, стартап, воркшоп, коворкинг, тьютор, фриланс, биткойн* (бизнес и экономика); *воркаут, кроссфит* (спорт); *аймакс, вай-фай, валидатор, гаджет, смартфон* (техника); *хайли лайкли* (политика); *овердрафт, ритейлер, скимминг, снифферинг, траппинг, фишинг* (юридическая лексика); *абыюз, газлайтинг, демотиватор, сталкинг, шейминг* (психология); *байк, краш-тест, спорткар, тест-драйв, трафик* (транспортные средства); *буккроссинг, ремейк, сиквел; саундтрек*, (литература и кинематограф); *маффин, сэндвич; фастфуд* (кулинария).

Таким образом, в настоящее время происходит варваризация русской речи, ее насыщение англицизмами. Всё это свидетельствует об отсутствии стремления к поддержанию экологии родного языка, богатств его ресурсов. Снижение роли родного языка представляет собой прямую угрозу национальной культуре и национальному языковому сознанию.

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА ПРИ ПЕРЕВОДЕ PR-ТЕКСТОВ

*А.П. Миньяр-Белоручева, П.И. Сергиенко (Москва)
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ostvera@mail.ru, poserg@bk.ru*

Эколингвистика — сравнительно молодая междисциплинарная область знания, которая включает методологический подход, суть которого заключается в сохранении чистоты родного языка. В настоящее время английский язык является *lingua franca* современности, и все неологизмы, появляющиеся в этом языке, моментально транслируются практически во все языки мира. Новые языковые образования, непосредственно отражающие ситуацию в мире и все текущие изменения, происходящие в обществе, тиражируются на другие языки в основном посредством транскрипции, транслитерации, калькирования, а также смешанных средств перевода. Особенно остро стоит вопрос об экологии русского языка при переводе профессиональных PR-текстов, дисциплины которой до конца 1980-х годов не существовало в нашей стране. Учитывая тот факт, что язык оказывается под влиянием социальной, психологической и культурной среды, необходимо тщательно изучать все факторы, влияющие на развитие языка и его функционирование.

Развившись из биолингвистики, возникшей в начале 1950-х годов, эколингвистика восходит к идеям В. фон Гумбольдта, касающимся взаимосвязи языка и мира. Позже идея немецкого философа была воспринята и разработана американскими лингвистами Э. Сепиром и Б. Уорфом, которые выдвинули идею о языке, определяющем сознание, рассматриваемую как попытку скоррелировать язык и окружающую среду. Важно отметить, что данная гипотеза заложила основы как когнитивной лингвистики, так и психолингвистики, что ставит целью объяснить процесс приобретения знаний.

В настоящее время существуют три направления эколингвистики, включающие 1) последователей Е. Хаугена, 2) биолингвистику, 3) сторонников М. Халлидея. Е. Хауген воспринимает планету как экологическую систему, в которой исчезновение языков малых народов нарушает биологическое разнообразие [Haugen, 1966]. Данную теорию можно применить к загрязнению русского языка в процессе использования профессиональной PR-лексики или в процессе перевода PR-текстов с английского язык на русский.

С точки зрения механизмов категоризации, следует отметить, что вся предметная область связей с общественностью была заимствована из американской PR-культуры, которая ведет свое начало с начала 1920-х годов. Исследование показывает, что заимствуются чаще всего профессионально ориентированные термины, лексические единицы, описывающие профессиональную деятельность, ранее не существовавшую в деловой среде России. Представляется перспективным рассматривать влияние предметной области связей с общественностью на расширение словарного состава русского языка. С введением PR в русский язык вошли такие слова, как *пресс-релиз*

(press release), *ньюз-мейкер* (news maker), *ивент-менеджер* (event-manager), *пресс-кит* (press kit), *инфлюенсер* (influencer), *гейткитер* (gatekeeper), *полевое исследование* (field research), являющиеся транслитерациями, транскрипциями и калькой с английского языка. Необходимо отметить, что особую сложность при переводе на русский язык представляют аббревиатуры как элементы вторичной номинации, сохраняющие латинское написание при передаче на другие языки. Данное явление воспринимается как варваризм в русском языке, но принимается в профессиональном жаргоне языка PR-специалистов и не выходит за пределы терминологического поля указанной специальности. С точки зрения психолингвистики, процесс адаптации заимствованных единиц связан с психологическими особенностями и профессиональными действиями PR-специалистов, формирующих свой профессиональный ментальный тезаурус. При общении на профессиональном уровне подобные заимствованные лексические единицы не вызывают психологического и когнитивного диссонанса. Несмотря на актуальность проблемы эколлингвистики, она является еще недостаточно разработанной и требует всестороннего изучения.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ: ДИНАМИКА СИСТЕМЫ И ГРАНИЦЫ НОРМЫ

В.Н. Шапошников (Москва)

*Московский государственный лингвистический университет
vladimirshaposhnikoff@yandex.ru*

Речь можно определять с позиций общей культуры человека — как она проявляется и выявляется в речевом поведении, в знании языковых художественных богатств, в умении ими пользоваться, осваивая в ряду других достижений цивилизации. Культура речи предстает в этом плане как часть национальной культуры. Речь можно рассматривать в социологическом аспекте, как языковую деятельность человека с учетом его общественного статуса, особенностей речезыявления, характерных для тех или иных групп носителей языка.

Языковое употребление может быть осмыслено в экологическом аспекте, как часть здоровой окружающей среды, речевого существования, освобожденного от грубых ошибок и неточностей, от всего, что засоряет, огрубляет, стилистически снижает или усредняет, нивелирует нашу речь, мешает общению, затрудняет или опошляет его, снижает нашу общую духовность. Экология языка и слова стоит в ряду таких гуманитарных понятий и направлений, как экология культуры, экология духа, экология совести. Экологический подход весьма важен, плодотворен и необходим именно в вопросах культуры языка, речевого общения. Привязанность к родному языку, чувство ответственности за его прошлое, настоящее и будущее составляет существо экологического подхода к речи.

Для фактической жизни языка существенно то, как пользуется общество своим языком. Наряду с проблемой языкового строя существует проблема языкового употребления. Языковое употребление представляет собой совокупность привычек и норм, в силу которых из наличного запаса средств языка производится известный отбор, не одинаковый для разных условий речевого общения.

Свойственные обществу языковые привычки, по которым из наличного запаса средств языка производится в общении необходимый отбор употребления, по

определенным причинам возникают, на определенных основаниях существуют и в некоторых условиях подвергаются воздействиям, изменяются и нарушаются. Языковое сознание являет себя и изменяется. В коммуникации происходят изменения употребления слов на разных уровнях и в различных областях языка. Так, слова устаревшие, редко употребительные выдвигаются из пассивного запаса в активный состав и становятся употребительными. Слова книжные, той или иной приподнятой окраски становятся в речи широко употребительными. Они употребляются вне присущей им сферы в других коммуникативных областях. Расширяется употребительность разговорной лексики. Изменяется в этом плане часть просторечной лексики. Сфера употребления подобных слов распространяется за пределы бытового общения. Изменяются их парадигматические и синтагматические характеристики. При этом закрепленное эмоционально-экспрессивное содержание нивелируется.

Выявляется аксиологическое языковое сознание и его изменения. Чрезмерное употребление слов определенного ментального происхождения приводит к вытеснению соответственной корректной лексики. Например, в современной речевой практике на месте слова «трудно» очень часто употребляется слово «сложно», на месте слов «какой-то», «такой» употребляется слово «некий», на месте слов «сначала», «вначале» в разговорной речи употребляется слово «изначально». Такая замена происходит на основе общей прагматической части содержания коррелирующих слов. У слов «трудно» и «сложно» таким общим прагматическим компонентом содержания является оценка затруднений для достижения предполагаемой цели, так что в слове «сложно» семантический компонент 'понимание' заменяется на 'осуществление'. Слово «сложно» занимает позиции слова «трудно», отождествляясь с ним, упрощаясь содержательно в таком употреблении и нивелируя составляющие логические компоненты своего значения. Следует отметить злоупотребление таким словами. Подобное злоупотребление приводит к тому, что лексические единицы теряют свое словарное значение и не приобретают нового значения, становясь словами-заполнителями, отягощающими изъяснение.

Изменяется семантика употребительных слов в массовой коммуникации. Некоторые слова могут употребляться не с тем значением, которое закреплено литературной нормой (*деликатный, неліцеприятный, авось* и др.). Встает вопрос о соотношении латентного содержания подобных употреблений с нормами значений литературной лексики. Возникающие смыслы либо соотносятся некоторым закономерным образом, либо не соотносятся с имевшейся семантикой единиц ментального лексикона.

Инновации и речевые ошибки не появляются в языке бесосновательно. Они являются той или иной реакцией говорящего, некоторых групп общества на изменение языковой картины мира под влиянием внутренних и внешних факторов.

Секция 12 ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

М.К. Абаева, С.Б. Валиева (Алматы)

*Казахский национальный педагогический университет им. Абая
madina_abaeva@mail.ru, sabina-valieva-2018@mail.ru*

Фразеология представляет собой одну из самых интересных систем языка. Уникальность фразеологизмов — устойчивых сочетаний слов — заключается в том, что они являются носителями различных коннотаций, воспроизводятся в речи в готовом виде, передают экспрессивные оттенки отдельных смыслов в высказывании говорящего или в письменном тексте [Питеркина, 2009, с. 129].

Природа фразеологизмов двойственна: если брать во внимание их лексический состав, то данные единицы языка можно отнести к классу словосочетаний, выполняющих коммуникативную функцию, однако номинативная функция, также присущая им, позволяет рассматривать каждый фразеологизм в качестве слова, обладающего целостным лексическим значением [Там же. С. 130].

Названные признаки устойчивых сочетаний слов дают понять, что эти языковые единицы могут быть труднодоступными для восприятия детьми, еще не освоившими полноценно всю систему языка. Возникает риск понимания фразеологизма как словосочетания, из которого необходимо извлечь прямой смысл. Именно такая проблема часто возникает, когда ребенок впервые слышит новую для него языковую единицу. Сталкиваясь с фразеологизмами, большинство детей проявляют к ним повышенный интерес, стремление узнать об истинном значении устойчивого словосочетания. Иногда дети продолжают интерпретировать услышанное по-своему, даже верно понимая его суть [Там же].

В настоящее время языковые особенности литературных произведений для детей изучены неполноценно. Фразеологические обороты в контексте этих произведений также не подвергались глубокому анализу. Существуют научные работы, посвященные в основном изучению фразеологического корпуса произведений конкретных детских писателей. Именно поэтому нам кажется необходимым охватить вниманием сразу нескольких авторов, чтобы выявить схожие особенности и цели употребления ими фразеологизмов [Михеева, 2017, с. 121].

Фразеологизмы формируют фразеологическую картину мира, расширяют общий кругозор юных читателей. Особую роль в восприятии литературного текста у детей играет понимание значения использованных в нем устойчивых сочетаний, обуславливающее приобщение детей к национальной культуре [Мигранова, 2018, с. 223]. Следовательно, не менее важно изучить и мотивы употребления фразеологизмов детскими писателями.

В произведениях, предназначенных для детей, используются фразеологизмы, относящиеся к различным стилям речи. Наиболее широко раскрывается на страницах детских книг разговорная фразеология (*пальчики оближешь, из кожи вон лезть*). Это обусловлено простотой, незамысловатостью ситуаций, отраженных писателями.

Просторечная и грубо-просторечная фразеологии не так активно используются в детской литературе, что можно объяснить их антивоспитательным характером (*во всю глотку, черт вас подери*) [Новосёлова, 2014, с. 182].

Уровень понимания фразеологизмов детьми проходит определенные этапы и предметом дальнейшего исследования будет функционирование фразеологических единиц в произведениях детских писателей.

ПРОБЛЕМА ВЫЯВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЯЗЫКОВЫХ СПОСОБНОСТЕЙ

А.П. Василевич (Москва)

*Московский государственный областной университет
basilevich@mail.ru*

Как писал Хомский, обучение языку основано на свойственной абсолютно всем людям врожденной языковой способности — подобно способности птиц к выращиванию крыльев. Но «врожденный» не означает «одинаковый у всех». Темп прохождения основных этапов становления речи и глубина овладения языком зависят от генетически обусловленных задатков конкретного человека. Особенно явно индивидуальные различия выявляются в процессе обучения иностранному языку: уже через полгода или год после начала обучения. Ученики с большими способностями достигают удовлетворительного уровня знания ИЯ за существенно более короткий срок. Это не означает, что люди с низкими способностями не в состоянии овладеть ИЯ. Самые, казалось бы, неспособные к языку школьники, попав в языковую среду, успешно овладевают иностранным языком.

Способность к усвоению языка включает как общие факторы (уровень интеллекта, мотивацию, активность), так и конкретные компоненты (фонематический слух или артикуляционные способности, хорошая память). Именно эти специальные способности могут быть оценены с помощью тестов. Скажем, есть много способов оценить объем памяти. Или можно оценить фонематический слух, предъявляя испытуемому для восприятия на слух пары слов с близкими по звучанию звуками: *diary — dairy; accept — except; thin — thing; quite — quiet* и т.п.

Практика показывает, что на школьных олимпиадах подобные тесты не предлагаются. В сущности, олимпиады по иностранному языку в их нынешнем виде выявляют уровень *знания языка*, практически дублируя ЕГЭ.

По-иному обстоит дело с лингвистическими способностями. Они определяются в первую очередь особенностями словесно-логического мышления и присущи далеко не всем.

Что можно сказать о победителе математической олимпиады? Он нашел нетривиальное решение задачи, которое мало кому приходит в голову. У него, безусловно, есть математические способности, и только в последнюю очередь можно говорить о том, что ему помогло знание каких-то формул и теорем. На этих олимпиадах никогда не предлагается воспроизвести доказательство теоремы Пифагора.

А что представляет собой победитель олимпиады по ИЯ?

Прежде всего, это человек, хорошо владеющий языком (знает грамматику, выучил много слов, имеет хороший опыт устной речи и т. д.). Он не решает никаких задач. Собственно, процесс обучения языку сводится к заучиванию слов и грамматических

правил с последующим многократным воспроизведением их на практике. Повторяю: оценивая уровень способностей или, если угодно, уровень профессионализма, мы должны четко отдавать себе отчет в том, что именно мы в данный момент оцениваем: природные задатки или объем накопленных знаний. Здесь-то и встает задача: как измерить, оценить лингвистическую одаренность как таковую, отвлекаясь от объема языковых навыков и умений.

Приведу пример подобного задания. «Сопоставьте слова: акватория, аудитория, лаборатория, обсерватория, территория, амбулатория. Все они этимологически восходят к латинскому языку. Определите общее значение. Попробуйте “расшифровать” значение каждого слова». Память здесь не поможет. В школьном курсе на эту тему вряд ли когда-нибудь говорилось.

Чтобы решить эту задачу, надо, во-первых, догадаться, что общая часть всех слов (-тория) соответствует русск. ‘место’, ‘пространство’. И тогда: акватория — ‘водное пространство’ (аква — вода), территория — ‘пространство, участок земли’ (terra — земля), аудитория — ‘место, где слушают’ и т. д.

В проведенном нами эксперименте группе учащихся был дан тест с заданиями подобного вида. В результате была выявлена группа «одаренных» детей. Для нее были получены независимые оценки успешности в русском и английском языках. Они были существенно выше, чем у «обычных» детей. Однако в нескольких случаях оценки теста на одаренность противоречили результатам языкового теста. Эти исключения особенно ярко подтверждают нашу мысль о том, что лингвистические и языковые способности не обязательно совпадают.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РКИ НА ЗАНЯТИЯХ В ВУЗАХ

Гао Гуоцуй (Чанчунь)

*Северо-Восточный педагогический университет
gaogc060@nenu.edu.cn*

Процесс обучения иностранным языкам очень сложен, и педагогический дискурс преподавателей в этом процессе играет очень важную роль. На занятиях студенты в основном изучают язык, полагаясь на дискурс аудиторного обучения, получают информацию о языке и культуре, а также осваивают коммуникативные компетенции. В условиях отсутствия вовлеченности в языковую среду эффективность изучения языка студентами больше зависит от качества педагогического дискурса преподавателя. Поэтому вопросы о том, как пользоваться педагогическим дискурсом на занятии, чтобы повысить эффективность обучения, как оценивать педагогический дискурс на занятиях преподавателей и т. п. стали предметом интереса ученых. В данной работе исследуется опросник «Оценочные показатели эффективности педагогического дискурса преподавателей русского языка как иностранного на занятиях в вузах» с использованием теорий языкознания, философии, психолингвистики, когнитивной лингвистики, педагогической психологии; исследуется также «Учебное пособие для обучения РКИ как специальности в вузах Министерства образования КНР».

Составленный нами опросник был проверен китайскими и русскими специалистами и апробирован на занятиях русских и китайских преподавателей, имеющих разный стаж работы. В некотором смысле можно сделать вывод, что в рамках данного исследования

были выбраны подходящие теории для анализа занятий, что представляет собой надежную основу оценивания и может быть распространено среди всех преподавателей для оценивания уровня обучения РКИ в вузах всего мира.

ГИПЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ СЛОВАРЯ-УЧЕБНИКА «МИР ДИКИХ ЗВЕРЕЙ И ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ»

*В.В. Дронов, В.П. Синячкин, В.И. Шляхов (Москва)
Российский университет дружбы народов
wwd41@mail.ru, sinyachkin-vp@rudn.ru, shlyakhovv@mail.ru*

Словарь-учебник «Мир диких зверей и домашних животных в русском языковом сознании» был создан как реализация учения о роли ценностей в языковом сознании и подсознании носителей русской культуры, а также на основе теории гипертекста, которые были разработаны Е.Ф. Тарасовым и его коллегами и учениками [Мир зверей и птиц ... , 2020].

Гипертекстуальность — это способность языкового сознания человека создавать множество текстов «на заданную тему». В языковом сознании существуют особые речемыслительные программы вербализации мыслей и образов. В программах особое место занимает процесс упорядочивания, подготовки мыслей и эмоций к их языковому воплощению.

Учебные материалы, вошедшие в состав словаря-учебника, обладают свойствами гипертекстуальности, поскольку без обращения к многочисленным текстам (словарные статьи, пословицы-поучения, тексты сказок и литературных произведений) трудно, если вообще возможно, сначала осознать, а затем объяснить иностранному учащемуся, почему те или иные звери, домашние животные в русском языковом сознании «очеловечиваются», а в их образах и поведении в сказках и литературных произведениях отражается своеобразие русского языкового сознания.

В русском языковом сознании хранятся немногочисленные образы диких зверей, которые занимают особое место среди других зооморфных образов. Образы медведя, волка, лисицы, зайца, белки и ежа запечатлены в гипертексте, включающем сказки, литературные произведения, басни, фразеологизмы и пословицы, которые передают самобытный склад ума, чувства, идеалы и устремления русских людей.

В русском языковом сознании мир животных представлен образной системой, в которой объективный мир соседствует с вымышленным, фантастическим пространством, в котором сосуществуют люди и дикие звери, домашние животные, птицы. Образы сказочных зверей и животных играли и играют немаловажную роль в **процессе формирования системы ценностей в русском языковом сознании**. Дети, слушая и читая русские сказки, впитывали понятия о правде и кривде, добре и зле, о справедливости и т. п.

Запечатленные в сказках и баснях, пословицах-поучениях образы животных и птиц могут сказать многое о менталитете народа. Русские сказки, басни, пословицы создавали и создают в языковом сознании детей своеобразную картину мира, особую философию жизни.

Словарь-учебник оснащен комментариями, заданиями и упражнениями, предназначенных для толкования скрытых смыслов в сказках и пословицах.

В сказках и баснях о животном мире отразилась мудрость русского народа, передаваемая из поколения в поколение. Поведение сказочных героев определяется представлениями о правде, истине, добре и зле, справедливости и предвзятости, хитрости, честности и т. п., в текстах сказок в иносказательной форме нашли место этические установления русского народа.

ФРАЗЕОЛОГИЯ В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОГО ПОДРОСТКА

Д.А. Ерастова (Москва)

Российский университет транспорта

Московский государственный областной университет

di.91@list.ru

Первые фразеологизмы отмечаются в активном фразеологическом запасе ребенка уже в дошкольном возрасте. В этот период у детей сначала отмечается интерес к идиомам, которые используют взрослые; дошкольники «выделяют их из речи взрослых, задают вопросы, требующие объяснения значений» [Питеркина, 2009, с. 130].

Бесспорно, чем раньше словарь ребенка обогатится идиомами, тем богаче и разнообразнее будет его речь, тем интенсивнее будет проходить его речевое, эмоциональное, интеллектуальное развитие. Овладение идиоматикой оказывается значительно более зависимым от социального и культурного окружения ребенка, от потребляемых им продуктов масс-культуры (книг, мультфильмов, детских художественных фильмов, развлекательных и познавательных телепередач, интернет-контента и т. п.), от внимания взрослых к его речи. Поэтому степень усвоения идиоматики (количество фразеологизмов в активном и пассивном фразеологическом запасе ребенка) может значительно отличаться у различных детей.

В речи одних детей идиомы отмечаются, начиная с 2 лет и 5 месяцев [Там же. С. 131]. Это, естественно, фразеологизмы разговорного характера, которые почерпнуты из речи взрослых: *руки дырявые, мокрая курица* и др. В речи других детей идиомы не появляются вплоть до начала обучения в школе, где их существование в языке становится открытием для ребенка.

В процессе обучения в школе состав используемых ребенком (подростком) идиом будет непрерывно расти под влиянием его общения со взрослыми, чтения им художественной литературы, участия во внеклассной деятельности. Однако в современных исследованиях описывается экспериментальное исследование владения старшими школьниками и даже студентами (курсантами) первых курсов фразеологией, демонстрирующее удручающие результаты. К примеру, в одной из работ указывается, что значения ряда фразеологизмов неверно понимают до ста процентов опрошенных курсантов (*танталовы муки, соль земли, прокрустово ложе* и др.), а значения других идиом правильно понимаются единицами (*альфа и омега, нить Ариадны, дамоклов меч* и др.). Даже самые простые фразеологизмы (*пить кровь, пролить свет, ахиллесова пята* и др.) верно осмысливаются не всеми опрошенными. Более того, ни по одному из предложенных фразеологизмов в ходе эксперимента не было получено результатов, говорящих об усвоении их всеми опрошенными [Шаменов, 2021, с. 90-91].

В настоящем исследовании приняли участие 54 школьника Москвы и Московской области в возрасте от 12 до 18 лет: 27 мальчиков и 27 девочек. Подросткам было необходимо подобрать одно из трех значений (переносного, буквального или

ассоциативного) к 15 идиоматическим выражениям современного русского языка. 19% мальчиков и 15% девочек выбрали ассоциативные значения к тем или иным устойчивым единицам, а 10% ответов мальчиков и 3% ответов девочек являются буквальными. Только пяти участникам удалось выбрать переносное значение всех предложенных идиом.

Проведенные исследования показывают, что довольно большой процент современных подростков владеет фразеологией родного языка на низком уровне. Данные проблемы могут быть решены, по мнению педагогов-практиков, или, по крайней мере, ослаблены, если использовать «культурогенный» материал. Обращение к культурным смыслам фразеологизмов, к отраженным в них традициям, обычаям, историческим событиям, позволит лучше организовать усвоение детьми идиом на современном этапе развития русского языка.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА В КОНТЕКСТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

А.В. Ковалёва (Москва)

Российский университет дружбы народов

kovaleva.anna94@mail.ru

В практике преподавания русского языка и литературы важным является не только учет особенностей языковой личности обучающегося, но и языковой личности писателя, автора художественного текста.

В современной науке широко используется такое понятие, как «автор» — субъект художественного творчества, создающий в своем творческом воображении художественную картину мира и вербализующий ее в текстах литературно-художественных произведений. Автор влияет на языковой дискурс и на формирование литературной языковой формы, ибо что такое литературный язык — язык, обработанный мастерами художественного слова. Таким образом, одним из проявлений языковой личности является литературная личность.

Художественная картина мира как особый вид отражения действительности также входит в систему картин мира (известны такие картины мира, как научная, философская, религиозная). Ее формирование определяют социальные, культурологические и исторические факторы, но особенность ее заключается в том, что ей присущи такие отличительные признаки, как образность, возможность познания действительности, эмоционально-чувственный образ реальности, обладающий значительными личностными характеристиками. Из данного ряда отличительных признаков становится ясно, что в художественной картине мира соединяются несколько методов познания мира: образный, научный, личностный и эмоционально-чувственный.

В рамках когнитивной лингвистики художественная картина мира изучается как концептосфера. В этой связи традиционное толкование понятия концептосферы, которое дал Д.С. Лихачев, звучит так: «концептосфера — это совокупность концептов нации, она образуется через все потенции и комплексы концептов носителей языка» [Лихачев, 1996, с. 147]. Относительно художественной картины мира, наряду с понятием концептосфера, возникает понятие «художественный концепт».

Рассматривая концепт как явление пограничное между языком и литературой, можно наметить пути перехода языковых концептов в художественную картину мира:

лингвистика, языковой концепт, концептосфера языка и культуры, художественное мышление, концепт художественного мышления, концептосфера языка и культуры, художественная философия, художественный концепт, концептосфера произведения, художественный мир произведения, художественная картина мира, литературоведение.

Относительно концептосферы художественного произведения были проведены исследования, которые позволили ученым (Ю.С. Степанов, В.В. Колесов, Л.В. Миллер) выделить группы художественных концептов. К таковым относятся концепты личного отношения (концепты «духовные» и концепты «чувств»); концепты, понимаемые опосредованно, через общество (*Дом, Родина*); концепт-аксеологема (концептуализироваться могут не только смыслы, но и эмоционально-оценочные образования); стандартизированные этнокультурно обусловленные интерпретации (это концепты, которые широко представлены в искусствоведческом и литературно-критическом дискурсе: *лишний человек, маленький человек и др.*).

Таким образом, концептосферу художественного произведения образуют художественные концепты. Для конкретного писателя присуща авторская художественная концептосфера, т. е. та совокупность концептов, которая для создания художественного мира произведения используется чаще всего. Однако художественные концепты могут как оставаться в рамках одного произведения, так и варьироваться, трансформироваться и переходить во множество других произведений данного автора.

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ УРОКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В МАЛОКОМПЛЕКТНЫХ КЛАССАХ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н.В. Кривошапова (Тирасполь)

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко

krivoshapova2022@gmail.com

Многолетние наблюдения за учебно-воспитательным процессом в малокомплектной школе, изучение состояния знаний, умений и навыков, а также уровня учащихся позволяют сделать вывод, что дети, обучающиеся в сельских малокомплектных классах, по многим критериям отстают от своих сверстников, которые обучаются в обычных типовых школах, особенно по уровню развития связной устной и письменной речи.

Психолингвистические исследования показывают, что при правильной и систематической организации обучения на комплексной основе качество и сила приобретаемых знаний и навыков повышаются. Такая организация обучения способствует формированию умения передавать знания и умения от одного предмета к другому, развитию познавательных способностей и интереса к предметам, интегративным формам мышления, умение комплексно и целостно оценивать наблюдаемые процессы и явления.

В современных условиях школьного образования процесс интеграции как технология и метод обучения, с одной стороны, способствует соединению в единое целое разрозненных частей и элементов, а с другой — установлению взаимосвязи внутри системы. Такая внутренняя интеграция является результатом многообразных проявлений множественных психологических ассоциативных связей.

На основе межпредметных связей строятся интегрированные уроки русского языка и литературы, которые, в свою очередь, и призваны сформировать у обучающихся целостную картину мира и активизировать интерес к предметам.

В системе общего образования русский язык занимает ведущее место среди предметов гуманитарного цикла, поскольку играет главную роль в развитии и становлении личности, что обусловлено социальными функциями языка, являющегося основным средством человеческого общения и познания действительности.

В школе русский язык является не только предметом обучения, но и средством приобретения знаний по всем дисциплинам, средством развития личности. М.Р. Львов замечательно выразил значимость изучения языка: «В сущности, весь мир личности — это язык, его средства и варианты; и наоборот: в овладении языком (и языками) совершается путь очеловечения» [Львов, 2001, с. 3-8].

Исследователь русской культуры Ю.М. Лотман подчеркивал, что «современная стадия научного мышления все более характеризуется стремлением рассматривать не отдельные, изолированные явления жизни, а обширные единства» [Лотман, 1994, с. 17]. Действительно, создать у учащихся целостную картину мира сегодня невозможно без интеграции предметов.

Интегрирование предметов способствует созданию новых условий взаимодействия педагога и учащихся, так как в этот процесс могут быть вовлечены несколько учителей, исходя из вида интеграции. На интегрированном уроке создается атмосфера сотрудничества, содружества, сотворчества, которая способствует самовыражению учащихся.

Интегрированные уроки активизируют мыслительную работу учащихся, являются мотивирующим фактором обучения и формируют осознание целостной картины мира.

ОБУЧЕНИЕ УСТНОМУ РЕФЕРИРОВАНИЮ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ГРАФОВ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-НЕФИЛОЛОГОВ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ОБУЧЕНИЮ ЗАПИСИ ЛЕКЦИЙ И ВОСПРОИЗВЕДЕНИЮ УЧЕБНО-НАУЧНОГО ТЕКСТА

А.Д. Кулик (Москва)

*Российский университет дружбы народов
pesocheck08@mail.ru*

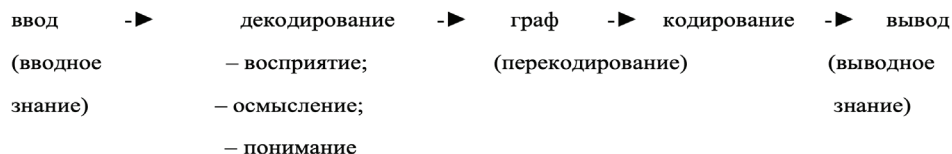
Актуальность нашей статьи определяется потребностью неязыковых вузов в новых технологиях обучения русскому языку как иностранному, соответствующих целевым установкам современных государственных стандартов. На наш взгляд, необходимо формировать у иностранных студентов-нефилологов профессиональную готовность к целенаправленному восприятию, осмыслению, пониманию, анализу, переструктурированию и интерпретации устных текстов в учебных целях.

Устное реферирование мы рассматриваем как способ реализации коммуникативно-познавательного комбинированного речевого акта устного общения. Следуя концепции речевой деятельности [Жинкин, 1958; Леонтьев А.Н., 1971; Леонтьев А.А., 1969; Выготский, 2008; Зимняя, 1969], устное реферирование определяется как внутренний способ воссоздания сформированной и сформулированной чужой мысли в аудировании и внешний способ формирования и формулирования принимаемой мысли

в говорении. Под углом зрения теории коммуникации и теории речевой деятельности в процессе общения действуют, как правило, два вида речевой деятельности. В устном реферировании аудирование и говорение выступают как средства общения. При функционировании они взаимопроникают в границах целостного коммуникативно-познавательного комбинированного речевого акта, определяемого глобальной коммуникативной интенцией (коммуникативной целью) субъекта — действующего лица.

Как известно, граф текста — это семиотическое перекодирование информации, то есть адекватная замена вербального способа представления лингвистически релевантного содержания на пространственно-графическое. Графы выступают как средства: 1) фиксации структурно-смысловых компонентов звучащего текста; 2) контроля речевого продукта, то есть как механизм сличения и оценки соответствия значения и / или формы некоторой языковой структуры эталону в языковой памяти индивида и замыслу в целом [Кулик, 2003].

В основе обучения устному реферированию лежит понимание процесса устной коммуникации. *Модель коммуникации* представлена в виде следующей схемы:

Анализ схемы позволяет сделать следующие выводы:

1. Перекодирование — это механизм внутреннего укрупнения, перевод всех входящих в него связей на более емкие смысловые единицы (например, такой единицы речевого сообщения, как абзац) в процессе осмысления. Рассматривая механизм перекодирования в связи с дискретностью смыслового восприятия, можно определить, что в основе перекодирования лежит группировка, смысловая организация поступающего на слуховой анализатор материала. Смысловое объединение, логическая группировка объектов, подлежащих восприятию и запоминанию, укрупняют единицы оперативной памяти и тем самым увеличивают их информативную емкость.

2. Кодовая модель коммуникации позволяет поддерживать основополагающие способности естественного интеллекта — способность к абстрагированию и свертыванию знания — и может быть использована вместо записи учебной лекции, а также при воспроизведении учебно-научного текста.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ ФОНЕТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

М.М. Нажмидинова (Ташкент)

*Узбекский государственный университет мировых языков
m.nazhmiddinova@mail.ru*

В отличие от традиционной лингвистики, психолингвистика обращена не к языковой системе, а к человеку, пользующемуся этой системой. Одно из приоритетных направлений психолингвистики заключается в том, чтобы обнаружить скрытые

от непосредственного наблюдения условия, определяющие успешность речевой деятельности.

Обучение фонетике иностранного языка, его звуковому составу, представляет собой сложную методическую и психологическую проблему. Очень важно формирование слухового образа, который впоследствии становится базой артикуляторного действия при формировании речевого звука иностранного языка.

На начальном этапе изучения фонетических норм следует сделать акцент на сходствах и различиях высокочастотных фонем русской и родной речи. Это позволяет снизить влияние лингвистической интерференции, проявляющейся в отклонении от произносительных норм второго языка [Джусупов, 2017, с. 356]. В случае идентичности фонем, преподавателю достаточно обратить внимание на их сходства. Если же произношение в родном и русском языках отличается, то требуются подробные разъяснения, в чем именно заключаются эти отличия [Маркелов, 2017, с. 184].

Аспекты психологической интерпретации обучения фонетике иностранного языка должны быть использованы с учетом соотносительности элементов родного и иностранного языков, поскольку, как отмечает Д.Г. Самандов, «в силу особой роли скрытой артикуляции одного из каналов обратной связи, важное значение приобретают слуховые ощущения, главным образом, тогда, когда звуки и звукосочетания, характерные для конкретного иностранного языка, не имеют аналогов в родном языке обучающихся» [Самандов, 1979, с. 7].

Для повышения эффективности обучения фонетике русского языка необходимо учитывать следующие положения:

1. Работа над выработкой артикуляционной базы каждого русского звука с учетом родной артикуляционной базы;
2. Работа над осознанием фонологических оппозиций и случаев их нейтрализации;
3. Работа над артикуляцией стекающихся согласных в начале, конце и середине слова;
4. Работа над усвоением русского слогораздела.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ РКИ (НА МАТЕРИАЛЕ КОРНЕИЗОЛИРУЮЩИХ ЯЗЫКОВ)

*В.П. Сиячкин (Москва), Н.А. Токарева (Москва)
Российский университет дружбы народов
word@list.ru*

Антропоцентрическая парадигма, в русле которой развивается современная наука о языке, предполагает обращение к человеку как «мере всех вещей»: учитываются его биологические, когнитивные, психофизические, эмоциональные, социальные параметры и потребности. Очеловечивание науки подразумевает и следующее важное ее качество: междисциплинарность, обусловленную феноменологической сложностью объекта познания. Междисциплинарный подход затрагивает все области научного знания, в том числе широкий спектр лингвистических дисциплин, которые успешно сочетают в себе концептуальное поле смежных наук [Кубрякова, 1995]. К таким дисциплинам относится и психолингвистика, методологический инструментарий которой может быть успешно адаптирован к практикоориентированной деятельности, например, преподаванию русского языка как иностранного [Тарасов, 2021].

Преподавание РКИ — достаточно консервативная наука. С одной стороны, накоплен существенный эмпирический материал, позволяющий производить селекцию наиболее жизнеспособных методик обучения русскому языку. Однако большая часть этого базиса касается работы со студентами, которые являются носителями языков романо-германской языковой семьи, следовательно, эта работа подчинена определенной языковой логике. С другой стороны, современная практика РКИ по-прежнему рассматривает язык как системно-структурный феномен, знания о котором преподносятся иерархически, поуровнево. Таким образом, за рамками дисциплины зачастую остается функциональный подход, который мы видим как наиболее действенный в процессе обучения иностранному языку.

На сегодняшний день контингент иностранных обучающихся в российских вузах качественно изменился: формируются целые группы, представителями которых становятся, например, китайские и вьетнамские студенты — носители языков корнеизолирующего типа.

Со времен создания методики РКИ корнеизолирующие языки как объект исследования и практической нацеленности педагога рассматривались крайне редко. Русская грамматика как методическое целое не воспринималась учеными с точки зрения носителя корнеизолирующего языка. Когда мы говорим по-русски, что некое слово состоит из определенного количества слогов, вьетнамец, слыша слово «слог», представляет его семантически однозначным.

Вот почему многие слова становятся сложными для восприятия. Чем, например, слог «ма-» в слове «мама» отличается от второго слога «ма-»? Вьетнамец четко структурирует эти слоги, приходя к выводу, что два слога приравнены к двум значениям. Поэтому представление вьетнамца о слоге соответствует нашему представлению о морфеме. Соответственно, мы можем сказать, что для нас слово «мама» имеет два слога, в то время как для вьетнамца важно отметить, что корень «мам» концентрирует в себе значение слова, а флексия «-а» указывает на категорию женского рода единственного числа именительного падежа.

В языках корнеизолирующего типа отсутствуют категории рода, числа и падежа, и эти лакуны необходимо не только учитывать, но и качественно заполнять на уровне работающих моделей. Если в русском языке существует понятие словоформы, то в китайском языке оно отсутствует: каждое слово, графически выраженное иероглифом, является самодостаточным; дополнительные значения приобретаются в синтагматике предложения при помощи факультативных слов, уточняющих смысловое пространство целого. Порядок слов в предложении строго регламентирован: на первом месте располагается субъект действия, затем предикат, далее — объект. Например, «Я люблю тебя» по-китайски 我爱你. Если мы поменяем местами первое и последнее слова (你爱我), то получим не инверсию, но принципиально иную расстановку актантов: «Ты любишь меня». Эти и многие другие особенности языков корнеизолирующего типа (отсутствие временной парадигмы глаголов, категорий лица, рода, числа и т. д.) мы рекомендуем учитывать в процессе обучения наших студентов. Приведем пример.

Для одушевленных существительных, называющих человека, мы обозначаем не род существительного, а пол. Мы моделируем существительные по формальному признаку пола для лучшего понимания материала и формирования адекватного образа языкового сознания. Из разграничения рода и пола органично вытекает необходимость показать модель, которая будет участвовать в структурировании падежной парадигмы. Поскольку студенты в большинстве своем представляют языковые группы, где падежных изменений не происходит, для них не всегда

понятны изменения флексий при падежном склонении. Уроки грамматики должны преподаваться на языке-посреднике и сразу предоставлять обучающимся комплексные сведения о падежных изменениях.

Падежная система имеет субъектно-объектное значение, указание на место и направление и так далее — эти вопросы относятся к языковым универсалиям [Вежбицкая, 2011] и имеют статус общечеловеческих. От общечеловеческих смыслов в русском языке их отличает форма реализации этих смыслов. Так, при объяснении значений места и направления мы предлагаем использовать глаголы прошедшего времени. Почему? Когда мы моделируем — «мама», «комната», «студентка», «студент» — мы соотносим глагол с конкретной моделью. «Мама приехала». «Студент приехал». «Радио заговорило». Такая корреляция понятна студентам. Мы регулярно проводим эксперимент, когда студент, еще не знающий значения слова, видящий лексему только графически, распределяет слова по указанным моделям. Грамматика, в первую очередь, — это формальные показатели. Поэтому: «студенты приехали». Мы снимаем трудности понимания именно таким образом. Работа модели должна быть показана в системе.

Далее мы показываем обучающимся, что в русском языке работает шесть падежей. Важно отметить, что в одном предложении модель используется только один раз. Если нам нужно употребить еще одно существительное в этом предложении, оно не может быть употреблено в той же (1-ой) позиции. Так, грамматически неверным будет синтаксическая единица «Мама приехала в Москва»: «Москва» не может соответствовать той же падежной форме, что и «мама». В значении места и направления падеж — то, что выбирается говорящим. Почему? Потому что падеж зависит от предлога. Вот почему система называется предложно-падежной. Как правило, мы начинаем с самого простого: обозначаем все шесть падежей цифрами и начинаем задавать вопросы. «Откуда?» Работает второй падеж, и мы его выделяем. Соответственно, после падежа указываются предлоги, например, «из». В одну модель определяются самые разные слова: «комната», «Лондон», «Москва» и т.д.

«Куда»? В данном случае падежа два — дательный и винительный. Студент понимает, что предложно-падежная система — это ответ на вопрос, как именно структурирована сама русская ментальность. Отвечая на вопрос «где?», мы выбираем три падежа — второй, пятый и шестой.

Так моделируется система, чтобы человек, изучающий русский язык, понимал «путь движения мысли», чтобы из частей складывать целое. Определение модели, контроль за частотностью ее применения в предложении, понимание пути использования предложно-падежной системы — три фактора успешного изучения русского языка.

РАЗНОВИДНОСТИ СОЧЕТАНИЙ СОГЛАСНЫХ В АСПЕКТЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ПРОИЗНОШЕНИЮ УЗБЕКСКИХ СТУДЕНТОВ

Г.Н. Тошкуллова (Ташкент)

*Узбекский государственный университет мировых языков
gulbakhortashkulova@gmail.com*

В последние десятилетия изучению сочетаний согласных (консонантные сочетания — КС) современного русского литературного языка посвятили свои работы многие исследователи. КС интересовали ученых по-разному, одни изучали их с точки

зрения произношения (Р.И. Аванесова, Ж.В. Ганиева, Т.Г. Терехова и др.), другие исследовали относительную частоту употребляемости в русской речи (Л.Р. Зиндер, В. Никонов и др.). М.В. Панов в работе «Русская фонетика» систематизировал законы сочетаемости согласных. В.М. Бельдиян, Г.М. Богомазов, Р.Ф. Пауфощима проводили эксперименты по изучению «произносительной трудности» КС. Разные стороны вопроса о сочетаемости согласных получили отражение и в ряде других работ (см., напр., [Панжиев, 2019]).

Стечение и консонантное сочетание согласных или нескольких идущих подряд согласных звуков без гласных между ними в современной лингвистике обозначается термином «кластер». Многие языки полностью запрещают стечение согласных, другая крайность — языки, допускающие очень длинные кластеры. Считается, что длинные кластеры (четыре и более согласных подряд) нарушают благозвучие речи. Еще М.В. Ломоносов, говоря о звуковой организации речи, рекомендовал «оберегать непристойного слуху противного стечения согласных, например: всех чувств взор есть благороднее, ибо шесть согласных, рядом положенные — вств-вз, язык весьма запинаят» [Цит. по: Раджапова, 2017]. Для благозвучной речи имеют особую важность звуки в сочетании согласных, их последовательность, место и способ образования, классификация. Как правило, в русской лексике сочетание согласных подчиняется законам благозвучия. Существуют ограничения в сочетаемости согласных звуков по признакам глухости — звонкости и твердости — мягкости, а также по месту образования звуков [Русская грамматика, 1980, с. 43]. Например, не допускаются следующие сочетания согласных: сочетания любого глухого с любым звонким согласным (за исключением сонорных и [в], [в']) или сочетания любого звонкого, за исключением сонорного, с любым глухим и т. п.

Сочетания согласных представляют определенную трудность их произношения говорящим, для которого русский язык не является родным. Для выявления представленных КС в словарном составе языка исследована структура большого количества слов из толкового словаря русского языка и были извлечены, классифицированы в зависимости от фонетической позиции: 1) начальные КС 2) интервокальные КС 3) конечные КС, бытующие в русском и узбекском языках.

В современном русском литературном языке начальные КС могут состоять из двух, трех, четырех и редко из пяти согласных. В узбекском языке в начале слова редко встречаются сложные сочетания, состоящие из трех, четырех согласных. Поэтому для узбекско-русских билингвов они представляют большие трудности. КС в интервокальной позиции широко представлены в современном русском литературном языке. Они имеются и в узбекском языке, и поэтому большинство консонантных сочетаний в этой позиции не представляют особых произносительных трудностей для учащихся-узбеков, но их количество значительно меньше по сравнению с русским языком. В данной позиции для русского языка характерны сочетания двух, трех, четырех, а редко и пяти согласных. В словах узбекского языка в основном реализуются сочетания двух, реже — трех согласных. Подавляющее большинство сочетаний в обоих языках включает сонорный элемент. В отличие от русского языка в узбекском языке нет твердых и мягких согласных, следовательно, сочетания твердых с мягкими или мягких с твердыми не реализуются. Видимо, это в определенной степени облегчает произношение. КС в финальной позиции (конечные КС) широко представлены в современном русском литературном языке. Они имеются и в узбекском языке, однако количество значительно меньше по сравнению с русским языком. В данной позиции для русского языка характерны сочетания двух, трех,

очень редко четырех и пяти согласных. В словах узбекского языка высокочастотными являются двучленные конечные КС, и больше трех составных не встречается.

Итак, мы можем сделать вывод, что при произношении сочетаний согласных в русских словах узбекские учащиеся сталкиваются с серьезными трудностями, обусловленными принципиальными фонетическими различиями родного и изучаемого языка. Чтобы преодолеть ошибки в произношении сочетаний, необходимо уже на начальном этапе обучения русскому произношению учитывать различия в структуре русского и узбекского сочетаний согласных, а также систем согласных русского и узбекского языков и разработать специальные комплексы тренировочных упражнений.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК РОДНОЙ (К ОБОСНОВАНИЮ ПОДХОДА)

А.В. Тряпельников (Москва)

*Российский университет дружбы народов
tryapelnikov@yandex.ru*

В.В. Яхненко (Москва)

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
yakhnenko_1950@mail.ru*

Современная методика преподавания иностранных языков (и, в частности, методика преподавания русского языка иностранцам) опирается на посылку, согласно которой основная функция (цель и назначение) любого языка (в том числе и русского) заключается в общении (коммуникации, говорении). Отсюда — главным достоинством учебных материалов считается их способность наладить речевое общение, выработать умения и навыки, необходимые для коммуникации на данном языке. Безусловно, всякий язык используется для говорения, но нельзя думать, что целью и назначением всякого языка служит речевое общение. Например, выдающийся философ-языковед и знаток множества языков В. фон Гумбольдт вполне убедительно утверждал, что «язык есть орган формирования мысли» [Гумбольдт, 2018, с. 269], язык представляет собою «духовную индивидуальность» [Там же] и каждый язык обладает своим характером [Гумбольдт, 1985]. «Рассматривать язык не как средство общения, а как цель в самом себе, как орудие мыслей и чувств народа есть основа подлинного языкового исследования, от которого любое другое изучение языка, как бы основательно оно ни было, в сущности своей только уводит» [Там же. С. 377]. Каков же характер русского языка? Орудием каких мыслей и чувств является русский язык? Пока эти вопросы, как представляется, остаются без ответа.

Постижение характера русского языка приводит к мысли, что для нашего родного языка (как «орудия мыслей и чувств») определяющим началом служат функции личностного понимания и выразительной символизации понятого. Надо заметить, что на пути раскрытия характера русского языка существует много препятствий, связанных с распространенными теоретическими воззрениями на природу языка, языковых единиц и языковой систематики. Наш жизненный опыт, практика преподавания русского языка, воззрения выдающихся отечественных ученых (таких,

в первую очередь, как Ф.И. Буслаев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев, Ю.В. Рождественский, Н.И. Жинкин) убеждают, например, в том, что общепринятое утверждение об условности языкового знака не отвечает характеру русского языка. Скорее, характер русского языка может быть понят исходя из представлений об обусловленной образно-символической природе языковых единиц и их связей.

В методике преподавания иностранных языков, в том числе, русского языка, образно-символическая природа языковых единиц традиционно раскрывается с помощью принципа наглядности. Принцип наглядности прочно утвердился в преподавании трудами Я.А. Коменского. В русской традиции наглядностью широко пользовались такие известные методисты прошлого, как К.Д. Ушинский и М.А. Вольпер. Однако надо заметить, что средства наглядности, применявшиеся в традиции преподавания языков, были ограничены свойствами доступной фактуры речи: обычно использовались картинные изображения (черно-белые и цветные, рисуночные и фотографические, одиночные и «серийные», статичные и динамичные), схемы, таблицы, а также записи естественных шумов и звуков (например, пение птиц, гудки машин и т. п.). Такое применение наглядных средств можно было бы назвать «наглядным реализмом» в методике.

Сегодня появились новые возможности для применения методического принципа наглядности, которые содержит современное виртуальное киберпространство с опорой на новейшие технические средства обучения:

— расширяется круг моделируемых образов, когда, кроме традиционных картинных и звуковых представлений, появляются способы моделирования вкусовых, обонятельных и осязательных образов;

— формируются игровые условия, позволяющие включать самого обучающегося (в качестве участника) в виртуальные события, локализованные в киберпространстве.

Таким образом, созданы все условия для перехода от методического принципа «наглядного реализма» к принципу «наглядного символизма» (разумеется, при сохранении преемственности).

Осуществление принципа «наглядного символизма» требует, с одной стороны, создания соответствующих языковедческих описаний, в которых раскрывается образно-символическая природа характера русского языка, а с другой стороны, — моделирования учебного киберпространства, в состав которого с необходимостью должны войти киберсловарь наглядной семантизации русской лексики, словообразовательных единиц и грамматических категорий, а также игровая (в образах) киберсреда, нацеленная на обучение (в помощь учителю и ученику).

Методический подход к русскому языку как родному призван раскрывать для учащихся самобытный характер русского языка, формировать сознание русского языка как личностного смысло-выразительного целого, делать понятной образно-символическую природу русских языковых единиц и их систематику с опорой на наглядность (при использовании возможностей современного киберпространства). Надо заметить, что выражение «русский язык как родной» означает понятные нравственные установки, без которых невозможно освоить любой язык, а русский язык (в силу его своеобразного характера) особенно. Ведь невозможно осваивать какой-либо язык, не собираясь сделать его «своим» (т. е. «родным»). Русский язык «как родной» ожидает от учащегося установки на понимание, проявление творческих мыслительных способностей, оживление личностного воображения и умозрения. Такой подход, действительно, не может сделать русский язык доступным «для всех», но может формировать круг «друзей русского языка», для которых

постижение русского языка будет открывать и творческие силы русского народа, и свои собственные творческие способности.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОВЛАДЕНИЯ РУССКИМ ЯЗЫКОМ В ХОРВАТСКОЙ ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

*М.В. Яйич Новоградец (Загреб)
Философский факультет Загребского университета
mjnovo@ffzg.hr*

Первые психолингвистические исследования в хорватском контексте возникли в 1970-х годах. Первоначально эти исследования (так же, как и мировые), сосредоточивались на анализе процессов детской языковой продукции при усвоении первого языка (хорватского), а потом начали сосредоточиваться на анализах процессов изучения второго или иностранного языка, таких как роль первого языка в изучении иностранного, влияние индивидуальных факторов учащихся на овладение языком, взаимосвязь языка и сознания, анализ промежуточного языка учащихся в изучении иностранного языка и т. п. Следовательно, основные принципы психолингвистики — психологический анализ речевого поведения и психология изучения языка — повлияли и на развитие лингводидактики как самостоятельной науки. Особая заслуга психолингвистики в процессе изучения иностранного языка состоит в использовании научных техник — измерений, опросов, наблюдений, в отличие от прежней традиционной интуитивной работы преподавателя [Вилке, 1976, с. 248]. Цель нашего доклада — рассмотреть психолингвистические исследования, посвященные овладению русским языком как иностранным, проведенные в процессе изучения русского языка в формальных условиях, и обсудить результаты данных исследований для повышения эффективности современного обучения русскому языку в хорватоязычной среде. Для анализа выбрано пять дипломных работ, написанных хорватскими студентами по специальности “преподаватель русского языка и литературы” и защищенных с 2019 по 2020гг. Темы работ были посвящены взаимосвязи мотивации и успеха в изучении русского языка, анализу ошибок в русской письменной речи, языковому трансферу как стратегии в изучении русского языка, иноязычной тревожности и хорватско-русской межъязыковой интерференции. Во всех представленных исследованиях использован один главный метод — опрос, который был дополнен другими методами, такими как сочинение на определенную тему, интервью и перевод предложений с хорватского на русский язык. Количество опрошенных — 195 хорватских студентов, изучающих русский язык в составе учебной группы на факультете, 16 учеников, изучающих русский язык в трех школах иностранных языков, и 9 учеников одной средней школы. Результаты исследований показали, что:

— существует тесная связь между успехом хорватских студентов в изучении русского языка и аффективной мотивацией;

— в письменной речи учащихся появляются в большей степени грамматические, а не орфографические и речевые ошибки;

— языковой трансфер часто является сознательной стратегией в изучении русского языка;

— иноязычная тревожность снижается на продвинутых этапах обучения языку, а основными источниками тревожности являются коммуникативная тревожность и боязнь негативной оценки окружающих;

— хорватский язык оказывает негативное влияние на изучение русского, а самые частые ошибки в речи студентов — внутриязыковые.

Важность проведенных исследований для современного подхода к обучению русскому языку как иностранному в хорватоязычной среде лежит в обосновании необходимости более активного применения коммуникативного и сопоставительного методов в учебном процессе, а также в необходимости осознания будущими преподавателями русского языка сложности процесса изучения языка с учетом индивидуальных факторов учащихся при формировании нового учебного многоязычия.

Круглый стол «ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НЕГРАМОТНОСТЬ КАК ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН»

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НЕГРАМОТНОСТЬ

И.А. Бубнова (Москва)

Московский городской педагогический университет

aribubnova@gmail.com

Сложность и комплексность проблемы функциональной неграмотности отражает значительное количество терминов, существующих в науке в настоящий момент — вторичная неграмотность (*secondary illiteracy*), полуграмотные (*semiliterate*), не владеющие словарем (*dyslectic, dyslexic*), те, кто относится к группе риска (*at-Risk*) и т.д. Но значительно ярче, как представляется, актуальность и глубину этой проблемы для нашей страны отражают цифры: по данным PISA в 2015 году российские школьники заняли 30-34 место по естественно-научной грамотности, 20-30 — по математической, 19-30 — по читательской грамотности [PISA_2015. URL], хотя именно обучение математике, физике, химии, по оценке экспертов НАТО, данной советскому образованию еще в середине 20 века, велось в СССР в соответствии с первоклассными традициями, что обеспечивало высочайшие результаты и устойчивое развитие страны [Archives.nato. URL]

По сути, все эти типы «грамотности» базируются на способности человека понимать обсуждаемый предмет или явление, видеть его связи с другими феноменами и делать адекватные выводы на основе уже существующих в его сознании представлений о мире. Иначе говоря, функциональная грамотность (или неграмотность) — это результат уровня развития мышления, классическое определение которого дано еще в 1946 году: «Мышление — это опосредованное <...> и обобщенное познание объективной реальности» [Рубинштейн, 1989, с. 361].

Подчеркнем, что обобщенность познания в процессе мышления противостоит его конкретности в актах восприятия окружающей реальности, причем восприятие является начальной фазой создания ментальной репрезентации первой степени — субъективного содержания воспринятой личностью информации, определяемого как лично-связанными структурами знания, так и условиями и целями познавательной деятельности.

Вторая степень ментальной репрезентации — это форма, представляющая собой определенные «структурные элементы системы переработки информации, к которым прилагаются некоторые операции» [Engelkamp, Denis, 1989], обуславливающая структуру индивидуального знания, которая и определяет в дальнейшем специфику обработки поступающих из внешнего мира данных. В норме формат ментальной репрезентации объединяет два способа кодирования и хранения информации — образный и вербальный [Clark, Ravio, 1987; Eysenk, Kean, 1997], однако цифровизация и сопутствующая ей на всех этапах обучения визуализация познавательного процесса извне определяют и закрепляют именно аналоговый тип, не только нарушая структурную стабильность знаний, но и блокируя развитие абстрактного мышления и, тем самым, формируя функциональную неграмотность с раннего детства.

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НЕГРАМОТНОСТЬ:
ВОПРОСЫ ИЛИ ОТВЕТЫ?***Т.В. Кружилина (Курск)**Юго-Западный государственный университет**t.kruzhilina@yandex.ru*

Большой массив современных исследований в области гуманитарных дисциплин так или иначе затрагивает проблему функциональной неграмотности (ФНг). Психология и психолингвистика находятся в авангарде, поскольку присутствие данного феномена диагностируется с помощью психологического и психолингвистического инструментария, изучение причин ФНг также находится в зоне исследования этих наук — это анализ факторов среды, в которой растет / рос ребенок, анализ ведущих видов деятельности в дошкольный период и роли коммуникативного фактора с выявлением способов, качества и объема коммуникации, анализ продуктивности учебной деятельности, объема глубокого осмысленного чтения, доминирующих видов деятельности (пассивная созерцательная, активная созидательная, активная виртуальная, коллективная, предполагающая коммуникацию, комбинированная и пр.). Экспериментально установлено, что ФНг есть продукт социальный (см. обзоры [Мягкова, 2016; Кружилина, 2012; Пищальникова, 2021; Чудинова, 1994]). Базовые навыки, отвечающие за развитие высших психических функций в период раннего детства, должны быть сформированы именно в этот временной отрезок. Периодизация психического развития не дает второго шанса, развитие по искаженному сценарию не предполагает в дальнейшем норму [Корнев, 2006]. Психолингвистику в этом контексте интересуют разные сценарии формирования механизмов понимания текста, будь то речь или записанный текст, и процессы отражения этого понимания, их продукты. В этой связи возникает много вопросов, диктующих необходимость исследования проявлений ФНг в разных контекстах.

Какова вероятность возможности компенсаторной корректировки мыслительной и речевой функции функционально неграмотного индивида? Насколько благоприятен прогноз развития функциональной грамотности в ситуации корректного детского сценария, осложненного игровой (компьютерной) зависимостью в подростковый период? Насколько велик риск ущербного развития метаязыковой способности при доминировании пассивных созерцательных видов деятельности в дошкольно-школьный период? Можно ли стать функционально грамотным, не читая книг? Как отличаются механизмы понимания печатного и поликодового текста? Может ли человек быть «функционально неграмотным» в одной области и «функционально грамотным» в другой? Насколько решающим может быть генетический фактор в качестве катализатора или ингибитора развития ФНг? С чего начинать, когда время упущено, каков прогноз? Что делать, когда тебя не понимают и понять не могут в принципе, каковы траектории взаимодействия с функционально неграмотным человеком в быту и «на производстве»? Насколько правомерно исследовать ФНг с позиций умственной недостаточности и применять работающие способы корректировки этого диагноза? Как победить проблему, когда ее не видят и не желают видеть?

Многие вопросы выходят за рамки психолингвистических исследований в области образования, коммуникации, профессиональной деятельности. Многие претендуют на риторичность, как то — надо ли помогать человеку (функционально неграмотному), если он об этом не просит? И как ему помочь? Психолингвистика в состоянии

ответить на большую часть этих вопросов, т.к. в ее арсенале богатейшая коллекция трудов советской психологической школы, интереснейшая экспериментальная база ее основателей, блестящей тройки, Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева и их многочисленных последователей и учеников. Дефектному развитию мозга посвящено больше трудов, нежели развитию мозга в норме, и выводы относительно компенсаторных возможностей мозга, на наш взгляд, должны быть пересмотрены на предмет их прикладной ценности в вопросах коррекции проявлений ФНг.

**МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕЧЕВОГО ДЕЙСТВИЯ КАК СРЕДСТВО
ДИАГНОСТИКИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ НЕГРАМОТНОСТИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОЕКТА «МУЛЬТИЛИНГВАЛЬНЫЙ
АССОЦИАТИВНЫЙ ТЕЗАУРУС ВЕЖЛИВОСТИ»)**

Н.И. Степыкин (Курск)

*Юго-Западный государственный университет
nick1086@mail.ru*

Проблема функциональной неграмотности, с которой столкнулись развитые страны в начале 80-х гг. [Чудинова, 1994], продолжает стремительно развиваться в эпоху информатизации и цифровизации (см., например, [Мягкова, 2015; Пищальникова, 2018; 2021] и мн. др.). Функциональная неграмотность связана, прежде всего, с речевой деятельностью [Леонтьев, 1969], с доминирующей сегодня формой языка, которую А.В. Полонский называет термином «медиалект». Медиалект «обеспечивает полиформатное, многоцелевое, социально и личностно обусловленное информационное взаимодействие социальных субъектов в медийной среде <...> это тот язык, без которого не обходится речевая практика современного человека» [Полонский, 2018, с. 236].

Медиалект значительно влияет на языковую норму. Анализируя новостные ленты современных информагентств, интернет-каналов и порталов, можно заметить, что многие из них содержат ошибки как следствие и источник функциональной неграмотности, ведь «... то, что есть в речи, текстах, так или иначе отражается и закрепляется в языковом сознании людей и наоборот — то, что есть в языковом сознании людей, так или иначе проявляется (или принципиально всегда может проявиться) в речи, текстах (также и в эксперименте)» [Мартинovich, 1990, с. 143-146]. По мнению В.А. Пищальниковой, активное использование мемов, эмодзи, рекламы без слов в современных медиатекстах формирует отрицательное отношение к языковой норме [Пищальникова, 2021], что приводит к недостаточной сформированности речевых операций, необходимых для продуцирования и восприятия речевых действий, репрезентирующих те или иные смыслы. Снижение языковой компетенции индивида, вызванное частотностью использования редуцированных клишированное содержание знаков, влечет за собой порождение дефектных познавательных структур [Там же].

Экспериментальные данные Е.Ю. Мягковой и ее учеников (см. [Мягкова, Репринцева, 2012; Мягкова, 2013; 2014]) подтверждают, что «современные молодые люди — носители русского языка испытывают значительные трудности как в идентификации слов родного языка, так и в построении высказываний на родном языке» [Мягкова, 2015, с. 47]. Автор отмечает, что «для носителей языка многие слова являются «пустышками»,

поскольку за ними не стоит реальный чувственный образ или рациональное знание (и количество таких «пустышек», по сравнительным данным наших экспериментов 1993-1994 гг. и 2013 г., увеличивается)» [Там же. С. 48]. Экспериментально выявленное непонимание внутренней формы языка (способов представления содержания в языке) акцентирует проблему функциональной неграмотности.

Одним из наиболее эффективных средств диагностики функциональной неграмотности является моделирование речевого действия, поскольку именно этот способ обнаруживает отсутствие необходимых операций со знаками языка. Речевое действие — это конституирующий компонент речевой деятельности [Леонтьев, 1974], устанавливающий отношения предикирования между двумя значениями.

Опираясь на результаты экспериментов (см. [Пицальникова, 2019; Степыкин, 2020; 2021] и мн. др.) и усовершенствованную концепцию речепорождения Леонтьева — Рябовой [Ахутина, 2008], мы предложили модель речевого действия, которая демонстрирует способы, средства и смысловые признаки, с помощью которых реализуются свойства речевого действия. Было доказано, что предикативность реализуется в операциях внутреннего артикулирования и трех типах синтаксирования (смыслового, семантического и поверхностного) как способах порождения речевого действия, которые, в свою очередь, представлены разными типами ассоциатов как средствами репрезентации этих способов.

Многолетние наблюдения и результаты экспериментов (см. [Степыкин, 2011; 2020] и мн. др.) свидетельствуют о структурных изменениях речевого действия, о снижающемся уровне сформированности языковой компетентности студентов. Например, сопоставительный анализ ассоциативных полей **вежливый** разного времени фиксации (данные Русского ассоциативного словаря (далее РАС) под ред. Ю.Н. Караулова [2002], эксперименты 2010 и 2020 гг.), позволил отметить значительное сокращение сочетаний «**стимул — реакция**», репрезентирующих речевые действия полного цикла синтаксирования — сочетание двух и более категориально-грамматически и семантически согласованных слов (*играть в карты, вежливый человек* и т.д.) (78% — 62% — 44%), что говорит об ослаблении соответствующих синтаксических связей между словами. Операция смыслового синтаксирования превращается в одну из определяющих при продуцировании речевых действий (14% — 28% — 44%). В этом случае не активируются операции семантического и поверхностного синтаксирования и актуализируются структуры «топик — комментарий» (*радио — погода, играть — бегать* и пр.).

Отмечается рост доли речевых действий, вербализованных с помощью синтаксических примитивов (0% — 1% — 4%) [Там же]. Такие речевые действия не проходят этап поверхностного синтаксирования. Отметим, что в современных текстах СМИ операция поверхностного синтаксирования часто пропускается или выполняется с ошибками.

Ошибка в осуществлении поверхностного синтаксирования является причиной и следствием недостаточной сформированности этой операции, что встречается в современных медиатекстах всё чаще. Изменение механизма синтаксирования в структуре речевого действия, обусловленное влиянием диалекта, является одним из признаков функциональной неграмотности.

В рамках работы над проектом «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости» [Степыкин, Миронова, 2020] при проведении свободного ассоциативного эксперимента были подготовлены бланки, включающие слова-стимулы, репрезентированные разными частями речи **вежливость, вежливый,**

вежливая, добро, благодарю и мн. др., а также слова-дистракторы **играть, сильный, строить, совесть, белый, патриот** и пр. В результате сопоставительного анализа было экспериментально установлено, что количество речевых действий полного цикла по сравнению с ассоциативными данными РАС значительно уменьшилось.

Обозначенные тенденции характерны и для спонтанной речи студентов. Самой частотной реакцией на стимул **зеленый** по данным экспериментов 2020 г. является слово *трав*, а **синий** — *небо*, т.е. операция поверхностного синтаксирования не выполняется. Доминирование синтаксических примитивов и структур «топик — комментарий» (*трав* — *весна*), выявленное в речи испытуемых, постепенно приводит к проблеме продуцирования и понимания текстов, составленных в соответствии с базовой моделью речепорождения, включающей операции смыслового, семантического и поверхностного синтаксирования. Моделирование речевого действия на основе ассоциативного поля позволяет выявить изменения в ассоциативно-вербальной сети и диагностировать проблему функциональной неграмотности.

Круглый стол «ГЕНДЕР КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗМЕНЕНИЯ МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ»

ГЕНДЕРНАЯ СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ В РОССИЙСКОМ ДИСКУРСЕ ТРУДОУСТРОЙСТВА

*А.В. Аликина (Нижний Новгород)
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
alikina.ru@gmail.com*

Стремительное развитие информационных технологий кардинальным образом меняет способ коммуникации во всех сферах деятельности человека. Дискурс трудоустройства не является исключением, о чем свидетельствует возросшая роль рекрутинговых платформ, таких как www.hh.ru, www.rabota.ru и др., в практиках трудоустройства. При первичном поиске работника по формальным признакам наряду с такими ключевыми параметрами как образование, опыт работы и профессиональные навыки, работодатель также обращает внимание на возраст и пол соискателя.

Исследование посвящено описанию особенностей репрезентации гендера в российском дискурсе трудоустройства, выявлению роли гендерных стереотипов при отклике на вакансию и способов информирования соискателей о предпочитаемом гендере кандидата. В теории социального конструирования гендер понимается как социокультурный конструкт, связанный с приписыванием индивиду определенных качеств и норм поведения на основе его биологического пола. Важную роль в воспроизводстве знаний о гендере играют гендерные стереотипы как один из видов социальных стереотипов, отражающий принятые в данном обществе представления о мужественности и женственности в аспекте их иерархии.

Объектом исследования являются продукты коммуникативной деятельности, направленные на поиск работы, а именно тексты объявлений о вакансиях, отражающие особенности взаимодействия языков и культур в условиях глобализации.

Материалом исследования послужили 4000 объявлений о вакансии с сайта www.hh.ru, что составило 0,4% от общего числа вакансий, размещенных на данном рекрутинговом портале к моменту начала исследования.

В результате исследования были получены данные о том, что грамматический род существительного, именующего открытую вакансию, не оказывает определяющего влияния на желание женщин-кандидатов откликнуться на данную вакансию. Более того, выявлена готовность женщин-соискателей рассматривать профессиональные отрасли, традиционно считавшиеся мужскими (в том числе информационные технологии, телеком). При этом отмечена резистентность дискурса трудоустройства к влиянию глобального феминистского дискурса, проявляющегося в использовании так называемых феминитивов. Наряду с этим имеет место растущее влияние англоязычных образцов на коммуникативные конвенции российского дискурса трудоустройства (напр., тенденция к неформальному персонализированному стилю общения с кандидатом в объявлениях о работе и др.).

Проведенный анализ показал, что желание кандидата откликнуться на вакансию определяется профессиональными навыками и гендерной спецификой той или иной

отрасли. При этом работодатель может эксплицировать пол желаемого кандидата как визуально, так и при помощи текста. Отмечены также случаи размывания гендерной специфики ряда услуг и профессиональных сфер, традиционно считавшихся женскими (домашний персонал, салоны красоты и др.).

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В МИГРАЦИОННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ ПРАВОВОГО ПОПУЛИЗМА

А.Е. Галочкин (Нижний Новгород)
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
misternvb@mail.ru

Активизация популистского движения — одна из самых обсуждаемых политических проблем в современных западных государствах. Причины роста поддержки популизма на Западе носят комплексный характер, однако к числу наиболее распространенных относят кризис (экономический, политический) [Laclau, 2005; Moffitt, 2015], а также этнокультурную и гендерную дискриминацию [Inglehart, Norris, 2003; Givens, 2004; Mudde, 1999].

Исследователи всё чаще обращаются к изучению связи между популистскими движениями и гендерной политикой в контексте миграционных процессов. Политика популизма предполагает, что наиболее важным различием в обществе является различие между «непорочным народом» (pure people) и «коррупцированной элитой» (corrupted elite) [Mudde, 2004]. При этом в популистской риторике создается своего рода «образ двуликого врага», что позволяет критиковать оппонентов как «сверху» (коррупцированную элиту), так и «снизу» (например, мигрантов, которые, по мнению популистов, угрожают национальной идентичности западных государств). Гендерные вопросы, поднимаемые политиками-популистами, не подразумевают открытость к феминизму, а скорее предполагают манипулирование им ради проведения эффективной антиэмигрантской программы [Akkerman, Hagelund, 2007].

В данной работе анализируется, как освещается в научной литературе по правому популизму вопрос манипулирования гендерным равенством с целью продвижения ограничительной иммиграционной политики и идеи сохранения национальной (европейской) идентичности. Предметом анализа являются исследования, посвященные репрезентации женщин-мигрантов в выступлениях политиков правых популистских партий.

Методологической основой работы послужила теория концептуальной оппозиции «свой-чужой» применительно к исследованиям дискурса об этнических меньшинствах [Дейк, 1989, с. 310].

В работе поставлены следующие исследовательские вопросы: Какие ключевые темы используются для обсуждения проблем женщин-мигрантов? Носят ли эти темы позитивный или негативный характер? Как женщины-мигранты представлены в этих темах?

Как показал анализ собранного материала, наиболее часто в выступлениях правых политиков-популистов, связанных с гендерными аспектами миграции, поднимается вопрос виктимизации женщин-мусульман (запрет на ношение хиджаба, убийства чести, насильственные браки и др.) [Lange, Mügge, 2015, p. 61-80]: *Victims of Muslim*

discrimination, a woman the property of her husband, women to be married off as sex slaves, women having to wear the burqa. При этом популистские партии придерживаются позиции, что исламские ценности находятся в конфронтации с либерально-демократическими ценностями (демократия, эмансипация женщин, равенство полов и отделение церкви от государства) [Spierings, 2015]. В выступлениях политиков-популистов последовательно проводится мысль о том, что либерально-демократическим западным ценностям угрожает влияние «чужих», которые не разделяют или не готовы принять эти ценности *The veil is a weapon used by political Islam to go against everything we believe in.* Эксперты отмечают, что женщины-мигранты чаще всего позиционируются в дискурсе правого популизма как опасные «другие», а темы, поднимаемые в этой связи правыми популистами носят преимущественно негативный характер: их можно охарактеризовать как фемонационалистические [Farris, 2017].

ГИБРИДИЗАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ ЗАКОНОПРОЕКТА «О ПРОФИЛАКТИКЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

*М.В. Гаранович (Пермь)
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
garamarina@yandex.ru*

Проблема семейно-бытового насилия актуализировалась в общественном сознании в конце XIX века. Тем не менее в России лишь в конце прошлого века остро встал данный вопрос, когда домашнее насилие стало распространенным явлением.

Согласно исследованиям «Медиазоны» и «Новой газеты», 24% опрошенных россиян сталкивались с домашним насилием, 75% пострадавших — женщины, а 75-85% случаев насилия в отношении детей совершается в «круге доверия», то есть в семье. К сожалению, в данный момент в РФ отсутствует закон, в полной мере регулирующий этот вопрос. В то время как дети защищены ювенальной юстицией, ведущей строгий контроль состояния ребенка в семье и обществе, женщины, пенсионеры и инвалиды остаются подверженными различным формам семейно-бытового насилия.

Термины «семейно-бытовое насилие» или «домашнее насилие» отсутствуют в законодательстве РФ, что порождает множественные споры не только среди лингвистов и правоведов, но и среди обывателей. Поэтому в 2016 и 2019 гг. на рассмотрение в Государственную Думу был внесен проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», где юристами и правовыми активистами феминистской направленности были сформулированы положения и необходимые юридические термины. За основу были взяты не только законы РФ, но и нормы международного права.

Однако проект подвергся критике и со стороны политиков, утверждающих, что существующих законов достаточно для регулирования вопроса, и со стороны деятелей культуры. Противники закона заявили, что опасаются сильного вмешательства в личную жизнь со стороны государства, а также разрушения традиционных семейных ценностей. Негативное мнение и множество споров породили большое количество спекуляций относительно данного проекта: многие люди начали переживать, что

«не купленная жене шуба» теперь станет поводом для обвинения в домашнем экономическом насилии. Разумеется, данное утверждение в корне неверно, поскольку, с юридической точки зрения, экономическое насилие предполагает «умышленное лишение человека жилья, пищи, одежды, лекарственных препаратов, медицинских изделий или иных предметов первой необходимости, имущества, денежных средств, на которые он имеет предусмотренное законом право, а также умышленное уничтожение или повреждение имущества, либо иное причинение имущественного вреда; отказ содержать нетрудоспособных лиц, находящихся на иждивении; принуждение к тяжелому и вредному для здоровья труду» [Федеральный закон об основах профилактики домашнего насилия в Российской Федерации: электр. ресурс].

Данная проблема заставляет задуматься, как функционируют юридические термины понятийной сферы «семейно-бытовое насилие» в языковом сознании людей. Следует учесть, что еще не существуют четких толкований этих терминов в законодательстве РФ, поэтому люди могут опираться только на определения проекта Федерального закона или на свой жизненный опыт, что ведет к понятийной гибридизации юридических терминов в наивной картине мира [Низгулов, 2015]. Дополнительно встает вопрос, влияют ли разные социальные параметры личности и идеологические взгляды на толкование юридических терминов? Логично будет предположить, что феминистка, разбирающаяся в данной теме, будет более точна в дефинициях юридических терминов, нежели обыватель, а юрист обратится к собственному профессиональному опыту, что также является значительным преимуществом.

Объектом проведенного социо- и психолингвистического исследования выступают наивные толкования специальных юридических терминов понятийной сферы «семейно-бытовое насилие» (термины *семейно-бытовое насилие, физическое насилие, психологическое насилие, сексуальное насилие, экономическое насилие, профилактика семейно-бытового насилия, система профилактики семейно-бытового насилия, мониторинг в сфере семейно-бытового насилия, защитное предписание, судебное защитное предписание, преследование*) носителями русского языка с разными социальными характеристиками.

Предмет исследования — структуры гибридных понятий, сформированных на базе специальных терминов, у носителей языка, соотношение специальных и обыденных компонентов данных понятий в зависимости от социальных факторов респондентов.

ГЕНДЕР, ЭТНИЧНОСТЬ И АУТЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО

Е.С. Гриценко (Нижний Новгород)

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
egritsenko@hse.ru*

А.О. Лалетина (США)

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
alalentina@yandex.com*

В исследовании рассматривается понятие аутентичности применительно к русской женственности и выявляются противоположные концепции русской женственности, конструируемые в медийном дискурсе о песне *Russian woman*, исполненной российской певицей таджикского происхождения Манижей на конкурсе

«Евровидение». Анализируются первое исполнение песни в марте 2021 года во время национального телевизионного отбора и выступление на финальном этапе конкурса в Роттердаме. Наряду с текстом песни, материал исследования включает интервью Манижи на национальном телевидении и каналах Youtube, а также комментарии зрителей под ее публикациями в Instagram, связанные с этими выступлениями. Мультимодальный анализ песни и ее исполнения, сопоставление интервью Манижи и комментариев зрителей в Instagram позволило выявить и описать аутентифицирующие и деаутентифицирующие дискурсы гендера и этничности в контексте глобального и национального. С опорой на семиотику трансигнификации (А. Пенникук) песня, ее исполнение и обсуждение исследуются на разных уровнях: дотекстовая информация (pretext), контекстуальные отношения (context), подтекст и интертекстуальность (subtext and intertext), посттекстовые интерпретации (post-text).

Установлено, что одобрение и принятие песни и ее исполнения как аутентичных определяется различными идеологиями и зависит от того, какое содержание вкладывают участники дискурса в понятие «русская женщина». Анализ продемонстрировал неоднородность представлений о гендере и этничности в современной России и показал, что аутентичность многомерна, а аутентификация может идти по одному или нескольким векторам одновременно. При этом подлинность может быть подтверждена или опровергнута на основе одного уровня значения или одного текстового элемента. Исследование раскрывает динамику представлений о гендере и этничности в контексте глобализации и миграции и характеризует аутентичность как ситуативно детерминированный и дискурсивно конструируемый феномен.

ДИНАМИКА ГЕНДЕРНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ В ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

А.М. Зинина (Нижний Новгород)

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

anastassiakhomenko@yahoo.com

Исследование посвящено анализу динамики гендерных репрезентаций в языковой картине мира китайцев и лексике китайского языка. Описывается влияние идеологических трансформаций и глобальных процессов на формирование представлений о женственности и мужественности в современном Китае. С этой целью были проанализированы работы китайских лингвистов-гендерологов. Наибольший вклад в развитие гендерной лингвистики в Китае внесли Сунь Жуцзянь, автор книги «Гендерная лингвистика китайского языка», и Ху Минъян, описавший фонетические особенности языка Нюй Гуо Инь. Кроме того, были выделены направления, в которых влияние западных теорий на гендерную лингвистику в Китае наиболее значимо. К ним относятся, например, исследования различий в стратегиях речевого поведения китайских мужчин и женщин (Пан Сяоянь). Выводы, к которым приходят китайские лингвисты, схожи с выводами Р. Лакоффа, которая выделила такие характерные для женщин стратегии речевого поведения, как использование слов-интенсификаторов, супервежливость и гиперкорректность.

В рамках данного исследования также были рассмотрены языковые репрезентации социального статуса мужчин и женщин в трех основных периодах: доимперский и

имперский Китай, коммунистический Китай в XX веке, современный Китай в XXI веке. Основное внимание уделено современному китайскому языку в сфере Интернет-коммуникации, поскольку он является наименее исследованным. В качестве источников для отбора материала использовались Словарь интернет-языка Синьхуа (新华网络语言词典) и онлайн словарь интернет-лексики 小鸡词典. Анализировались словарные статьи, слова и устойчивые выражения, содержащие морфемы 女 «женщина» и 男 «мужчина». Дополнительно в качестве примеров, отражающих различные тенденции в концептуализации гендера, использовались устойчивые выражения, встречающиеся в текстах песен, выступлениях артистов и других текстах популярной культуры.

Анализ лексики используемой в Интернет-коммуникации как области, наиболее чувствительной к изменениям социальной среды, показал, что изменения в концептуализации гендера, происходящие в Китае, соответствуют общемировым тенденциям. В китайском языке появились гендерно нейтральные местоимения третьего лица, при иероглифическом написании которых возможно соединение графемы 无 (wú «без/нет») с графемой 也, являющейся составной частью местоимений 他 (tā «он») и 她 (tā «она»). Среди прочих вариантов написания местоимения наиболее часто употребляемыми являются варианты X也 и TA. Кроме того в современной онлайн культуре можно наблюдать высмеивание патриархального менталитета, создаются слова и выражения, используемые для унижения мужчин. Яркими примерами подобного речевого поведения служат следующие выражения: 男的垃圾 (nán de lājī, «мужской мусор»), 男人还有底线? (Nánrén hái yǒu dǐxiàn? «Видят ли мужчины границы?»). Влияние западной культуры прослеживается в изменениях восприятия мужественности и женственности: появились лексемы для описания феминности мужчин (男性美女 nánxìng měinǚ, «красавица мужского пола») и маскулинности женщин (女拳 nǚquán, «женский кулак»), размываются границы между мужественностью и женственностью. Однако, хотя под влиянием глобальных трендов антипатриархальные взгляды усиливают позиции в современном китайском обществе, нельзя говорить о полном отходе от традиционных представлений.

ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ МУЖЧИНА / ЖЕНЩИНА

*М.Ю. Товкес (Нижний Новгород)
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
tovkes.m@yandex.ru*

Проблема исследования обусловлена необходимостью выявления современных тенденций в изменении нормативных представлений о мужчине и женщине на глубинном, концептуальном уровне носителей русского языка. Одним из методов исследования является моделирование базовых гендерных концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА на основе лексико-семантической репрезентации их значимых для респондентов стереотипных характеристик.

Принимается во внимание различие тематического и операционального аспектов языковой концептуализации и категоризации, обуславливающее осознанный выбор методологии анализа эмпирического материала. Модель тематического концепта «предусматривает анализ соответствующей тематической области, ее структуры

и содержания, а также различных способов и уровней их репрезентации в языке» [Болдырев, 2019, с. 64]. Когнитивное моделирование представляет собой аналитический инструмент познания языковых реалий и одновременно способ представления объектов языковой картины мира [Романова, 2014, с. 322-327]. Прототипическая модель концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА маркирует как актуальную коллективную (групповую) интерпретацию знания лексем, соотносимых с гендерной лексикотематической областью, так и современную конфигурацию гендерной концептуально-тематической области ментальной системы носителей русского языка.

Материалом для исследования послужили результаты анкетирования 270 респондентов, в ходе которого были получены 1064 реакции о типично мужских и 1053 реакции о типично женских качествах характера и поведенческих характеристиках. В результате были построены когнитивные модели концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА.

Так, прототипическими характеристиками концепта МУЖЧИНА являются **ответственность** (70 реакций), **сила** (56), **мужество** (49), **смелость** (43). В числе значимых, но менее частотных характеристик отмечаются способность принимать решения и добиваться целей, честность, интеллект: **надежность** (28), **уверенность** (25), **честность** (25), **решительность** (24), **ум** (22), **целеустремленность** (21). На периферии находятся качества, которые, с одной стороны, маркируют душевную тонкость — **доброта** (18), **забота** (10), а с другой стороны, акцентируют внимание на так называемых негативных качествах характера — **эгоизм** (17), **агрессия** (10).

Прототипическими характеристиками концепта ЖЕНЩИНА являются **эмоциональность** (52), **забота** (46) и **доброта** (45). Значимыми, но менее частотными характеристиками являются способность проявлять любовь и ласку, привлекательная внешность, добросовестное отношение к выполнению своих обязанностей: **нежность** (34), **красота** (31), **женственность** (29), **ответственность** (29) и др. Наименее частотные качества маркируют приверженность своим принципам, постоянство в чувствах — **верность** (19), интеллект — **мудрость** (19) как ‘обладание большим умом, высшим знанием, хорошим жизненным опытом’ [Ефремова, 2000], **ум** (14), душевную тонкость — **мягкость** (20), **чувствительность** (12), способность добросовестно выполнять работу — **аккуратность** (18), **усидчивость** (12), **трудолюбие** (11).

Таким образом, доминантами ментального лексикона респондентов являются «традиционные» гендерные качества. Вместе с тем качества **доброта**, **забота**, **ответственность**, **ум**, **целеустремленность** становятся в определенной степени значимыми мужскими и женскими концептуальными признаками и могут составлять так называемую метагендерную зону, «область конституированной билингвильности» [Лотман, 2016, с. 219], понимаемую как пространство непрерывающегося диалога.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

О.Ю. Черных (Москва)

Московский городской педагогический университет

В настоящее время понятия «маскулинность» и «фемининность» претерпевают серьезное переосмысление. Концептуальные трансформации гендерного параметра находят свое отражение прежде всего в англоязычном культурном контексте. Изменение модели человека транслируется через различные институты: СМИ, рекламу, школу и т.д.

Огромную роль в институционализации гендерного параметра индивида играет школа. Именно она реализует социальный заказ на то, какая модель человека будет доминировать на данном историческом этапе. На сегодняшний момент большинство европейских стран, США и Канада признают гендерную мультиполярность, или гендерный плюрализм. Фундаментальные нормы и правила подвергаются сомнению [Кирилина, 2021]. Отсюда и актуальность нашего исследования: проследить на примерах англоязычных учебников, как конструируется плюрализм гендера.

Современные тенденции, согласно которым гендер признается плюралистическим феноменом, проявляются следующим образом:

- создание новых лексических единиц (non-binary people, misgendering, pinkwashing, etc.);
- появление новых аффиксов (womxn, Latinx, cisman);
- изменение референции и аксиологической специфики лексических единиц, составляющих ядро гендерного концепта (same0sex parenting, toxic masculinity, a family of choice);
- появление новых коммуникативных норм (sharing gender pronouns at work);
- нейтрализация гендера (например, гендерно нейтральное обращение ко всем пассажирам Everyone);
- возможность отказа от выбора пола в официальных документах (undesigned/non-binary);
- изменение специфики использования личного местоимения they (в настоящий момент его можно использовать вместо he/she для обозначения тех людей, которые позиционируют себя как небинарные персоны) [Гриценко, 2022].

Исходя из всего вышесказанного, научный интерес вызывают гендерные репрезентации в англоязычных учебных текстах. Для анализа были использованы: учебник математики для 1 класса Canadian Curriculum MathSmart и учебник родного (английского) языка Canadian Curriculum EnglishSmart. Проанализировав их, можно заключить следующее:

• В текстах представлена традиционная бинарная оппозиция: мужчина — женщина. Не выявлено ни одного примера небинарных персон.

• Актуализируются традиционные гендерные стереотипы: фемининность — это материнство, заботливость, ведение домашнего хозяйства; маскулинность — это наставничество, спорт, рыбалка, девиантное поведение.

• Семейные отношения представлены традиционно.

• Не выявлено ни одной языковой или иной семиотической единицы, которая бы актуализировала современное представление о плюрализме гендера.

Таким образом, можно сделать вывод: учебные англоязычные тексты несколько опаздывают в историческом аспекте и пока что воспроизводят традиционное представление о фемининности и маскулинности.

Круглый стол «ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ ПОЛИГЛОТИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПРАКТИКА»

САМОНАБЛЮДЕНИЕ ПОЛИГЛОТА С ПОМОЩЬЮ ЭЛЕКТРОННЫХ ТАБЛИЦ: ФАКТОР ВРЕМЕНИ

*Я.В. Алешкевич-Суслов (Москва)
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
aleshkevichyan@yandex.ru*

Изучение полиглотики во многом базируется на личном опыте полиглотов и их анализе собственной деятельности. Данные такого рода могут иметь субъективный характер, что затрудняет справедливую оценку времени, проведенного за тем или иным видом деятельности. Эффективность усвоения языка в значительной степени зависит от качества занятий, однако время — один из немногих объективных параметров, которые легко поддаются числовой обработке и могут помочь созданию математических моделей в лингвистике.

Систематическое отслеживание времени, затраченного полиглотом на определенный вид деятельности при изучении того или иного языка, могло бы предоставить необходимые для анализа данные. Настоящий доклад представляет мой собственный опыт подобного самонаблюдения. Для учета я использовал электронные таблицы MS Excel, в которые ежедневно записывал время, отведенное на языки. Опираясь на эти данные (см. табл. 1), на записи моего языкового дневника и на мои текущие способности в этих языках, я предпринимаю попытку сделать выводы о том, в какой мере знание одного из германских языков позволяет достичь желаемого уровня в последующем языке той же группы.

Таблица 1.

Количество времени (в часах), проведенное автором в период с июня 2019 по декабрь 2019 г. за тем или иным видом деятельности на изучаемых языках

Язык / Деятельность	Начат	Чтение	Грамматика	Повторение	Аудирование	Суммарно
Датский	12.2019	5	0	0	20	25
Норвежский	09.2018	49	0	3	63	114
Немецкий	10.2013	39	10	2	84	136
Латинский	10.2018	41	6	2	52	101
Французский	09.2011	30	4	1	45	80

За три последних года я занимался в общей сложности 26 языками, с разной интенсивностью. Числовые данные приводятся за обработанный к настоящему моменту период для тех языков, которые я изучаю до сих пор и в которых ощущаю определенную компетенцию.

При подходе к языкам я руководствуюсь принципами, которые я узнал от известных полиглотов А. Аргуэльеса, С. Кауфманна и М. Маккормика: вместе с изучением грамматики читаю и слушаю тексты с переводом, применяю технику *shadowing*, практикую грамматику упражнениями типа *substitution drills* и составляю собственные предложения. В зависимости от целей я уделяю тем или иным видам деятельности должное внимание. Ввиду своих интересов я стараюсь как можно скорее приступить к чтению естественнонаучной литературы и просмотру научно-популярных лекций на изучаемом языке.

По моим эмпирическим оценкам, адекватное понимание письменной норвежской речи появилось примерно через ~12 месяцев после начала изучения, датского — через ~9 месяцев, фарерского — спустя ~5 месяцев. При этом адекватного понимания немецкого (который я изучал ранее) я достиг приблизительно за 4-5 месяцев после июня 2019 г., а древнеисландского (который я начал изучать параллельно с фарерским) — за 12 месяцев. Заметна закономерность, что для современных германских языков адекватное владение двумя языками сокращает время для освоения следующего примерно на 3 месяца, тремя — еще на 4 месяца. Однако более существенную роль играет схожесть грамматики и словаря, что видно на примере древнеисландского, освоение которого заняло около года, несмотря на достаточно уверенное владение четырьмя германскими языками.

В дальнейшем планируется продолжить самонаблюдение на материале других языков вместе с фиксацией уровня владения языком и объема словарного запаса на разных этапах его изучения для сопоставления с количеством полученного инпута (прочитанных и услышанных текстов), что позволило бы более объективно проследить и описать динамику развития языковой компетенции.

РОЛЬ МЕТОДИКИ ГИПЕРИНТЕНСИВА В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЯЗЫКОВЫХ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМ ДЛЯ РАЗВИТИЯ РАЗГОВОРНОГО НАВЫКА

В.Л. Бигулати (Бланес)
Образовательный проект “Language with joy”
veronikabigulati@gmail.com

Последнее десятилетие открыло человечеству уникальные возможности в совершенно новом подходе к организации изучения языков. Одним из важнейших технологических прорывов стало появление онлайн-платформ бронирования преподавателей и носителей иностранных языков, благодаря которым ученик может организовать себе практически любое количество занятий и получить доступ к большому выбору преподавателей/носителей из разных стран в режиме реального времени.

Самые популярные мультиязычные платформы на сегодняшний день: Italki (italki.com), AmazingTalker (amazingtalker.com), Verbling (verbling.com), Preply (preply.com). Популярная платформа изучения испанского языка — Baselang (baselang.com).

Например, платформа Italki (italki.com) предоставляет разнообразный выбор преподавателей/носителей более, чем 130 языков (количество варьируется от распространенности языка и от доступа носителей/преподавателей данного языка к онлайн платформе), как квалифицированных, так и просто тьюторов для практики общения. Ученик фактически попадает в маркетплейс, где предоставляется возможность сделать выбор по совершенно разным параметрам: цена, расписание, наличие третьего языка, тип урока, преподавателя и пр. Также на платформе можно посмотреть презентацию преподавателя/носителя, почитать отзывы, личную и профессиональную информацию, понять нравится ли произношение и многое другое. Платформы также предоставляют удобный интерфейс для бронирования уроков и составления расписания занятий. Всё это значительно расширяет и облегчает возможности ученика организовать себе занятия, не выходя из дома.

Само по себе наличие данных возможностей и ноу-хау еще не дает качественных занятий, но создает очень хорошие предпосылки для этого. Одним из ярких примеров синергии онлайн-платформ и нового подхода к изучению иностранных языков является методика Гиперинтенсива полиглота Алана Бигулова (далее Методика).

Важным элементом Методики является организация так называемых гиперинтенсивов (далее ГИ) — плотная ежедневная серия платных занятий с

преподавателями/носителями в течение короткого периода, например по 3 часа занятий в день в течение 10 дней, которые предоставляют возможность в существенно короткие сроки совершить прорыв в разговорной практике.

В ходе ГИ не просто создается эффект интенсивного погружения в язык, как, например, просто проведение большого количества занятий в день, а выстраивается их определенная четкая логика, и только тогда возникает повышение эффективности.

Проведение ГИ стало в полной мере возможно как раз благодаря этим технологическим новшествам и смене парадигмы в изучении языков.

Конечно, такая организация занятий возможна и без специализированных платформ, но значительно увеличиваются организационные трудности.

Так, летом 2021 года полиглот Алан Бигулов для исследовательских целей провел ГИ в осетинском языке (Онлайн-встреча по итогам Гиперинтенсива пяти романских языков — <https://youtu.be/-hCdziK2NNs>.) без применения языковых онлайн платформ. Результаты этого эксперимента открывают множество возможностей для других групп малых языков с использованием Методики.

Ярким примером максимального использования возможностей онлайн-платформ стал другой эксперимент этого полиглота, в ходе которого в течение двух недель им одновременно изучались пять романских языков (Итоговая встреча Дины Никуличевой с носителем испанского языка Maura Vilorio (7-й день изучения языка) — <https://youtu.be/eqeSKk3hIIs>). Без платформ это было бы практически невозможно организовать.

А самым недавним (на момент написания тезисов) примером использования моноязычной платформы Baselang (baselang.com) стал суперинтенсив изучения испанского языка с нуля, который успешно осуществила проф., д-р филол. наук, Д.Б. Никуличева при сопровождении полиглота Алана Бигулова.

Само наличие платформ значительно облегчает организацию изучения, но не гарантируют качества занятий и заметного прогресса в разговорном навыке, для этого нужна методическая база.

ГИПЕРИНТЕНСИВ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПЯТИ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

*А.К. Бигулов (Владикавказ)
Образовательный проект “Language with joy”
abigulov@yandex.ru*

В январе 2022 года автором был проведен эксперимент по одновременному интенсивному изучению пяти романских языков: французского, испанского, итальянского, каталанского и португальского.

Данный эксперимент явился продолжением исследований методики Гиперинтенсива (далее Методика), разработанной автором в ходе исследовательского проекта «10 языков за 1000 дней» (<https://telegra.ph/Proekt-10-yazykov-za-1000-dnejAlan-01-16>). Научным куратором проекта и эксперимента является проф., д-р филол. наук Д.Б. Никуличева.

Важным элементом Методики является гиперинтенсив (далее ГИ) — такая форма организации занятий, когда ученик занимается с носителями на протяжении короткого периода времени (1-2 недели) каждый день по несколько часов в день разговорной практикой. В ГИ создается ситуация *управляемого* погружения в языковое взаимодействие с *большим количеством носителей*, организованное специальным образом.

Ранее автором были проведены ГИ при изучении хинди, арабского, турецкого, китайского, осетинского и испанского языков. ГИ во всех случаях показал высокую эффективность для быстрого развития разговорного навыка как с нулевого уровня, так и при наличии предварительных разговорных навыков разного уровня.

В этот раз автором впервые был осуществлен эксперимент по применению ГИ сразу для пяти языков из одной языковой группы. Перед ГИ стартовый уровень разговорной практики в языках был следующим: каталанский, португальский — с полного нуля; французский — 4 года полного отсутствия разговорной практики, уровень около А2; итальянский — 2 года полного отсутствия разговорной практики, уровень около А2; испанский — около В1.

Перед проведением ГИ было составлено расписание уроков с носителями: французского, испанского, итальянского — по 2 часа в день, каталанского и португальского — по 4 часа в день. Таким образом, ежедневный объем разговорной практики должен был составить 14 часов на всех пяти языках на протяжении около 12 дней.

Фактическое время занятий в ГИ по каждому языку составило: французский — 18,5 часов; итальянский — 27,75 часа; испанский — 13 часов; каталанский — 38 часов; португальский — 37,75 часа. Общее время — 133 часа. Количество дней ГИ — 12. Общее количество уроков — 230. Продолжительность большинства уроков составляла 25 мин. Общее количество носителей — 110. Расхождение фактического с запланированным временем связано, что часть занятий были отменены носителями.

По итогам ГИ во всех языках наблюдался значительный прогресс в разговорной практике, что было зафиксировано в серии итоговых одиночных (включая каталанский и португальский) и мультиязычных беседах длительностью от 45 мин до 1,5 часа.

В рамках проведения данного эксперимента были поставлены и успешно решены ряд исследовательских задач. Подтвердились следующие гипотезы:

1. Возможно вхождение в разговорную практику одновременно, как минимум, на двух новых языках из одной языковой группы.

2. Возможно вхождение в разговорную практику на нескольких языках при одновременном прогрессе в нескольких других языках, находящихся на более высоком уровне говорения.

3. Изучение нескольких языков из одной языковой группы в рамках одного ГИ обладает эффектом синергии и не только не замедляет, но ускоряет прогресс во всех языках при использовании Методики.

В ходе эксперимента также было обнаружено, что фонетическая интерференция оказывает большее влияние при одновременном изучении языков, чем лексическая интерференция. Так, практически не возникало интерференции между французским, каталанским и испанским языками, а также между французским и итальянским. Но интерференция между итальянским, испанским и португальским преодолевалась заметно труднее.

ФЕНОМЕН МЕТАФОРИЗАЦИИ В ЭПОХУ ИНКЛЮЗИВНОСТИ И РАЗНООБРАЗИЯ: ВКЛАД В ПОЛИГЛОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*Н.М. Брицына (Москва)
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
nast.britsyna@mail.ru*

Наблюдаемый в последнее десятилетие всплеск научного интереса к феномену полиглотики открывает широкие возможности для открытий в области работы мозга,

в частности феномена внимания — что и какими средствами фиксируется в языковой картине мира. Магистральными концептами становятся Инклюзивность (Inclusion) и Разнообразие (Diversity), закрепленные в основных документах международных организаций и компаний. Упомянутые концепты не только содержательны сами по себе, но и примечательны с точки зрения того направления человеческой мысли, которое они задают. Так, концепция лингвистического разнообразия (Linguistic Diversity) предполагает расширение области научного обзора от доминантных, распространенных языков до «малых языков», в связи с чем особое значение приобретают полиглотические исследования.

В сложившихся условиях представляется целесообразным выделить в качестве перспективной сферы исследований концептуальные метафоры при сравнительном многоязыковом анализе. Изучение концептуальных метафор делает более доступным и конкретным абстрактное «языковое сознание», которое находится в центре большинства современных лингвистических исследований. Именно благодаря тому, что метафоры *не* отражают реальную действительность, а устанавливают связь между объектами, которые в реальности *не* связаны, и становится возможным выйти на когнитивный уровень языка, демонстрирующий, какие именно элементы в силу их вербализации являются частью ментального фокуса субъектов, неотъемлемыми категориями мышления в зависимости от конкретной языковой системы, в том числе системы малых языков.

Японский лингвист М. Оцуки [Ohtsuki, 2021] также обращает внимание на то, что зачастую метафоры — единственное средство, которым носитель языка способен вербализовать явление. Данное положение можно проиллюстрировать даже на языке ученых и врачей, которые в своих высказываниях систематически активизируют метафоры «моста», «рук», «поездов» и «звезд» соответственно, говоря о *nasal bridge* ‘переносица’, *macrophage stretching its arms* ‘макрофаг, простирающий ‘руки’ (для захвата бактерий)’, *anatomy trains* ‘анатомические поезда’, *astrocytes* ‘астроциты’.

Кроме того, обнаружение концептуальных метафор в языках с возможностью последующего составления специальных многоязычных словарей имеет весомое практическое значение, поскольку знание концептуальных метафор можно назвать одной из важных ступеней усвоения языка: от того, насколько совпадает/не совпадает метафоризация одного и того же явления в языках, зависит верность выбора языкового средства. Например, если носителю русского языка необходимо будет передать на английском языке единицу «увядший цветок», дословный перевод, при котором адресант сохранит центральный прототипический признак явления «потеря влаги, свежести объектом», окажется дезинформирующим, так как *dried flower* — это «гербарий». При этом чтобы воспользоваться необходимым существующим эквивалентом в английском языке, нужно знать иную метафорическую природу данного явления, закрепившуюся в англоязычном языковом сознании — *dead flower*, «мертвый цветок», с центральным прототипическим признаком «потеря жизненных ресурсов, смерть объекта». Однако это пример из двух массово распространенных языков, а полиглотические исследования позволили бы расширить научный фокус, концентрируя внимание также на языках, которые ранее не подвергались систематическому анализу. Так, не ограничиваясь основными языками мира и включая исследования концептуальных метафор в парадигму лингвистического разнообразия, лингвисты способны сделать категорию языкового сознания более репрезентативной.

ОБРАЗ ПОЛИГЛОТА ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ МГИМО

*А.В. Виrolайнен, Н.С. Коваленко, Д.С. Комаров (Москва)
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
al.virolajnen@my.mgimo.ru, ni.kovalenko@my.mgimo.ru,
komarov@my.mgimo.ru*

Научное изучение полиглотики до настоящего времени проводилось преимущественно в русле психолингвистики и методики обучения иностранным языкам, что объясняется необходимостью понимания ее фундаментальных основ и востребованностью ее данных в сфере образования. В то же время, по мере роста современного движения полиглотов как общественного явления, становится целесообразным применение методов социологии и статистики. К настоящему времени известны лишь единичные исследования такого рода (*The Character Traits of Polyglots* А. Аргуэльеса, *Polyglot Identities* М. Херлеви). Данная работа стремится продолжить разработку этого подхода.

МГИМО, будучи одним из ведущих научных центров России и Европы, помимо прочего входит в «Книгу рекордов Гиннеса» по количеству изучаемых языков (таковых 53). С одной стороны, это значит, что в стенах университета велика вероятность встретить людей, относящих себя к полиглотам. С другой стороны, у студентов вырабатывается образ полиглота, т.е. представление об определенных чертах, которыми склонен обладать человек, называющий себя полиглотом.

Согласно сложившемуся у современных исследователей определению (М. Эрард, А. Аргуэльес, Г.А. Казаков, К. Хильтенстам, О. Журавлёв и др.), полиглот — это человек, владеющий на функциональном уровне не менее чем пятью иностранными языками, изученными после переходного возраста. Однако в массовом сознании (среди людей, не знакомых с научными данными полиглотики) распространено более расплывчатое определение полиглота как человека, владеющего несколькими иностранными языками.

Эта формулировка подсказала нам направление настоящего исследования. Если даже базовый термин полиглотики нуждается в спецификации и операционализации, то сколько есть еще таких «белых пятен» в восприятии феномена полиглотики обычными, не связанными с языкознанием как наукой, людьми? Как формируется образ полиглота в общественном сознании? Какими чертами он должен обладать?

В поисках ответов на эти вопросы мы решили обратиться к студентам МГИМО как представителям переходной группы между обывателями и полиглотами. С одной стороны, это молодые люди, не связанные прямым образом с вопросами лингвистики, т.к. программы МГИМО ориентированы прежде всего на прикладные специальности международного профиля, для которых иностранные языки являются средством профессиональной деятельности, а не объектом научного изучения. Но, с другой стороны, как отмечено выше, МГИМО — мультиязыковая среда, в которую погружены как российские студенты, изучающие минимум два иностранных языка, так и иностранные студенты, приезжающие получить образование.

Таким образом, студенты МГИМО — люди, так или иначе эмпирически ощущающие на себе влияние иностранных языков, активно вовлеченные в их изучение, но структурно и академически лингвистику не изучающие, что свойственно и полиглотам, для большинства из которых языки не являются профессией. В этой связи в сознании студентов, с большой степенью вероятности, должен формироваться комплекс специфических характеристик, соответствующих образу полиглота.

Настоящее исследование ставит своей целью путем социологического опроса выявить особенности, характеризующие восприятие студентами МГИМО понятия «полиглот». Ожидается, что результаты исследования также покажут степень

мотивированности студентов к изучению языков, что может быть использовано для усовершенствования системы их преподавания. В дальнейшем полученные данные могут быть сопоставлены с тем, как полиглоты сами воспринимают себя, и как отличительные особенности их личности описываются в исследовательской литературе.

СРАВНЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО ПОДХОДА И МЕТОДИКИ ГИПЕРИНТЕНСИВА В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Ю.С. Дрик (Красноярск)

*Онлайн-школа испанского языка Escuela
juliadrik@yandex.ru*

В декабре 2021 года автор приняла участие в экспериментальной интенсивной программе развития разговорного навыка английского языка по методике Гиперинтенсива (далее — Методика) полиглота Алана Бигулова, что послужило основой сравнительного анализа данного метода с традиционным подходом.

Данная программа проходила в виде гиперинтенсива (далее — ГИ), когда ученик занимается на протяжении короткого периода времени (1-2 недели) каждый день по несколько часов в день разговорной практикой, организованной специальным образом.

Под традиционным подходом, в целях сравнения, мы условимся понимать такую организацию занятий иностранным языком, когда ученик проводит 2-3 урока в неделю обычно с одним преподавателем и следует его учебным планам.

Сравнительный анализ проходил по следующим направлениям: система организации серии уроков, структура отдельного урока, роль ученика и преподавателя, работа с языковым материалом, освоение лексики и грамматики, работа с языковыми задачами, работа с неязыковыми факторами.

Отличительными особенностями Методики являются: инициативная, лидирующая роль ученика на уроке; разыгрывание на уроках лингво-коммуникативной ситуации; создание эффекта интенсивного погружения в разговорную практику; занятие с большим количеством разных носителей; постановка конкретной языковой задачи; работа с ограниченной по выбранной тематике лексикой; отсутствие на уроках дополнительных учебных материалов; коучинговая поддержка и сопровождение на протяжении всего ГИ.

К преимуществам перед традиционным подходом Методики можно отнести: существенный прогресс в разговорном навыке за короткое время и умение решать сложные языковые задачи после прохождения ГИ.

Помимо решения конкретной языковой задачи Методика дает возможность лучше понять себя, свои личные способности и позволяет развить навык обучения.

Лексико-грамматические структуры усваиваются в контексте специально организованных, повторяемых и в тоже время естественных ситуаций общения с носителями. Ученик — активный участник и инициатор учебного процесса.

В традиционном же подходе ученик и его потребности «встраиваются» в учебный план и материалы преподавателя. Повторяемость материала также является важным аспектом, но зачастую она не является естественной. Преподаватель выступает инициатором и более активным участником процесса.

Хотя преподаватель учитывает конкретную языковую задачу ученика, но всё же обучение сводится к тому, чтобы научить ученика пользоваться грамматическими структурами, используя лексику, не всегда совпадающую с его языковой задачей. Традиционный подход использует постепенное наращивание, наложение и повторение лексических и грамматических структур с использованием учебных материалов.

Успех в традиционном методе во многом зависит от выбора преподавателя, на подбор которого зачастую уходит достаточно много времени. Становятся существенными факторами его квалификация, опыт, личные качества.

Применение Методики выгодно дополняет традиционный подход, поскольку последний позволяет развивать несколько навыков одновременно (чтение, правописание, произношение, разговорный навык), хотя прогресс в разговорном навыке развивается гораздо более быстрыми темпами с помощью метода ГИ.

Вместе с тем можно выделить ряд ограничений Методики. Существенное значение в успехе применения методики СИ имеет психологическая готовность ученика занять и удерживать лидирующую роль на уроке, управлять ходом урока. Если ученик не готов быть в роли источника всего происходящего на уроке, то для таких учеников более подходят традиционные формы организации занятий.

Таким образом, сочетание методики по развитию разговорного навыка с помощью проведения гиперинтенсивов с традиционным подходом может повысить общую эффективность при грамотном планировании учебного процесса.

ЖУРНАЛ *LINGUISTICS & POLYGLOT STUDIES* КАК НОВАЯ ПЛАТФОРМА ДЛЯ НАУЧНЫХ ДИСКУССИЙ В ОБЛАСТИ ПОЛИГЛОТИКИ

*Т.А. Ивушкина (Москва)
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Tatiana.ivushkina@gmail.com*

В МГИМО МИД России появилась новая английская версия журнала *Филологические науки в МГИМО — Linguistics & Polyglot Studies*, которая открывает новые возможности и перспективы для развития журнала и нового научного направления — полиглотики. Присвоение журналу нового английского названия совпало с выпуском специального номера (№ 3) в октябре 2021 года, в котором были опубликованы материалы международных конференций в области полиглотики за период с 2013 по 2018 гг. (материалы конференций в Нью-Йорке и Москве) и обобщены научные дискуссии лингвистов из России, Польши, Японии, Ирландии, США и других стран, очерчивающие задачи и перспективы сотрудничества в этом направлении. МГИМО как самый мультикультурный и многоязычный университет, в котором преподают более 50 иностранных языков и который готовит специалистов по самым разным дисциплинам (политология, журналистика, социология, энергетика, право, экономика, бизнес и др.) для работы на международной арене, закономерно становится платформой для развития полиглотики, ибо изучение/преподавание иностранных языков в университете является сильной и очень важной составляющей учебного процесса. Журнал с новой английской версией *Linguistics & Polyglot Studies* вместе с тем продолжает традиции журнала ВАК *Филологические науки в МГИМО* и сохраняет те направления исследования, которые изначально определяли содержание журнала: межкультурная коммуникация, социолингвистика, когнитивная лингвистика, переводоведение, прагмалингвистика, дискурсивная лингвистика, литературоведение и лингвокультурология, а также инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков. С момента своего образования в 1999 году журнал прошел долгий, двадцатидвухлетний путь развития, от сборника научных статей с названием *Филологические науки* до статуса журнала ВАК с несколько измененным названием — *Филологические науки в МГИМО*, а также обновленным форматом. Подписание болонской декларации и присоединение университета к общему европейскому образовательному пространству в 2003 году способствовали реформированию журнала, изменению требований для научных публикаций и его

качественному преобразованию. *Филологические науки в МГИМО / Linguistics & Polyglot Studies* является уникальным в своем роде: он публикует материалы на 10 иностранных языках: русском, английском, немецком, французском, итальянском, испанском, китайском, японском, арабском и хинди. Обновленный журнал — это новая платформа для живого научного общения, обсуждений и дискуссий самых разных лингвистических и междисциплинарных вопросов, проведения научных семинаров и конференций, в которых могут принять участие не только авторитетные ученые, исследователи с учеными степенями и званиями, но и студенты, проявляющие интерес к изучению языков. Это платформа для исследователей-единомышленников, и самое главное — мы ее можем формировать сами в зависимости от наших интересов. Планируется ежегодно выпускать тематические номера, проводить научные конференции по обозначенным темам или по материалам специального выпуска, а также научные конференции для студентов-полиглотов.

ПОЛИГЛОТИЯ, МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

*Г.А. Казаков (Москва)
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
g.kazakov@my.mgimo.ru*

Одной из центральных проблем современной науки является понимание механизмов работы мозга и их моделирование в технике, что предполагает фокус на исследовании языка как основной знаковой системы человека. На передний план в решении этих задач выходит психолингвистика в естественнонаучном понимании (изучение усвоения, порождения и восприятия речи). В свете этого понимание природы овладения языком и полиглотии как его высокоэффективной формы имеет фундаментальное значение для машинного перевода и искусственного интеллекта как технологических проекций человеческих способностей.

Многочисленные свидетельства из практики усвоения родного и неродного языков, в т.ч. полиглотами, указывают на то, что процесс овладения языком зависит от двух основных факторов, а именно: достаточного объема понятного инпута (получаемого речевого материала в виде устных и письменных текстов) и эмоциональной готовности к его восприятию. Имеющиеся данные позволяют, в частности, заключить, что для достижения порогового уровня в иностранном языке (B1–B2) необходим инпут порядка 1 млн. слов, в то время как при овладении родным языком в детстве требуется в несколько десятков раз больше [Казаков, 2019].

Машинный перевод в его более успешных формах перешел от формализованных правил к статистическим моделям и системам самообучения, которые базируются на обширных корпусах переводов, выполненных людьми. Так, по оценкам разработчика сервиса *Google Translate* Ф. Оха, создание системы перевода для новой пары языков требует двуязычного корпуса (параллельных текстов) объемом более 150–200 млн. слов, а также двух одноязычных корпусов размером свыше 1 млрд. слов каждый; при этом увеличение объема данных повышает качество перевода [Och, 2005].

Современные разработки в области искусственного интеллекта указывают на переход от использования предварительно загруженных человеческих знаний к индуктивному обучению на основе прецедентов. Вопрос о размере выборки для машинного обучения остается открытым. Высказываются мнения, что отправной точкой может служить минимальное количество в 1000 образцов для каждого класса предметов или же объем данных, десятикратно превышающий количество параметров объекта. При повышении сложности задач (например, в глубинном обучении)

необходимый размер выборки может увеличиваться на несколько порядков.

Представляется, что общими принципами эффективного овладения языком, машинного перевода и искусственного интеллекта являются: 1) фактор инпута (входного материала, подлежащего обработке), 2) статистический механизм и 3) принцип аналогизма-типологизма (распознавание явлений по аналогии и группировка их в типовые модели). Иными словами, речь идет об отслеживании и обобщении повторяющихся закономерностей в больших массивах эмпирических данных на основе статистической вероятности.

В теоретическом аспекте представляет интерес выявление возможных числовых констант этих процессов. С практической точки зрения сделанный вывод подтверждает важность обеспечения изучающих иностранные языки большим количеством материалов (аудио, видео, текстов для чтения) на данных языках. Что касается полиглотов, можно предположить, что у них когнитивные навыки, основанные на указанных принципах, отточены до совершенства, что подтверждается сведениями о более эффективной работе мозга полиглотов в плане обработки языка [Jourovlev, 2020].

Дальнейшее развитие связанных с языком технологий, вероятно, будет зависеть от их способности моделировать более сложные аспекты человеческого опыта, который в обозримом будущем вряд ли может быть заменен в сфере образования машинами.

ГИПЕРИНТЕНСИВНОЕ ВХОЖДЕНИЕ В РАЗГОВОРНУЮ ПРАКТИКУ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ СТРАТЕГИИ ПОЛИГЛОТА АЛАНА БИГУЛОВА

*Д.Б. Никуличева (Москва)
Институт языкознания РАН
Московский государственный лингвистический университет
nikoulitcheva@yandex.ru*

Проблематика исследования полиглотов отличается от проблематики исследования мультилингвизма. Важнейший параметр различий состоит в том, что полиглотия — это мультилингвизм, сознательно приобретенный во взрослом возрасте. Это определяет возможность изучения эффективных стратегий полиглотов в достижении тех или иных языковых навыков для дальнейшего их применения в лингводидактической практике.

Хотя явление полиглоти известно с глубокой древности, стратегии полиглотов не есть устоявшийся набор эффективных приемов. Некоторые составляющие, такие как проактивный подход к изучению языка, неизменны, другие же зависят от преобладающих перцептивных особенностей того или иного полиглота, но многие определяются теми социальными и технологическими особенностями, которые предлагаются обществом в тот или иной момент. Вот почему к тем стратегиям полиглотов, которые были описаны в книгах серии «Лингвистические и психологические стратегии полиглотов» [Никуличева, 2009; 2013], за последнее десятилетие добавилось немало новых составляющих, производных от цифровизации современного общества. В первую очередь это касается использования языковых платформ, позволяющих вести диалог с носителями соответствующих языков: <http://www.italki.com/>, <https://web.baselang.com/>, <https://en.amazingtalker.com/>.

Темой предлагаемого доклада служит навык стремительного вхождения в разговорную практику, под чем понимается способность вести диалог на новом языке с незнакомым носителем в течение определенного времени на интересующие обоих собеседников общие темы. Ключевыми составляющими стратегии, выявленной А. Бигуловым в ходе проведенного им эксперимента «10 языков за 1000 дней», служат: необходимость стартового гиперинтенсива, под чем понимается ежедневное общение не менее, чем с 6 новыми носителями языка в течение 10 дней; целесообразность

одно/двухдневного перерыва в середине гиперинтенсива; направление процесса общения не учителем, а учеником, предполагающее определение им круга вопросов, которые тот хочет обсудить на языке в течение каждого из дней гиперинтенсива, что активизирует творческий потенциал личности и делает изучаемый язык не самоцелью, а инструментом общения, создавая эффект естественной речевой деятельности как активного и целенаправленного процесса создания и восприятия высказываний, осуществляемого с помощью языковых средств в ходе взаимодействия людей в жизненных ситуациях общения.

Важными результатами испанского суперинтенсива, который автор тезисов прошла за 7 дней (11, 12, 13, 14, 15, 18, 19 февраля 2022 г.) стали следующие наблюдения: 1. принципиальная возможность за 7 дней начать вести диалог на новом языке с незнакомыми носителями из разных стран (Испании, Центральной и Южной Латинской Америки) даже для человека совсем немолодого возраста; 2. ценность моноканального общения на изучаемом языке без привлечения языков-посредников; 3. важность учета гендерных и возрастных особенностей при подборе собеседников; 4. важность отслеживания — помимо внешней обратной связи от собеседников — внутренних эмоциональных состояний, позволяющих определить степень удовлетворенности качеством языкового общения, а также максимальный ресурсный объем ежедневных занятий; 5. значимость удержания контакта глаз с собеседником в процессе коммуникации для облегчения спонтанности общения и ряд др.

В результате проведенного эксперимента была подтверждена эффективность принципиально новой методики изучения иностранных языков, отличной от существовавших ранее, в том числе методик интенсивного изучения языка, где направляющая роль в процессе обучения принадлежала учителю (как правило, не носителю языка), что создавало эффект квазикоммуникации. Было доказано, что использование методики гиперинтенсива на стартовом этапе дает возможность войти в разговорную практику уже на 7 день с начала изучения языка (см. видео беседы на 7 день изучения испанского языка: <https://youtu.be/eqeSKk3hIIs>).

Тип гарнитуры “Таймс Нью Роман”

Формат 170×240/16

Объем 12,3 усл. печ.л.

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии РУДН